

ИЗ ИСТОРИИ
ЯЗЫКА
И КУЛЬТУРЫ
СТРАН
ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ

« НАУКА »

Силь

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт славяноведения и балканистики

**ИЗ ИСТОРИИ
ЯЗЫКА
И КУЛЬТУРЫ
СТРАН
ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ**

Ответственный редактор

В. Н. ВИНОГРАДОВ

МОСКВА

«НАУКА»

1985

В книге публикуются статьи молодых ученых, в которых освещаются новые результаты исследований по истории (о славянской политике Людовика Благочестивого, взглядах польских консерваторов 60—70-х годов XIX в., политике США в вопросе польско-германской границы и др.), литературоведению (о творчестве писателей — К. Мисаржа, Й. Дарваша, Л. Мештерхази, Дж. Кэлинеску), лингвистике (о фонетической изоглоссе албанского, балто-славянских и иранских языков, о тюркизмах языков карпатского ареала).

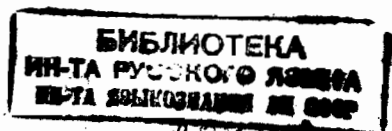
Для историков, филологов, лингвистов.

Редколлегия

В. Н. ВИНОГРАДОВ (отв. редактор),
Ф. Г. ЗУЕВ, В. В. ИВАНОВ, Е. П. НАУМОВ,
С. В. НИКОЛЬСКИЙ, С. А. ИВАНОВ (отв. секретарь)

Рецензенты

Ю. П. ГУСЕВ, О. П. МОРОЗОВА, Н. М. ПАШАЕВА,
С. А. ШЕРЛАИМОВА

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ
СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Утверждено к печати Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Редакторы издательства Н. Г. Ларгина, Н. В. Павлова
Художник Б. В. Сопин. Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор А. М. Сатарова
Корректоры Д. Ф. Арапова, М. В. Борткова

ИБ № 29814

Сдано в набор 15.04.85. Подписано к печати 12.08.85.
Т-16716. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная. Импортная.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,92.
Усл. кр.-отт. 11,24. Уч.-изд. л. 12,7. Тираж 2250 экз. Тип. зак. 336.
Цена 1 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

И 0504000000-301 -85—III © Издательство «Наука», 1985 г.
042 (02)-85

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сборник «Из истории, языка и культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы» включены статьи молодых ученых — аспирантов и научных сотрудников Института славяноведения и балканистики, являющиеся для многих из них первой научной публикацией.

В книге представлены все три специальности Института — история, языковедение, литературоведение. Отсюда — специфика структуры настоящего издания, отражающая основные направления, по которым готовятся научные кадры славяноведов и балканистов. Другая его отличительная черта — тематическое разнообразие, что неизбежно в изданиях подобного рода. Формирование ученого — длительный и сложный процесс, и начинается он с конкретного исследования конкретной проблемы. Эта стадия и отражена в книге.

Историческая часть сборника представлена статьями по средним векам, новому и новейшему времени. Работа В. Ронина отражает традиционную для Института славяно-германскую проблематику и посвящена истокам политики «Дранг нах остен», в течение веков определявшей характер международных отношений в Центральной Европе; Г. Пятигорский открывает еще одну страницу в истории традиционных русско-греческих связей; А. Миллер анализирует малоизученный вопрос из истории польской общественно-политической мысли XIX в. О. Тарасов показывает образование одного из звеньев сооружавшегося в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции «санитарного кордона» вокруг Советской страны, польско-румынского союза. Н. Станков на документах демонстрирует вынужденный характер признания Соединенными Штатами западных польских границ после второй мировой войны, уделяя особое внимание значению Згожелецкого договора 1950 г.

Лингвисты представлены двумя статьями. В. Орел обращается к глубинным связям албанского, балтославянского и индоиранского языков. Т. Семенова посвятила

свое исследование выявлению и анализу заимствований из турецкого языка в языках карпатского ареала.

Литературоведческий раздел данной книги включает статьи, в которых поставлены значительные проблемы творчества видных писателей и критиков Венгрии, Румынии и Чехословакии. А. Журавлева посвятила свою статью анализу нравственной проблематики романа чешского писателя К. Мисаржа «Окраина». Е. Львова рассматривает вопрос о жанре романа Л. Мештерхази «Загадка Прометей»; Н. Морозов показывает процесс становления литературно-критической концепции видного писателя, автора «Истории румынской литературы» Дж. Кэлинеску; известному венгерскому писателю Й. Дарвашу и возглавлявшемуся им в 1930-е годы литературно-общественному течению «народных писателей» посвящена работа Н. Куренной.

В. Н. Виноградов

ИСТОРИЯ

В. К. Ронин

СЛАВЯНСКАЯ ПОЛИТИКА ЛЮДОВИКА БЛАГОЧЕСТИВОГО:

814—829 гг.

Печальный свидетель заката Каролингской империи Саксонский Поэт обращается к ней на исходе IX в. с такими словами:

Карла смерть унесла — и вся твоя честь и вся слава
Стали бежать от тебя и постепенно прошли ¹.

История отвела сыну Карла Великого — императору Людовика — полтора десятилетия относительного покоя и мира. Хватило 15 лет, чтобы обреченность наследия Карла обнаружилась уже с полной ясностью. Кризис охватил в эти годы и завещанную новому царствованию систему франко-славянских связей ². Недаром анонимный писатель второй половины IX в., рассказывая о некоем ночном видении Карлу Великому, предвещавшем падение могущества его династии, замечал: «Ведь после смерти Карла, в царствование императора Людовика, бретонцы и многие из славянских племен отложились и лишения обрушились в некоторых местах на его государство» ³. Для летописцев эпохи Карла ободриты — «наши славяне» ⁴; для Пасхазия Радберта, составившего в 40-х годах IX в. «Житие аббата Валь», — «неукротимое племя», символ опасности христианскому миру ⁵.

Историки прошлого мало занимались причинами краха сложившейся при Карле системы союзов с восточными соседями. Невнимание к социальным и политическим корням этих союзов, к сложности их правовой природы (функциональность, обоюдный расчет в основе, сочетание элементов равенства и подчинения и т. д.), наконец, к внутренней логике их развития заставляло механически «пристегивать» судьбу франко-славянских взаимоотношений к судьбе самой распадающейся империи. Как бы ни объясняли историки разложение Каролингской державы: слабостью ли нового государя, взаимоотталкиванием формирующихся в недрах империи народностей или приведением политической надстройки в соответствие с социально-

экономическим базисом — сеньориально-вотчинным строем — те же самые причины служат в их глазах и для объяснения неудач на Востоке.

Бесспорно, ослабление авторитета центральной власти, внутренние распри, сепаратизм провинций подрывали положение империи и как эффективного союзника славян, и как силы, способной удержать «варварские народы» от нападений. Однако первый период правления Людовика (814—829), наиболее насыщенный контактами со славянами, — период важных административных и церковных реформ, вообще созидательной работы ради укрепления единства «христианской империи»⁶. Сам Людовик — решительный и гибкий политик-реалист, прошедший хорошую школу при Карле и прекрасно знакомый с проблемами пограничных районов, в том числе восточных⁷. Буквально с первых дней царствования он постоянно следил за положением дел на всем протяжении восточной границы⁸. К его услугам — военная мощь почти всей Западной и Центральной Европы, усовершенствованный механизм мобилизаций, налаженная информационная служба. А между тем уже вскоре после смерти Карла кризисные тенденции во франко-славянских отношениях проявились со всей полнотой. «Измена» ободритов в 817 г. и восстание Людевита Посавского 818—823 гг. — наглядные тому доказательства. Объяснять эти явления только слабостью империи или императора⁹ значит само формирование системы внешних связей интерпретировать односторонне, приписывать его исключительно гению Карла Великого. Понимая же развитие этой системы как исторический процесс, движимый объективными внутренними противоречиями, мы должны искать причины кризиса в ней самой.

Для средневековья 30—35 лет — весьма небольшой срок для значительных структурных сдвигов. Но если на эти годы у ряда славянских народов (особенно в бассейне Среднего Дуная) приходится решающий этап возникновения раннефеодальной государственности, причем этот процесс ускорялся воздействием внешнего фактора, то мы вправе ожидать, что политическая организация у славянских партнеров Карла претерпела за время его правления известные изменения. Наши нарративные памятники позволяют судить об этих изменениях лишь по их отражению в политической ситуации правящего слоя. Конечно, определить при неблагоприятном состоянии источников, насколько продвинулось общественное разви-

тие славян за 30—35 лет их контактов с Западом, или тем более измерить относительное влияние на этот процесс тех или иных факторов, едва ли возможно. Ограничимся поэтому гипотетической реконструкцией некоторых ближайших структурно-значимых последствий самих франко-славянских взаимоотношений.

«Измена» ободритов. Есть все основания предполагать, что в ходе войн с саксами и вильцами при Карле племенная верхушка ободритов упрочила свои позиции, расширив подвластную ей территорию, присвоив себе добычу и труд многих пленных, повысив свой военный, политический и социально-психологический статус внутри княжества. По мере эволюции форм франко-славянских связей от союза к вассалитету непосредственное вмешательство императора во внутренние порядки у восточных соседей — будь то санкционирование наследственной княжеской власти или арбитраж в политических конфликтах в княжествах — становилось обычной практикой. Разумеется, Карл «не создал у славян никаких новых отношений господства и подчинения, но лишь использовал структуры, которые уже застал, и через избранный им способ связи поддерживал выдвижение политически сильных»¹⁰. С этим суждением Р. Эрнста нельзя не согласиться.

Применение норм вассалитета способствовало интеграции славянских обществ в более развитую систему международного права раннефеодального мира. А это, в свою очередь, ускорило трансформацию структур власти военной демократии у славян и усиливало — во внешнеполитическом плане — руководящую роль княжеской династии и ее аристократического окружения: в первой трети IX в. в источниках редко выступают «ободриты» как целое, но чаще их князья и «знатные лица». Вообще франко-славянские отношения в источниках все более «персонализируются»: если под 789—807 гг. 6 славянских предводителей названы в Королевских анналах по именам, то за такой же срок под 808—826 гг. — их уже 12. Подобная «персонализация» вполне может служить показателем прогрессирующей социальной дифференциации. Другой признак растущей поляризации общества — психологическая готовность ободритской элиты к принятию христианства (казус князя Славомира в 821 г.).

Регулярные личные — военные и дипломатические — контакты с могущественным иностранным государем во многом изменили сами основы легитимации публичной власти в княжестве, позволяя князю и его окружению

репительнее навязывать свою волю общине, активнее влиять на политику племенного объединения, ориентировать ее на собственные корпоративные интересы. Наглядный пример: в 826 г., когда среди «племени» были «различные мнения о том, надо ли принимать обратно своего короля» Цедрага, «лучшим и выдающимся» удалось — с санкции Людовика — провести в жизнь собственное решение, и князь был восстановлен на престоле¹¹. Показательно, что политическая победа той или иной «партии» ободритской знати над соперниками — а полем битвы за власть обычно выступал дворец Людовика — немедленно реализуется в конкретных коллективных действиях ободритов как целостного объединения¹².

В положении ободритского князя обнаруживается в начале IX в. нечто новое. «Народ» (*populus*) политически самоутверждается не в позитивном волеизъявлении на собрании, а скорее негативно — отказывая в определенных моменты князю в поддержке¹³. Та часть племенной знати, которая противодействует единовластию князя, уже не может справиться с ним иначе как при помощи Каролингов. Власть князя названа в источниках *regia potestas*, *regnum suum*¹⁴. Отсюда исторически один шаг до *regnum Dei gratia* раннефеодальных монархов. В восприятии франкских авторов князь ободритов в начале IX в. не просто возглавляет ополчение, как Витцан в 789 г., не просто стоит на верху потестарной пирамиды, но в известном смысле «присваивает» ее. Племенное объединение — *sua societas*; «народ» — *populus suus*, *gens sua*¹⁵. В 809 г. глиняне «отпали» не от ободритов, а от их князя (*ab eo defecerant*). И все же собственно патриониальной концепции каролингские писатели на ободритов — в отличие от южных славян того же периода — отнюдь не переносят. Недостает одного важного элемента, у южных славян уже появившегося: территория связывается еще не с князем, а с самим «племенем» (*Abodritorum. . . partes*; *in Abodritos*; *per Abodritos*; *terra illorum*)¹⁶. Не непосредственно с князем, а с «его народом» связывается в источниках и знать (*primores populi sui*; *primores gentis suae*)¹⁷.

Но как бы ни были объективно благоприятны для социальной элиты ободритов эти долгосрочные тенденции, все же тесные связи с империей имели, очевидно, для местной верхушки и аспект негативный. Вассалитет в IX в. — международно-правовая форма для Западной Европы традиционная, но новая для славянского Востока. Она пред-

полагала строго регламентированные отношения неравенства и зависимости, и ее нормы не могли не казаться славянам, только что вовлеченным в более сложную, чем прежде, систему международных связей, непривычно жесткими и обязывающими. Пока эти нормы отвечали военно-политическим устремлениям самого славянского княжества, они не вызвали заметного сопротивления. Однако стоило всей стратегической ситуации в регионе измениться, как те же нормы превратились в глазах окрепшей социальной верхушки в бесполезный ограничитель растущей мощи и самостоятельности племенного объединения, в источник глубоких противоречий. Противоречия эти столь сильны, что взаимопонимание между партнерами исчезает с удивительной для раннего средневековья быстротой.

Итак, поступательное развитие славянских обществ в рассматриваемый период и диалектика внешнего фактора привели уже в первой четверти IX в. к заметной консолидации правящего слоя вокруг центральной власти княжеской династии и ко все большей тяге племенного объединения к полной независимости. Отсюда — рост противодействия, оказываемого славянской знатью попыткам Каролингов усилить свой пошатнувшийся контроль за союзниками. Одновременно становилось возможным для князя быстрее и оперативнее менять внешнеполитическую ориентацию, если того требовали интересы безопасности и военной экспансии собственного княжества.

Совместная франко-ободритская победа над саксами в начале IX в. радикально изменила стратегическую ситуацию на северо-востоке империи. Для новых обстоятельств (активизации датчан) прежние связи явно не годились. Уже конфликт с датским конунгом Гёттриком в 808—810 гг. показал ободритам, вынужденным тогда рассчитывать только на свои силы, что союз с франками потерял отныне всякую эффективность и не обеспечивал не только выгод, но даже безопасности. Страхиться же ослабленных, по-видимому, в результате франкского похода 812 г. вильцев ободритам уже едва ли приходилось, и в союзе против них также не было нужды. Франко-ободритский «foedus» времен саксонских войн изжил себя. Вместе с тем в условиях нового «стратегического треугольника» (франки — датчане — ободриты) разрыв с франками неминуемо требовал от славян тесных и действенных связей с датскими конунгами. На повестке дня стоял теперь ободрито-датский союз.

Помнить об этой объективной подоплеке тем более необходимо, что в противном случае резкий поворот в отношениях с франками, осуществленный в 817 г. ободритским князем Славомиром, может показаться актом волюнтаристским. В самом деле, и до и сразу после кончины Карла 28 января 814 г. политика ободритов течет в прежнем русле — русле союза с Каролингами. При этом для ободритов их отношения с франками и датчанами все сильнее переплетаются. Конечно, память о Гёттрике еще жива, и сыновья его, захватившие власть в Дании в 813 г., скорее враги для ободритов. Поэтому, приняв участие в организованном их сюзереном Людовиком в 815 г. походе против Дании с тем, чтобы вернуть власть другому франкскому вассалу — конунгу Гаральду, ободриты преследуют, как всегда, и свои собственные интересы. Но рассмотрим это известие подробнее: «Император приказал, чтобы саксы и ободриты подготовились к этому походу»¹⁸. Само по себе выражение «iussum est», если сделать поправку на тенденциозность анналистов, мало о чем говорит. Однако, связав его с теми обстоятельствами, что командует экспедицией императорский легат, что ободриты полностью подчинены оперативному плану Ахена, а источники явно приравнивают их к подданным Людовика — саксам, можем заключить: зависимость ободритов от франков выражена здесь намного заметнее, чем при описании совместных франко-ободритских походов 789 и 798 гг. Очевидно, это почувствовал и анонимный биограф Людовика. Эспилируя Королевские анналы под 815 г., он как бы разъясняет от себя: «Саксонские графы и ободриты, некогда покоренные государем Карлом»¹⁹.

Экспедиция окончилась безуспешно, но она, де-факто подтвердила лояльность князя Славомира. Юридически вассалитет был подтвержден, по-видимому, в том же году в Падерборне, куда к новому императору «явились все знатные лица и послы восточных славян»²⁰, прежде всего, как мы полагаем, ободритов²¹. Прямо упомянуты ободритские послы под 816 г.²²

Далекие и дорогостоящие путешествия славянских послов, а нередко и самих князей и «знатных лиц» к «кочующему» двору франкского монарха стали при Людовике более регулярными (почти ежегодными), будучи средством постоянной актуализации вассальной зависимости от империи. Именно поэтому, отложившись в 817 г. от союза с франками, князь Славмир «стал утверждать, что никогда отныне не перейдет Эльбу и не явится во дво-

рец»²³. Отказ *expressis verbis* от личной явки ко двору был равнозначен открытому одностороннему расторжению вассальных уз, а формула, употребленная Славомиром, вполне традиционна для подобного случая²⁴. Перед нами отнюдь не минутная эмоциональная вспышка, а хорошо рассчитанный шаг, осуществленный с соблюдением принятых в раннесредневековой международно-правовой практике формальных процедур. Князь знал, на что шел: после такого заявления в дело обычно вступало оружие²⁵. Декларировав «измену», местный правитель должен был или ждать неминуемого нападения или нападать сам, ибо прекращение действия любого договорного правоотношения почти автоматически влекло за собой войну. Вот почему, едва узнав об «измене» ободритов, император велел саксонским графам тотчас же усилить охрану границы по Эльбе²⁶.

«Причиной отпадения было то, что Славомиру, который после смерти Траско до сих пор один сохранял королевскую власть над ободритами, было приказано разделить ее с Цедрагом, сыном Траско»²⁷. Что это было: недоверие? «Легитимизм» Людовика, забота о прямом престолонаследии в зависимом княжестве, как полагал М. Хелльманн²⁸? Давление на императора со стороны враждебной Славомиру группировки ободритской знати²⁹? Здесь широкое поле для догадок. Более вероятно все же другое. Мы склонны видеть здесь первое свидетельство изменившегося отношения Каролингов к монархическим тенденциям у славян. По мере ослабления франкского влияния и надежности вассальных уз императоры, по-прежнему уважая само династическое право (Цедраг — сын Траско), стремятся посредством института санкции создать политический противовес единовластному правителю³⁰. Само по себе вмешательство сюзерена в вопросы престолонаследия в вассальном княжестве не было противоправным, но в обычной практике императорская санкция княжеской власти не имела «обратной силы», а потому «приказ» Людовика мог быть воспринят как злоупотребление. Для ободритской же верхушки, не имевшей уже в это время, как мы думаем, оснований дорожить тесными связями с франками, обида князя явилась лишь непосредственным поводом для разрыва с Ахеном.

Достоверно известно дальнейшее: Славомир, «тотчас отправив послов за море, завязал дружбу с сыновьями Годофрида (Гёттрика. — В. Р.) и добился, чтобы в трансальбинскую Саксонию было послано войско». Более того:

ободриты выступили вместе с датчанами против крепости Эзесфельд (ныне Итцехо), но гарнизон устоял ³¹. Вряд ли речь шла, как полагает Р. Эрнст, о намерении ободритов «вернуть» себе якобы «отнятую» у них Карлом в 810 г. Нордальбингию на правом берегу Эльбы ³². Скорее это — демонстрация, превентивное выступление в ожидании возмездия за «измену», причем теперь естественными союзниками ободритов могли стать только датчане. Карательный рейд не заставил себя ждать: на следующий же год саксы и восточные франки захватили Славомира и доставили вместе с «обвиняющими его во многих преступлениях» знатными ободритами в Ахен ³³.

Здесь впервые в наших источниках открыто проявился конфликт между князем и влиятельной частью «*primoges*», выражавший противоречия централизационного процесса в княжестве. Г. Йегер необоснованно полагал, будто «франкское влияние пустило у ободритов столь глубокие корни, что стремление Славомира к независимости толкнуло его вельмож на сопротивление» ³⁴. Следствие тут явно принято за причину. «Верховенство («*Oberhoheit*») империи» было, подчеркивает Р. Эрнст, «в истинном смысле слова внешним и никоим образом не накладывало устойчивого отпечатка на быт и устройство племенного союза» ³⁵. Не внешнеполитические разногласия в среде ободритской верхушки породили внутренние контрверзы, а скорее наоборот: противники Славомира составили в 817—819 гг. профранкскую «партию». Так, не посягая на внутренние порядки ободритов, но лишь играя на столкновениях местных группировок, империя обеспечила себе на время контроль за положением дел на северо-востоке.

В Ахене состоялся суд. Славомир «был приговорен к изгнанию» ³⁶. Князем стал сын верного союзника франков Цедраг. Акт имперской санкции (*regnum. . . Seadrago. . . datum*) восстановил отношения вассалитета. Однако какие-то могучие стимулы, более мощные, чем франкская дипломатия или сорокалетняя традиция союза, толкали к отпадению и Цедрага. В 821 г. он также проявил «вероломство» и тотчас же заключил «*societas*» с сыновьями Гёттрика ³⁷. Но на этот раз реакция ахенского двора оказалась не столь поспешной. Лишь год спустя франки приняли новые меры для защиты северо-восточного участка границы: была воздвигнута крепость Дельбенде (на р. Дельвенау на правом берегу Эльбы около Лауэнбурга) с саксонским гарнизоном ³⁸ — форпост против датчан и ободритов.

Такая сдержанность императора дала многим историкам повод упрекать его в нерешительности. Так, Э. Херрманн вообще считает колебания («Schwanken»), неуравновешенность («Unausgeglichenheit») и неуверенность («Unsicherheit») отличительными чертами восточной политики Людовика ³⁹. Суждение это не новое и не справедливое. Оно восходит к сложившимся еще при жизни императора и закрепленным средневековой «каролингской легендой» критическим представлениям о Людовике Благочестивом как о слабом и неспособном государе ⁴⁰.

Мы склонны вслед за Р. Эрнстом ⁴¹ объяснять «нерешительность» императора в 821 г. и позже тем, что прямой угрозы ободрито-датского нападения на империю, как при Славомире, не было. В самом деле, ни о каком антифранкском выступлении, как в 817 г., мы из анналов не узнаем. Это и не удивительно: в начале 20-х годов IX в. сыновья Гёттрика переживают политические трудности и даже вынуждены принять своего соперника Гаральда в соправители. Цедрагу, по всей видимости, не удалось добиться от датчан реальной поддержки. Недаром аквитанский хронист XI в. Адемар Шабаннский, который, как правило, очень тонко понимает интригу, скрытую за лапидарными строками использованных им анналов, делает «разъясняющую» вставку: Цедраг с сыновьями Гёттрика «non bene egat» ⁴². Вероятно, поэтому ободритский князь счел более разумным не идти на открытый разрыв вассальных связей и даже отправил в 822 г. своих послов на имперское собрание во Франкфурт ⁴³.

Итак, сдержанность Людовика лишний раз доказывает функциональный характер франко-ободритского союза — не расширение во что бы то ни стало сферы власти, а гарантия безопасности и мира на восточной окраине государства интересовала Каролингов в этих взаимоотношениях. В то же время политические инициативы двора в 821 г. энергичны и разнообразны. Первая из них — попытка вернуть Славомира ⁴⁴. По дороге на родину бывший князь заболел и умер. Перед смертью он принял крещение. Едва ли это было только актом личного выбора: крещение зависимых правителей всегда было в средние века политически релевантным, создавая элемент дополнительной (и высшей) международно-правовой связи ⁴⁵. Тот факт, что уже в 821 г. Людовик увидел необходимость подвести новый, прежде ненужный, но гораздо более прочный фундамент под слабеющие вассальные отношения, свидетельствует — вопреки легенде о «слабости» благочести-

вого императора — о незаурядном его даровании¹ как политика.

Когда восстановить Славомира на престоле не удалось, франки прибегли к иным средствам — интригам среди ободритской знати, переговорам с мятежным князем Цедрагом. Часть племенной верхушки княжества непрерывно злоумышляла против Цедрага, обвиняя его перед императором в «измене», тогда как другая осталась верна князю и от его имени защищала его при дворе ⁴⁶.

Так как именно личная явка к сюзерену служила критерием верности, то вполне логично, что Цедрага обвиняли главным образом в несоблюдении этого важнейшего из вассальных обязательств, ведь он «уже давно (после слухов о его «измене». — *В. Р.*) уклонялся от приезда к императору». На повторный вызов Цедраг, опасаясь открытого конфликта, явился «и перед лицом императора привел удовлетворительное обоснование своей задержки» ⁴⁷. «Удовлетворительное обоснование»? В следующей фразе анналист сам разбивает свою «благополучную» формулировку и приводит иное оправдание необычной терпимости Людовика: хотя Цедраг «и был кое в чем виновен, однако ради заслуг его предков ему было разрешено вернуться в свое королевство не только безнаказанным, но и с подарками». «Отчуждение» ободритов продолжалось, но в Ахене уже не могли с ним справиться.

Пять лет франко-ободритские отношения несли эту, по словам Р. Эрнста, «пробную нагрузку» ⁴⁸. Пять лет, если верить анналам, империя поддерживала видимость нормального положения. Наконец, в 826 г. Людовик прибег к своеобразному референдуму, дабы «выяснить, хочет ли народ («vulgus»), чтобы Цедраг продолжал быть его королем». Мнения среди ободритов разделились, однако «лучшие и выдающиеся» высказались за оставление князя на престоле, и Людовик приказал «вернуть ему королевскую власть», которой тот, находясь в это время фактически под судом в Ингельхейме, очевидно, считался лишенным ⁴⁹. Прав ли В. Фритце, видя здесь разногласия между «*primiores*», с одной стороны, и «*meliores ac graestantiores*», — с другой ⁵⁰? Едва ли: мнение «лучших и выдающихся» противопоставлено в анналах позиции всего остального «народа». Кроме того, у самих «*primiores*» вовсе не было, как мы видели, единодушия.

Налицо — явная уступка ободритам. Удивленным подобным исходом дела, позднейшие экспиляторы Королевских анналов искали ему объяснения. Так, анонимный

биограф Людовика, привнося, как он часто делает, собственную мотивацию событий, считает причиной уступки «недостаточную убедительность» улик против мятежного князя («*probatio non satis clara*») ⁵¹. Была ли эта уступка признаком слабости Каролингов или их предусмотрительности, но во всяком случае признаком кризиса прежней системы связей. Самый прочный и давний из франко-славянских союзов терпел крушение. Для одной из сторон он стал ненужным бременем, другая оказалась не в состоянии его удержать. С 826 г., когда франки, отпустив с миром Цедрага, признали тем самым падение своего реального сюзеренитета свершившимся фактом, и почти до конца царствования Людовика источники о делах в Полабье молчат.

Конечно, никаких резких перемен на северо-восточной границе мы не заметим. Удачно, как нам кажется, найденный М. Хелльманном термин «отчуждение» («*Entfremdung*») хорошо передает постепенность и необратимость происходившего политического процесса ⁵². Славянские послы (ободриты?) по-прежнему являются на собрания ⁵³. Каждый поход на ободритов в конце 30-х годов источники представляют как кару за нарушение верности императору ⁵⁴. Но сами факты, переданные в Бертинских анналах, противоречат этой бодрой риторике. Славянские набеги на Саксонию все учащаются: и ободриты, бывшие союзники, то и дело упоминаются среди других племен, сжигающих саксонские деревни. Об обострении положения свидетельствует и дальнейшее усиление охраны границы: в 839 г. — новые распоряжения Людовика, каким германским племенам против каких врагов выступать; впервые мы находим более или менее ясные указания на существование Саксонской марки ⁵⁵.

Между тем, крайнее ослабление франко-ободритских связей было очевидно и для современников. Как мог бы иначе датский конунг Орик обратиться в 838 г. к императору с «бесстыдной и ни с чем не сообразной» «просьбой» «отдать ему фризов и ободритов»?! ⁵⁶ Слово «*petitio*» не должно вводить нас в заблуждение: датчане предложили Людовику отказаться от того, над чем он и так уже не имел власти (ведь в 834—838 гг. франки практически утратили контроль и над Фризией). Потому-то в выражении Эйнхарда, писавшего в 830-х годах ⁵⁷, «ободриты некогда («*olim*») были союзниками франков» ⁵⁸ так слышна ностальгическая нотка сожаления о безвозвратно прошедшем. Показательно, что у более позднего автора, у Пасхазия

Радберта, именно ободриты выступают уже как символическое обозначение «врага видимого» вообще — в противоположность «врагу невидимому» — людским порокам ⁵⁹.

Но ослабление связей неминуемо влекло за собой серьезную угрозу совместных датско-славянских выступлений, особенно с 827 г., когда сыновья Гёттрика укрепили свою власть в Дании настолько, что смогли безнаказанно изгнать своего соперника — Гаральда, верного вассала франков. В самой империи в 30-е годы IX в. наступили жесточайшие внутренние распри. Хотя в 838 г. император отверг «бесстыдную просьбу» датчан, поскольку саксы тогда же одержали крупную победу над ободритами и вильцами, однако положение в регионе оставалось угрожающим. Опасения Людовика Немецкого в 842 г., во время восстания Стеллинга в Саксонии, «как бы норманны, а также славяне не объединились, благодаря их соседству, с саксами, назвавшими себя Стеллинга, и не напали на королевство. . .» ⁶⁰ — наилучшее тому подтверждение.

Отношения с сорбами, вильцами и чехами. Чтобы представить себе, как развивались в эти годы отношения империи с другими группами славянства, вернемся немного назад. В 816 г. Людовику пришлось столкнуться и с унаследованными от отца проблемами на границе с сорбами. Неоднократные попытки Карла подчинить их своему контролю, удержать от нападений на имперские земли не оказали длительного воздействия на это децентрализованное множество самостоятельных княжеств. Набеги продолжаются и в новое царствование, а за ними, как всегда, следует карательная экспедиция. Ее результат — формальное обещание «покорности» ⁶¹, т. е. в сущности обязательство сорбов не нарушать мир. О дальнейшей ситуации на центральном отрезке восточной границы империи прямых данных у нас нет. Самостоятельность отдельных сорбских племенных объединений, имевших собственных «королей» ⁶², вероятно, позволяла Людовику добиваться в 20—30-х годах IX в. у некоторых из них известного уважения своего авторитета. Отсюда появление сорбских посольств при дворе ⁶³ и история «неповиновения» и «вероломства» Тунгло, «одного из знатных лиц у сорбов» (очевидно, франкского вассала), которому Людовик после разбирательства, «взяв в заложники его сына, разрешил идти домой» ⁶⁴. Понятно, что игра на разобщенности сорбских племен не исключала военных столкновений. Между тем охрана границы все больше утрачивала централизованный характер. В 839 г. саксы вели войну «с сорбами, что

зовутся колодицы», описанную в Бертинских анналах как чисто межплеменной конфликт. Стройная и цельная картина франко-славянских отношений фрагментируется, превращается в цепь локальных эпизодов.

Другие «традиционные» источники беспокойства для империи — вильцы и чехи — в первый период правления Людовика вообще почти не дают о себе знать. Тому возможны несколько объяснений. Во-первых, молчание памятников еще не доказывает, будто на границе не происходило мелких столкновений, о которых в свете ряда серьезных событий 814—829 гг. просто не стоило упоминать. Во-вторых, общественное развитие у вильцев отличалось, как известно, некоторой замедленностью. Борьба между усилившейся публичной властью княжеской династии и демократическими традициями политического полноправия «народа» — эта борьба, исход которой у ободритов был уже предрешен, у вильцев еще только разворачивалась. Не только правовое, но и социально-политическое содержание их контактов с Каролингами совершенно иное, чем у ободритов. Правда, и у вильцев княжеская власть за 30—35 лет заметно эволюционировала. В начале IX в. «вся королевская власть» сосредоточена в руках одной семьи и разделена между братьями, причем князю Любу принадлежала «totius regni summa» как старшему не в племени, а в правящей семье⁶⁵.

И все же к 823 г. активная потестарно-значимая роль «народа», прежде всего в перераспределении княжеских прерогатив внутри правящей семьи, сохраняется. «Regnum» князя вильцев — не «regia potestas» Славомира или Цедрага, а «regnum sibi commissum»⁶⁶. Опираясь на «народ» («populus», «gens»), племенная знать еще в силах сама решать вопросы престолонаследия и ограничивать княжеское единовластие. Однако это становилось все труднее. Обращение той или иной аристократической группировки за поддержкой к иностранному государю, давно уже ставшее у ободритов традицией, у вильцев только начало в 823 г. проявляться как тенденция. Нужды племенной верхушки в укреплении своих позиций путем установления прямых и, естественно, мирных контактов с императором объективно создавали и здесь почву для вмешательства Каролингов.

Именно поэтому и благодаря возросшему авторитету франкского двора как международной арбитражной инстанции, а вовсе не из вассального долга или обязанности иного рода прибыли в 823 г. во Франкфурт два отпрыска

правлящей у вильцев династии, Милегост и Целедраг, оспаривавшие друг у друга «королевскую власть». Можно с уверенностью сказать, что как раз братьев-претендентов и имеет в виду анналист, сообщая под 823 г. о «варварских посольствах», часть из которых явилась не «по приказу» (*iussae*), а «по своей воле» (*sua sponte*). Людовик в этом эпизоде предстает отнюдь не как полноправный «протектор» вильцев, на что он и не мог претендовать, но лишь как осмотнительный дипломат. Узнав «волю народа» вильцев ⁶⁷, он фактически поддержал решение «народа» о передаче княжеской власти младшему из братьев. Ни о каком «праве» императора смещать князей у вильцев нет оснований говорить, но только об умелом использовании Каролингами внутриплеменных разногласий для проведения своего влияния. Причем отмеченное выше стремление преемников Карла ослабить ставшие опасными для франкских интересов монархические тенденции в славянских княжествах заставляет Людовика подкрепить высокий статус Милегоста перед лицом его младшего брата — князя. Ведь хотя император разрешил спор в пользу Целедрага, анналы специально подчеркивают: «Обоих (! — *V. P.*) их, однако, наградив щедрыми дарами и связав клятвой, он отослал их на родину» ⁶⁸. И опять анонимный биограф Людовика вносит «разъясняющее» дополнение: «отпустил их друзьями по отношению к нему и между собой» ⁶⁹. Как сохранение конфликтной ситуации фактического двоевластия понял жест императора и Адемар Шабаннский: «сделал их обоих равными правителями (*fecit eos ambos equaliter regnare*)» ⁷⁰.

На чем основывалось франкское влияние в Чехии, сказать трудно. Мы не знаем также, насколько оно было сильно. В начале IX в. на территории западной и северо-западной Чехии существовало, по всей видимости, более или менее устойчивое объединение чешских племенных княжеств во главе с князем Лехом ⁷¹. Со времени его гибели в войне с франками в 805 г. у нас нет никаких данных о внутреннем положении Чешских земель. Лишь под 845 г. Фульдские анналы упоминают о крещении в Регенсбурге 14 чешских князей ⁷². Не исключено, что за сорок лет власть отдельных племенных князей у чехов весьма усилилась, но связи между ними ослабли. Если это допущение верно, то мы вправе предположить, что, как и у сорбов, подобная ситуация открывала франкам возможность влиять на некоторые из мелких княжеств, удерживать их от посягательств на имперскую территорию.

Только с возникновением в бассейне Среднего Дуная Великой Моравии франко-чешские и франко-моравские связи становятся важны для современников. Правда, нитранский князь Прибина, изгнанный объединителем Моравии Моймиром, прибыл к графу Восточной марки еще в начале 30-х годов IX в.⁷³ Но это уже новая эпоха, новые отношения, новый круг проблем.

Восстание Людевита Посавского. Если с вильцами, сорбами и чехами Каролингская империя поддерживала при Людовике лишь спорадические контакты, то история отношений франков с южными славянами, как и с ободритами, оказалась в этот период намного более динамичной и богатой событиями. Союзы франков с карантанскими и посавскими славянами, порожденные в свое время политическими условиями, типологически сходными с теми, что сложились в бассейне Эльбы (война с саксами на севере; война с аварами на юге), быстро эволюционировали к вассальным связям. Однако, как мы старались показать выше на примере ободритов, новая правовая форма взаимного общения не могла быть долговременной и прочной. Те же социально-структурные и политико-стратегические факторы, которые привели к кризису прежней системы связей на севере, действовали и здесь, на юго-восточном участке имперской границы (только в описанную выше модель мы должны в качестве нового компонента стратегической ситуации «подставить» болгар — вместо датчан).

Данных об общественном развитии словенских и хорватских земель в начале IX в. у нас практически нет. Исходя из некоторых фактов социально-экономической и политической истории этого региона в 20—30-х годах IX в., мы можем ретроспективно сделать вывод, что и на юге наследственная княжеская власть, опиравшаяся не только на дружинную конницу или систему укреплений, но и на поддержку императора и церковно-миссионерских центров, к началу царствования Людовика значительно усилилась⁷⁴. В еще большей, чем у ободритов, степени могла она направлять в своих интересах внешнюю политику княжества, хотя противоречия между «верхами» и «низами»⁷⁵ и внутри правящего слоя выражены здесь достаточно отчетливо (присоединение «части карантанцев» к восставшему Людевиту Посавскому или переход Драгомужа, тестя Людевита, «с самого начала» на сторону противников князя)⁷⁶. Если в Полабье активные политические протагонисты — князь и племенная знать («*primogēs gentis suae*»), то у южных славян начала IX в. — князь и

«его люди» («sui»), представлявшие собой значительную военную силу, которая постоянно находилась при своем вожде и давала ему возможность действовать вполне самостоятельно как в войне, так и в дипломатии ⁷⁷. Другой признак постепенного развития политических структур на Юго-Востоке в направлении раннефеодальной государственности мы видим и в том, что анналы уже широко применяют к славянам в Посавье или в Далмации господствовавшие в то время на Западе представления о патримониальном характере монархической власти (территория связывается не с «племенем», а с правителем: «sua provincia»; «regio sua»; «regio eius») ⁷⁸.

О степени зависимости Карантании, Посавья и Далматинской Хорватии от империи Каролингов в историографии до сих пор нет полного единодушия. Проблемы топографии восточной границы Франкской державы, географические и политико-правовые аспекты власти маркграфов — влиятельных посредников между императором и вассальными князьями, прежде всего графов Восточной и Фриульской марок, которые простирали свое «попечение» («сига») и на земли словенцев и хорватов ⁷⁹, — все это должно было бы стать предметом специального исследования, которое будет предложено нами в отдельной статье о восточной границе Каролингской империи. Пока же сошлемся, в самом общем виде, на мнение ведущих словенских и хорватских историков М. Коса, Б. Графенауэра, Н. Клаич и других: в первой четверти IX в. Карантания оставалась единым, политически самостоятельным княжеством вне пределов Франкской державы, хотя и зависевшим от нее в церковном и международно-правовом отношениях. Таково же было положение и Посавья и Далматинской Хорватии ⁸⁰.

В самом деле, данные латинских памятников позволяют говорить лишь о вассальной зависимости южнославянских княжеств от Каролингов, а не об их непосредственном административном подчинении императору или маркграфам, в чьи обязанности входил, очевидно, лишь самый общий военно-политический контроль над местными князьями-вассалами.

Вместе с тем по мере ослабления центральной власти в империи словенские земли, как, вероятно, и Посавье, подвергались растущему нажиму со стороны маркграфа Фриульского, постепенно присваивавшего себе сеньориальные права на местах. В чем именно проявлялись «жестокость и произвол» маркграфа Кадолаха, на которые

жаловались послы Людевита и которые стали причиной «мятежа» посавского князя, мы можем только догадываться. Как справедливо полагал Б. Графенауэр, как раз в это время Кадолах (умер в 819 г.) и его преемник Бальдрик начинают узурпировать земельную собственность в подконтрольных им словенских областях и уступать часть присвоенных земель (вместе с сидящим на них и попадающим уже в феодальную зависимость населением) церкви⁸¹. Действительно, 21 января 824 г. император подтвердил сделанное ранее фриульскими маркграфами патриарху Аквилейскому дарение: 20 колонов «в пределах Склавинии, в месте, которое зовется Целлия»⁸². Так как в грамоте прямо назван граф Кадолах, а упомянутая местность находилась в Карантании (долина р. Гайль), то предположение словенского историка вполне оправданно. Поскольку ни о политико-административной организации самой Карантании, ни о структуре землевладения там у нас нет практически никаких сведений, то вопрос о том, чьи конкретно интересы ущемляла подобная политика франкских должностных лиц, остается без ответа. Известно, однако, что лишь «часть карантанцев» и «жители Крайны», т. е. только те, на кого «простирает свое попечение» маркграф Фриульский, «отпали от нас (франков. — *V. P.*) и перешли на сторону Людевита»⁸³. Направлялось ли это антифранкское движение местной верхушкой (что вероятнее) или было стихийным выступлением закабаляемых непосредственных производителей, мы не знаем.

На севере от Дравы, где проживало большинство карантанцев и где исторически находился центр княжества, феодализирующаяся знать во главе с князем имела уже 75-летнюю традицию отношений с Каролингами, давно приняла христианство, была тесно связана с зальцбургским клиром и, очевидно, вполне осознавала принципиальную общность своих интересов с интересами франко-баварских магнатов и церкви. Именно социально-экономическая конвергенция Карантании и Баварии и вытекающая отсюда общность классовых позиций не только удержали местную элиту от участия в «измене Людевита», но и помогли ей, не особенно уже дорожившей политической самостоятельностью, более или менее безболезненно принять введение имперской администрации и в течение IX—X вв. почти полностью слиться с франко-баварскими вотчинниками в единый класс раннефеодальной аристократии. Верность империи со стороны подавляющей части словенского населения была обусловлена здесь в эти годы

еще и тем, что графы Восточной марки, контролировавшие положение в славянских землях к северу от Дравы, по-видимому, не вмешивались в поземельные отношения в княжестве Карантанском, используя еще не растроченный фонд феодальных пожалований на территории самой марки — от реки Энс до Венского Леса⁸⁴.

Иным было положение в Посавье. Тут не оказывали влияния ни традиции общности с западными государями, ни — после разгрома Аварского хаганата и мирной стабилизации в Паннонии — какая-либо заинтересованность местной элиты в поддержании вассальных связей с могущественной империей, ни, наконец, прочная уже интегрированность общества в христианский универсум. Поэтому какие бы то ни было попытки маркграфа Кадолаха ограничить самостоятельность княжества должны были восприниматься князем Людевитом и его окружением болезненно — как недопустимое и неоправданное злоупотребление (отсюда — обвинения в «жестокости и произволе»).

Дополнительную напряженность франко-славянским взаимоотношениям в междуречье Савы и Дравы придавала растущая северо-западная экспансия Первого Болгарского царства, заставлявшая небольшие подунайские племена тимочан, «преденецентов» и других то и дело менять ориентацию: то искать покровительства и «помощи» от «враждебных нападений» болгар у Каролингов⁸⁵, то поддерживать движение Людевита (тимочане)⁸⁶.

Бесплодные дипломатические контакты «преденецентов» с франками в 824 г. показывают, насколько неэффективным было обращение подунайских славян за помощью в Ахен. В изменившейся стратегической ситуации — а дальновидный Людевит мог понять это уже в 818 г. — прозападная ориентация и вассальная верность Каролингам, функционально оправданные в эпоху аварских войн, оказывались бесполезны против угрозы Посавью со стороны болгар. В реальности этой угрозы сомневаться не приходится: в 827 г. болгары, достигнув по Драве нижнепаннонских областей, заменили местных князей («duces») болгарскими «rectores»⁸⁷.

Аналогичная, как мы помним, объективная мотивационная основа политики ободритов привела их к «дружбе» с датчанами. Вступил ли и Людевит, разочаровавшись в связях с франками, в новый союз с ханом, как это предполагали в прошлом некоторые ученые⁸⁸, более чем сомнительно. Единственная приводимая ими ссылка на источ-

ник — в 824 г. хан направил в Ахен послов «как бы для заключения мира»⁸⁹. Но и это ничего не доказывает: раннесредневековому «рах» необязательно предшествовало состояние войны, но часто — простое желание вступить в договорные правоотношения. Кроме того, натиск болгар на междуречье Савы и Дравы был намного сильнее и опаснее для местных правителей, нежели экспансия датчан в Полабье.

Столь же сомнительны и связи Людевита с Византией. Соображение *cui prodest*, на которое опирается эта гипотеза, явно недостаточно. Что же касается знаменитой истории с патриархом Граденским, заочно обвиненным в Ахене в материальной поддержке восстания Людевита (посылка каменщиков для строительства укреплений)⁹⁰, то если беспокойный и склонный, как можно судить по другим известиям о нем⁹¹, к интригам и авантюрам, не раз менявший политическую ориентацию патриарх Фортунат и помогал посавскому князю, то делал это, несомненно, по собственному почину и замыслу, а не по плану Константинополя. Итак, не честолюбие Людевита, не его гипотетический союз с болгарами или греками, а совпадение многих социально-политических обстоятельств сделало именно посавского князя предводителем антифранкского движения.

Заметим, однако, что сложившаяся при Карле система взаимоотношений с восточными соседями обладала известной инерционностью. Процесс «отчуждения» шел подспудно и не сразу был осознан сторонами как необратимый. «Измену» Славомира, отчасти спровоцированную резким вмешательством франков в вопросы престолонаследия у ободритов, еще и можно назвать радикальным переворотом, вспышкой политических страстей. «Восстание» же Людевита — скорее постепенный, шаг за шагом, отход от статус-кво, нежели единовременный революционный акт, каким его часто представляют. И пусть аналитик, пораженный стойкостью и упорством посавского князя в последующие годы, приписывает ему задним числом замысел мятежа (*ges povas moliens*) уже под 818 г., объективная логика действий Людевита говорит о другом. Сначала — посольство посавских славян в Герстале в 818 г. с жалобами на маркграфа. Еще анонимному биографу Людовика показалось странным, что на такое важное посольство император не дал никакого ответа. Стандартную формулу анналов «выслушал и отпустил» эксплицитатор решил дополнить: Людовик «уладил» дело («соп-

positis)»⁹². В действительности, никакого ответа на жалобы послов не последовало, и тогда эта неудача дипломатической миссии заставила князя принять более решительные меры. К сожалению, мы не имеем о них никакой информации, кроме того, что император счел их «мятежом» и первым открыл военные действия, двинув в Паннонию войско маркграфа Кадолаха⁹³.

В чем проявилось «*gebellio*» Людевита? Трудно поверить, будто анналист умолчал бы о каких-либо его враждебных шагах против империи, подобных тем, которые предпринял на севере князь ободритов Славомир. С другой стороны, «*gebellio*» не обязательно связано с нарушением мира. Так, продолжатель хроники Псевдо-Фредегара называет «*gebellio*» поступок баварского герцога Одило, против воли своих сюзеренов Каролингов женившегося на девушке из их семьи⁹⁴. Мы знаем, что и пассивное сопротивление, нарушение — молчаливое или открыто выраженное — того или иного вассального обязательства становилось поводом для репрессалий со стороны франков. Не исключено, например, что Людевит просто отказался явиться ко двору по вызову, а это само по себе могло привести его к войне с империей.

Впрочем, и на этом этапе бывшие союзники вовсе не стремились к окончательному разрыву. Это обстоятельство заслуживает быть отмеченным особо, так как в историографии на него обычно не обращалось должного внимания. После безуспешного похода Кадолаха, уже одержав над франками первую крупную победу, Людевит, «преисполнившись надменности», отверг прежние условия зависимости. Но тут же выдвинул новые, «в случае согласия на которые обещал сделать все, что ему будет приказано». Людевит словно пытался сохранить из прежних отношений все, что возможно. Император «этих условий не принял и предложил ему через своих послов другие», т. е. также проявил склонность к компромиссу. Подобный пересмотр условий вассалитета не находит себе прецедента в раннесредневековых источниках и уже некоторым современникам событий мог показаться странным и непривычным. Так, анонимный биограф Людовика Благочестивого, очевидно, счел эти сведения о переговорах с мятежником унижительными для его героя: в главе 31 «Жизни Людовика» император просто отвергает требования князя как «неприемлемые», не предлагая ничего взамен. Тем временем Людевит заручился поддержкой соседних племен и, «сочтя за лучшее оставаться и далее в уже проявленной

им неверности», твердо вступил на путь «вероломства». Только теперь он в полном смысле слова «восстал», перейдя к сопротивлению активному, наступательному ⁹⁵.

Восстание 818—823 гг., положившее конец сложившейся при Карле Великом системе франко-славянских отношений на юго-востоке в конце VIII—начале IX в., приобрело громадный размах. Ни одно событие на славянском Востоке того времени не отражено в анналах так полно и подробно, как это мощное выступление, охватившее если не в военном, то в политическом плане огромную территорию от верховий Дравы до Тимока. Оно потребовало от франков организовать 10 походов для его подавления, для чего понадобилось мобилизовать все силы империи и ее союзников (далматинских хорватов). Война с Людевитом произвела немалое впечатление на каролингское общество. На это указывают не только обилие информации в Королевских анналах, но и упоминания в ряде актов 819 и 821 г. о походах против славян как о важном и опасном предприятии ⁹⁶, а также тот факт, что средневековая историография из всего многообразия событий, изложенных в Королевских анналах под 819—821 гг., чаще всего заимствует сведения лишь о «короле Лиутвиде» ⁹⁷.

Общий ход восстания и многие его частные аспекты хорошо изучены в литературе, прежде всего хорватской и словенской ⁹⁸. Нас интересуют здесь главным образом его политическая логика и последствия.

Потерпев поражение от превосходящих сил противника, Людевит бежал к сербам и оттуда «направил к войскам императора послов, обещая явиться пред лицо его» ⁹⁹. Это обычная (нормативная) модель поведения «раскаявшегося» вассала (вспомним поведение Цедрага в 823 и 826 гг.) ¹⁰⁰. Можно предполагать, что Людевита ждала ссылка, как Славомира или Зеида, арабского правителя Барселоны ¹⁰¹, или же огромная контрибуция, как бенеventских герцогов Гримоальда и Сигинульфа ¹⁰². Но по-савский князь был, видимо, слишком опасен. К вящему облегчению ахенского двора он был в 823 г. «убит исподтишка», пока ожидал в Далматинской Хорватии (вероятно, в качестве добровольного пленника) ответа от императора ¹⁰³.

Восстание 818—823 гг. имело последствия, намного превзошедшие его само по длительности и значению. Именно к 20-м годам IX в. относит большинство историков радикальную реорганизацию пограничного режима

империи на Юго-Востоке ¹⁰⁴. В рамках этой реорганизации политическая самостоятельность Карантании была ликвидирована, а князья заменены баварскими графами, подчиненными правителю Восточной марки ¹⁰⁵. Это событие, как оно зафиксировано в трактате «Обращение баваров и каратанцев» 871 г., связано, вероятнее всего, с прибытием Людовика Немецкого в 826 г. в его удельное Баварское королевство ¹⁰⁶. Словенские земли к югу от Дравы вошли в состав Фриульской марки, а после ее раздела в 828 г. образовали два пограничных графства, возможно, воссоединенные с Северной Карантаньей в пределах Восточной марки ¹⁰⁷.

Найдя себе союзников на западе и на востоке, Людевит столкнулся, однако, с противодействием в Далмации, причем не столько со стороны местного населения (ополчение гачан не стало в 819 г. воевать против посавского князя), сколько со стороны правящей элиты — князя Борны и его «*praetoriani*». Здесь политика Карла Великого, а затем и Людовика полностью оправдала себя. С тех пор как логика борьбы хорватского князя с романскими городами в принадлежащей Византии Далмации привела его к признанию вассальной зависимости от франков, Каролингская империя была весьма заинтересована в поддержании напряженности в субрегионе, по возможности парализуя миротворческие усилия Константинополя, ибо только перманентный пограничный конфликт гарантировал преемникам Карла верность князя далматинских хорватов.

Особенно наглядно это проявилось в ходе франко-византийских переговоров 817 г. в Ахене о «пределах романских далматинцев и славян» ¹⁰⁸. Греческий посол Никифор явно требовал определения точных границ и прекращения натиска хорватов на сельскохозяйственную округу городов, причем значительное влияние Каролингского государства во внутренней Далмации не вызывало в Константинополе никаких сомнений. «Но так как Кадолах, который простирал свое попечение на их (городов. — *B. P.*) соседей, не присутствовал, . . . император приказал и Никифору подождать его прибытия». Кадолах прибыл, и начались бесплодные переговоры. «А поскольку дело касалось многих: и романцев (*Romanos*) и славян, и казалось невозможным завершить его в их отсутствие, то император отложил его решение и послал в Далмацию вместе с Кадолахом и ранее упомянутым послом также Альбгария. . .» ¹⁰⁹. Даже если не знать о полном в конце концов

провале миссии Никифора¹¹⁰, то уже из приведенного текста, на наш взгляд, явствует: налицо не «любопытный пример уважения права народов», как полагал Л. Войнович¹¹¹, а хитроумная тактика проволок. И вновь «неудачливый» и «слабый» сын Карла обнаружил тонкое понимание стратегических выгод империи и дипломатическое мастерство. Уже через два года его искусная политика принесла свои плоды, обеспечив безупречную лояльность хорватского князя Борны и его преемника Ладислава во время восстания Людевита. И так, там, где общность интересов франков и славян продолжала существовать и осознаваться, сохранялась и почва для отношений вассалитета.

После 823 г. далматинские хорваты еще теснее сблизились с Каролингами, но именно через это сближение, в рамках его, шло подспудное усиление фактически независимого раннефеодального Хорватского княжества. Особенно благоприятным оказался раздел Фриульской марки в 838 г., в результате чего сюзереном Далматинской Хорватии стал (до 878 г.) итальянский король, не вмешивавшийся во внутренние дела страны.

Удержать же под своим контролем междуречье Дравы и Савы франки после гибели Людевита не смогли. С 827 по 828 г. здесь утвердили свои позиции болгары¹¹². В конце царствования Людовика Благочестивого империя взяла реванш и, по всей видимости, вновь обеспечила свое политическое влияние в Посавье. Но это мы уже вглядываемся в историческую перспективу: события 30-х годов IX в. разворачиваются на руинах заложенной Карлом Великим и его восточными партнерами системы взаимоотношений.

Славянская политика Людовика Благочестивого оказалась в целом неудачной. Необходимо, правда, различать в ней два аспекта: гарантирование безопасности и территориальной целостности самой империи на востоке и поддержание (и расширение) политико-правовых позиций Каролингов в славянских княжествах. Если первую задачу правительство Людовика в 814—829 гг., широко используя гибкую, маневренную дипломатию и военную мощь государства, решало более или менее успешно, оберегая свои земли от набегов датчан, вильцев, сорбов, чехов и болгар, то вторая задача осталась невыполненной и невыполнимой.

Прогрессирующий кризис сложившейся при Карле Великом системы франко-славянских взаимоотношений

уже в первое десятилетие нового царствования наглядно показал, как мало подчас зависят политические процессы от доброй или злой воли правителей, от их способностей или личных склонностей. Политика Людовика на славянском Востоке не была, как мы старались доказать выше, ни «слабой», ни «противоречащей», как иногда полагают¹¹³, курсу его отца. Действия императора всецело обусловлены конкретной обстановкой, соотношением сил и имеющимся в распоряжении каролингского двора арсеналом юридических и военных инструментов политического воздействия на «вероломных» партнеров. Но и сами партнеры — князья и знать ободритов и южных славян — отнюдь не проявляли такого беспричинного «вероломства» и склонности к резкой смене ориентации («измена», «отпадение»), как нам внушают франкские памятники. Напротив: люди, определявшие политику с той и с другой стороны, кажутся связанными традицией и вовсе не стремятся однозначно отказываться от привычных уже норм взаимоотношений. Но сама история, само социально-политическое развитие империи и ее восточных соседей и вместе с тем эволюция политико-правовых форм франко-славянского общения быстро подтачивали прежнюю систему взаимных контактов, словно «разъедая» вассальную лояльность ободритских князей или князя Людевита Посавского, «разводя» бывших союзников. Это же совпадение объективных обстоятельств не позволило Людовику и расширить его влияние на вильцев, сорбов, чехов и подунайских славян (тимочан, «преденецентов»). Никакие «уроки» правления, преподанные Карлом его младшему сыну, не могли предотвратить неудач славянской политики нового императора. А так как обе внешнеполитические задачи империи на востоке были с самого начала функционально связаны друг с другом, то неразрешимость одной из них поставила в конце концов под сомнение и решение другой: в 30-х годах угроза безопасности имперской территории с северо- и юго-востока заметно возросла.

«Каролингская» система франко-славянских взаимоотношений разделила трагическую судьбу многих исторических явлений, которые соединяются в нашем сознании с именем великого Карла. Поэтому к ней в полной мере применимы слова Ф. Энгельса о диалектике «франкского периода»: «При его (Карла. — В. Р.) преемниках обнаружилось то, что представляло из себя в действительности дело его рук»¹¹⁴.

- ¹ Poetae Saxonum annalium de gestis Caroli Magni lib.V. — In: Monumenta Germaniae Historica: Poetae latini aevi Carolini. Berolini, 1899, t. IV, fasc. 1, p. 65 (далее: MGH.)
- ² Подробнее о союзах Карла с ободритами и южными славянами, а также о войнах франков с вильцами и чехами см.: *Hellmann M.* Karl und die slawische Welt. — In: Karl der Grosse: Lebenswerk und Nachleben. Düsseldorf, 1967, Bd. I, 3. Aufl., S. 708—719; *Ernst R.* Die Nordwestslaven und das fränkische Reich. Berlin (West), 1976; *Ронин В. К.* Международно-правовые формы взаимоотношений славян и империи Карла Великого (союз и вассалитет). — Сов. славяноведение, 1982, № 6, с. 36—48; *Ронин В. К.* О «власти» Карла Великого над славянами. — Там же, 1984, № 1, с. 33—45.
- ³ Visio Caroli Magni. — In: Bibliotheca rerum Germanicarum. / Ed. Ph. Jaffé. Berolini, 1867, t. IV. Monumenta Carolina, p. 704.
- ⁴ Annales Laureshamenses, a. 798. — In: MGH Scriptores. Hannoverae, 1826, t. I, p. 37 (далее: MGH SS).
- ⁵ Ex Vita Walae abbatis Corbeiensis. — In: MGH SS, 1829, t. II, p. 537.
- ⁶ Ср.: *Ganshof F.-L.* Louis the Pious Reconsidered. — History, 1957, t. 42, p. 172—180; *Ganshof F.-L.* Een kijk op het regeringsbeleid van Lodewijk de Vrome tijdens de jaren 814 tot 830. Brussel, 1967, p. 7—10.
- ⁷ В 781—814 гг. Людовик был королем Аквитании. В 791 г. участвовал в походе Карла против аваров, а в 795, 799 и 804 гг. — против саксов. В последний год своей жизни Карл все лето обучал сына, «как он должен будет жить и управлять, как устраивать государство и как поддерживать в нем порядок» (Anonymi Vita Hludowici imperatoris, cap. 6, 9, 11, 20. — In: Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters. Berlin, o. J., Bd. V, S. 268, 270, 272, 288).
- ⁸ Annales regni Francorum, a. 814—815. — In: Ausgewählte Quellen. . . , Bd. V, S. 106 (далее: ARF).
- ⁹ Именно такое объяснение долго господствовало в историографии. (*Wagner R.* Das Bündnis Karls des Grossen mit den Abodriten. — Jahrbücher des Vereins für mecklenburgische Geschichte und Altertumskunde, 1898, Jg. 63, S. 127; *Mayer T.* Das Kaisertum und der Osten im Mittelalter. — In: *Mayer T.* Mittelalterliche Studien. Lindau; Konstanz, 1959, S. 64; *Löwe H.* Deutschland im fränkischen Reich. München, 1973, S. 173). Против негативного а priori суждения о северо-восточной политике Людовика выступил впервые Р. Эрнст (*Ernst R.* Karolingische Nordostpolitik zur Zeit Ludwigs des Frommen. — In: Östliches Europa: Festschrift für Manfred Hellmann zum 65. Geburtstag. Wiesbaden, 1977, S. 81—107).
- ¹⁰ *Ernst R.* Die Nordwestslaven. . . , S. 170.
- ¹¹ Annales regni Francorum, a. 826, S. 146.
- ¹² ARF, a. 817, 819, S. 114, 120.
- ¹³ ARF, a. 808, 809, 819? 826? S. 88, 92, 116, 146.
- ¹⁴ ARF, a. 817, 826, S. 114, 146.
- ¹⁵ ARF, a. 809, 819, 823, S. 92, 116, 132.
- ¹⁶ ARF, a. 808, 809, 819, S. 88, 90, 120; Annales Fuldenses, a. 844. — In: Ausgewählte Quellen. . . Berlin, o. J., Bd. VII, S. 32.
- ¹⁷ ARF, a. 819, 823, S. 116, 132, 134.

- ¹⁸ ARF, а. 815, S. 106.
- ¹⁹ Anonymi Vita Hludowici, cap. 25, S. 294. О «разъясняющих» вставках у Анонима см.: *Ронин В. К.* Светские биографии в каролингское время: «Астроном» как историк и писатель. — В кн.: Средние века. М., 1983, вып. 46, с. 181—182.
- ²⁰ ARF, а. 815, S. 106.
- ²¹ Один из биографов Людовика, Теган, сообщает о прибытии в 815 г. послов «от всех окрестных языческих народов» (Thegani Vita Hludowici imperatoris, cap. 14. — Ип: *Ausgewählte Quellen. . .*, Bd. V, S. 224), так что речь едва ли шла о южных славянах, в массе своей уже крещенных. Кроме того, как вытекает из дальнейшего, князю Славомиру не раз приходилось ездить ко двору в период между 810 и 817 гг.
- ²² ARF, а. 816, S. 110.
- ²³ ARF, а. 817, S. 114.
- ²⁴ Ср. аналогичную декларацию герцога Тассило III Баварского: желаю «никогда не видеть лица короля» (ARF, а. 763, S. 20). См. также: *Ронин В. К.* Международно-правовые формы. . ., с. 45.
- ²⁵ Ср.: ARF, а. 764, 787, S. 20, 54.
- ²⁶ ARF, а. 817, S. 112.
- ²⁷ ARF, а. 817, S. 114.
- ²⁸ *Hellmann M.* Karl. . ., S. 716.
- ²⁹ О возможном существовании такой группировки уже в 817 г. говорит ее участие в суде над Славомиром два года спустя (ARF, а. 819, S. 116).
- ³⁰ А уже в 844 г. король Людовик Немецкий фактически вообще подрывает централизацию в княжестве: убив в бою «короля» ободритов, он ими «распорядился через князей» (*Annales Fulden-ses*, а. 844, S. 32).
- ³¹ ARF, а. 817, S. 114.
- ³² *Ernst R.* Karolingische Nordostpolitik. . ., S. 85—86.
- ³³ ARF, а. 819, S. 116.
- ³⁴ *Jäger H.* Rechtliche Abhängigkeitsverhältnisse der östlichen Staaten vom Fränkisch-Deutschen Reich. Frankfurt a. M., 1960, S. 10.
- ³⁵ *Ernst R.* Karolingische Nordostpolitik. . ., S. 103.
- ³⁶ ARF, а. 819, S. 118. Интересно, что ссылку он отбывал вдали от родной земли. Так как, возвращаясь в 821 г. на родину, он пересек Саксонию, то мы вправе думать, что до этого Славомир находился где-то в глубине империи, где, видимо, и познакомился с христианством (ср.: ARF, а. 821, S. 128).
- ³⁷ ARF, а. 821, S. 123.
- ³⁸ ARF, а. 822, S. 130; *Formulae imperiales*, 2. — In: *MGH Leges. Hannoverae*, 1886, t. V, p. 288—289.
- ³⁹ *Herrmann E.* Slawisch-germanische Beziehungen im südostdeutschen Raum von der Spätantike bis zum Ungarnsturm. München, 1965, S. 93.
- ⁴⁰ См. подробнее: *Siemes H.* Beitrag zum literarischen Bild Kaiser Ludwigs des Frommen in der Karolingerzeit. Freiburg, 1966, S. 5—16.
- ⁴¹ *Ernst R.* Karolingische Nordostpolitik. . ., S. 88—89.
- ⁴² *Ademari Cabannensis chronicon* / Publ. par J. Chavanon. P., 1897, lib. III, cap. 7, p. 119.
- ⁴³ ARF, а. 822, S. 130.
- ⁴⁴ ARF, а. 821, S. 128.

- ⁴⁵ *Angenendt, A.* Taufe und Politik im frühen Mittelalter. — Frühmittelalterliche Studien, 1973, Bd. 7, S. 156—159, 166—168.
- ⁴⁶ ARF, a. 821, 823, 826, S. 128, 132, 134, 144, 146.
- ⁴⁷ ARF, a. 823, S. 132, 134.
- ⁴⁸ *Ernst R.* Karolingische Nordostpolitik. . . , S. 103.
- ⁴⁹ ARF, a. 826, S. 146.
- ⁵⁰ *Fritze W.* Probleme der abodritischen Stammes- und Reichsverfassung und ihrer Entwicklung vom Stammesstaat zum Herrschaftsstaat. — In: Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder / Hrsg. von H. Ludat. Giessen, 1960, S. 151—182.
- ⁵¹ *Anonymi Vita Hludowici*, cap. 40, S. 324.
- ⁵² *Hellmann M.* Karl. . . , S. 716.
- ⁵³ *Annales Bertiniani*, a. 831. — In: *Ausgewählte Quellen. . . B.*, o. J., Bd. VI, S. 14.
- ⁵⁴ *Annales Bertiniani*, a. 838, 839, S. 36, 48.
- ⁵⁵ *Annales Bertiniani*, a. 839, S. 46.
- ⁵⁶ *Annales Bertiniani*, a. 838, S. 36.
- ⁵⁷ *Lintzel M.* Die Zeit der Entstehung von Einhards Vita Karoli. — In: *Lintzel M.* Ausgewählte Schriften. B., 1961, Bd. 2, S. 32.
- ⁵⁸ *Einhardi Vita Karoli*, cap. 12. — In: *Ausgewählte Quellen. . .*, Bd. V, S. 180.
- ⁵⁹ *Ex Vita Walae abbatis Corbeiensis*, p. 537.
- ⁶⁰ *Nithardi historiarum lib. IV*, cap. 2. — In: *Ausgewählte Quellen. . .*, Bd. V, S. 448.
- ⁶¹ ARF, a. 816, S. 108.
- ⁶² *Annales Bertiniani*, a. 839, S. 50.
- ⁶³ ARF, a. 822, S. 130.
- ⁶⁴ ARF, a. 826, S. 144, 146.
- ⁶⁵ ARF, a. 823, S. 132.
- ⁶⁶ ARF, a. 823, S. 132.
- ⁶⁷ Выражение «*voluntatem gentis agnovisset*» еще не позволяет заключить, была ли послана к вильцам для зондажа некая «специальная миссия» (*bijzondere zending*), аналогичная по своему политико-правовому характеру миссии к ободритам в 826 г., как это склонен утверждать Ф.-Л. Гансхоф (*Ganshof F.-L.* *De internationale betrekkingen van het Frankisch Rijk onder de Karolingen*. Brussel, 1963, p. 16).
- ⁶⁸ ARF, a. 823, S. 132.
- ⁶⁹ *Anonymi Vita Hludowici*, cap. 36, S. 316.
- ⁷⁰ *Ademari Cabannensis chronicon*, lib. III, cap. 9, p. 121.
- ⁷¹ ARF, a. 805, S. 80. Ср.: *Флоря Б. Н.* Формирование чешской раннефеодальной государственности и судьбы самосознания славянских племен Чешской долины. — В кн.: *Формирование раннефеодальных славянских народностей*. М., 1981, с. 98—100.
- ⁷² *Annales Fuldenses*, a. 845, S. 32.
- ⁷³ *Conversio Vagoariorum et Carantanorum* / Izd. M. Kos. Ljubljana, 1936, cap. 10, s. 136.
- ⁷⁴ О развитии правящего слоя и княжеской власти у южных славян в первой половине IX в. см.: *Ферлуга J.* Византија и постанак најранијих јужнословенских држава. — В кн.: *Зборник радова Византолошког института*. Београд, 1968, књ. XI, с. 59—62; *Klaić N.* *Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku*. Zagreb, 1971, s. 95—96, 145, 162—163; *Grafenauer B.* *Zgodovina slovenskega naroda*. Ljubljana, 1978, zv. I, s. 377—393.
- ⁷⁵ Так, в 819 г. ополчение гачан покинуло в бою своего князя Борну, и он спасся лишь благодаря дружине (ARF, a. 819, S. 118, 120).

- ⁷⁶ ARF, a. 820, 819, S. 122, 120.
- ⁷⁷ ARF, a. 819—821, S. 118—124.
- ⁷⁸ ARF, a. 819, 820, S. 118, 120.
- ⁷⁹ ARF, a. 817, 819, S. 110, 118.
- ⁸⁰ *Kos M.* L'Etat slovène en Carantanie. — In: L'Europe aux IXe—XIe siècles. Varsovie, 1968, p. 128—131; *Grafenauer B.* Zgodovina. . . , zv. I, s. 417—418; *Klaić N.* Povijest. . . , s. 168, 206.
- ⁸¹ *Grafenauer B.* Zgodovina. . . , zv. I, s. 455.
- ⁸² Gradivo za zgodovino Slovencev v srednjem veku / Zbr. F. Kos. Ljubljana, 1906, knj. 2, N 78, s. 68.
- ⁸³ ARF, a. 820, S. 122.
- ⁸⁴ Gradivo za zgodovino Slovencev, knj. 2, N 40, 74, 97, 110, 112, 115, s. 40, 65, 85—86, 93—98.
- ⁸⁵ ARF, a. 818, 822, 824, S. 116, 130, 138.
- ⁸⁶ ARF, a. 819, S. 118. Прослеживая кризисную динамику системы франко-славянских связей, сложившейся при Карле, мы оставляем в стороне возникшие уже в новое царствование отношения внутри «треугольника»: франки — подунайские славяне — болгары. Перипетии дипломатической дуэли между Людовиком и ханом Омуртагом в 824—826 гг. явно противоречат образу Первого Болгарского царства как «защитника» подунайских племен от франкской «агрессии» (ср.: *Златарски В.* История на Българската държава през средните векове. С., 1918, т. I, ч. 1, с. 313, 316, 318; *Gjuselev V.* Bulgarisch-fränkische Beziehungen in der ersten Hälfte des IX. Jh. — Byzantinobulgarica, 1966, N II, S. 15—18, 34—39; *Гюзелев В.* Средновековна България в светлината на нови извори. С., 1981, с. 70—71). См., напротив, о славяно-болгарском конфликте в Подунавье как выражении противоречий ассимиляционного процесса: *Литаевин Г. Г.* Этническое самосознание славян в VII—X вв. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов: VIII Международный съезд славистов. М., 1978, с. 254.
- ⁸⁷ ARF, a. 827, S. 150.
- ⁸⁸ Ср.: *Šišić F.* Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara. Zagreb, 1925, s. 322—323.
- ⁸⁹ ARF, a. 824, S. 136.
- ⁹⁰ ARF, a. 821, S. 126.
- ⁹¹ ARF, a. 803, 821, 824, S. 78, 126, 138.
- ⁹² Anonymi Vita Hludowici, cap. 31, S. 308.
- ⁹³ ARF, a. 819, S. 118.
- ⁹⁴ Continuationes Fredegarii, cap. 26. — In: MGH Scriptorum rerum Merovingicarum. Hannoverae, 1888, t. II, p. 178.
- ⁹⁵ ARF, a. 819, S. 218.
- ⁹⁶ См. грамоту Мегинхарда, вассала епископа Фрейзингенского, от 4 июля 819 г. и диплом Людовика Благочестивого некоему Фулкуину от 16 июля 821 г. (Documenta historiae Croatiae periodum antiquam illustrantia / Ed. F. Rački. Zagrabiae, 1877, p. 323—324, 326).
- ⁹⁷ Annales Altahenses maiores / Ed. E. L. B. von Oefele. Hannoverae, 1891, a. 819; Chronicon Suevicum universale, a. 819—821. — In: MGH SS 1881, t. XIII, p. 64; Annalista Saxo, a. 820—821. — In: MGH SS, 1844, t. VI, p. 572.
- ⁹⁸ *Šišić F.* Povijest. . . , s. 310—318; *Klaić N.* Povijest. . . , s. 194—195, 209—212; *Grafenauer B.* Zgodovina. . . , zv. I, s. 451—459; *Prvanović Sv. M.* Ko je bio hrvatski knez Borna (Da li je poreklom iz Istočne Srbije)? — In: Radovi Jugoslavenske Akademije znanosti

- i umjetnosti. Zagreb, 1957, knj 311, s. 301—310; *Antoljak St.* Da li bi se još nešto moglo reći o hrvatskim knezovima Borni i Ljudevitu Posavskom? — In: Годишен зборник на Филозофскиот факултет на Универзитетот во Скопје. Историско-филолошки оддел. Скопје, 1967, кн. 19, с. 131—139.
- ⁹⁹ ARF, a. 822, S. 128, 130.
- ¹⁰⁰ ARF, a. 787, S. 54; *Anonymi Vita Hludowici*, cap. 35, 39, S. 314, 322.
- ¹⁰¹ ARF, a. 819, 801, S. 118, 76.
- ¹⁰² ARF, a. 812, S. 100; *Annales Bertiniani*, a. 844, S. 62.
- ¹⁰³ ARF, a. 823, S. 132.
- ¹⁰⁴ *Mitterauer M.* Karolingische Markgrafen im Südosten. Graz; Wien; Köln, 1963, S. 86; *Kos M.* L'Etat. . ., p. 125; *Grafenauer B.* Zgodovina. . ., zv. I, s. 459.
- ¹⁰⁵ *Conversio Bagoariorum et Carantanorum*, cap. 10, s. 135.
- ¹⁰⁶ ARF, a. 825, S. 142. Ср.: *Grafenauer B.* Karantanski temelji koroške vojvodine. — *Zgodovinski časopis*, 1977, N 31, s. 145—146.
- ¹⁰⁷ *Moro G.* Zur politischen Stellung Karantaniens im fränkischen und deutschen Reich. — *Südost—Forschungen*, 1963, Jg. 22, S. 88.
- ¹⁰⁸ *Anonymi Vita Hludowici*, cap. 27, S. 298.
- ¹⁰⁹ ARF, a. 817, S. 110.
- ¹¹⁰ В том же году к Людовику прибыло новое посольство из Византии, но оно «касалось только того, о чем. . . извещал Никифор» (ARF, a. 817).
- ¹¹¹ *Voinovitch L.* Histoire de Dalmatie. P., 1934, t. I, p. 271.
- ¹¹² ARF, a. 827, S. 150; *Conversio Bagoariorum et Carantanorum*, cap. 10, s. 136.
- ¹¹³ *Epperlein S.* Fränkische Eroberungspolitik, feudale deutsche Ostexpansion und der Unabhängigkeitskampf der slawischen Stämme bis zum 11. Jh. — In: *Die Slawen in Deutschland: Ein Handbuch*. B., 1972, 2. Aufl., S. 267—268.
- ¹¹⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19, с. 518.

Г. М. Пятигорский

ГРЕЧЕСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В ОДЕССЕ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.

Независимость современной Греции была завоевана в результате национально-освободительной революции 1821—1829 гг. Революция явилась завершающим этапом широкого движения за национальное освобождение от османского ига, развернувшегося с конца XVIII в. в самой Греции и в зарубежных греческих колониях. В решающий период непосредственной подготовки к восстанию борьбу греческого народа возглавила тайная революционная организация Филики Этерия («Дружеское общество»). Филлики Этерия была создана тремя греческими патриотами

Н. Скуфасом, А. Цакаловым и Э. Ксантосом в 1814 г. в Одессе, где к этому времени уже существовала многочисленная и процветающая греческая община. В настоящей статье на основе новых архивных материалов ставится задача пополнить и уточнить имеющиеся в отечественной историографии сведения по начальному периоду истории греческой общины Одессы¹.

Греческая эмиграция в Россию имела давние традиции: она шла на протяжении всего периода турецкого господства в Греции. Мотивы, которыми руководствовалось царское правительство в деле покровительства грекам, менялись, но всегда оставался радушным прием, который встречали переселенцы в русском государстве. Это объяснялось не только общностью религии и давними русско-греческими связями, но и всеобщим сочувствием русского общества освободительным устремлениям греческого народа.

В XVII в. греческие эмигранты селились в разных городах, но наиболее компактный характер носила греческая община Нежина. Греки здесь пользовались самоуправлением и значительными привилегиями. Предприимчивость и активность греческих торговцев способствовали превращению Нежина в крупнейший торговый город на Украине. Во второй половине XVIII в., кроме Нежина, утратившего к этому времени свое экономическое значение, стали складываться греческие общины на северном побережье Черного моря. Это было связано с активизацией политики России на Балканах, с русско-турецкими войнами, с особым покровительством, оказывавшимся греческим переселенцам, а также с задачами освоения богатых, но мало заселенных земель Северного Причерноморья. Следствием первой русско-турецкой войны (1768—1774) в царствование Екатерины II было образование греческих общин в Керчи, Еникале, Таганроге, Херсоне. Следующая волна греческой эмиграции была вызвана второй русско-турецкой войной (1787—1791). С ней и связано зарождение греческой общины Одессы.

Хотя ведущее место в заселении и хозяйственном освоении Северного Причерноморья принадлежало русским и украинским крестьянам, заметную роль в этом сыграли выходцы из других стран: французы, немцы, итальянцы, греки, болгары. Одесса уже в первые годы своего существования рассматривалась как место поселения прежде всего греческих эмигрантов. В 1794 г. в окрестностях Одессы и всем «полуденном крае» находилось от 200 до

300 греков и албанцев². Почти все они сражались в период второй русско-турецкой войны на Средиземном море в составе флотилии Ламброса Кациониса. Эмигранты эти, доказавшие свою преданность России, заслужили помощь от русского правительства. П. А. Зубов предложил Екатерине II сформировать из эмигрантов греческий дивизион. Он обращал также внимание и на необходимость принятия мер для привлечения в Одессу греков-колонистов, прежде всего из Архипелага, известных своей коммерческой предприимчивостью и мореходными навыками, как наиболее полезных новому морскому порту. Екатерина II одобрила этот план и 19(30) апреля 1795 г. подписала указ «Об устройении селения единовѣрных народов в городе Одессе и окрестностях онаго», состоявший из двух частей: «Положения о поселении в окрестностях Одессы греков и албанцев, в последнюю войну в Архипелаге, служивших» и «Положения для вызываемых из Архипелага и из других заграничных мест в Одессу градских поселенцев»³. Для военных колонистов, которые должны были сформировать воинское подразделение в 300 человек, и для их родственников, прибывших из-за границы, указом выделялось 15 тыс. десятин «земли удобной» на берегу моря. Земля отводилась каждому в собственность: «нижним чинам по 25 и обер-офицерам по 50, а штабс-офицерам по 120 десятин, без платежа поземельных денег». Безвозвратно отпускалось 10 тыс. руб. на построение домов и 500 руб. — церкви. На «хозяйственное обзаведение» служащие дивизиона получили 20 тыс. руб., которые они должны были выплатить в течение 10 лет. Ежегодно на жалованье греческим воинам выделялось 14 725 руб. 32 коп.

Для гражданских колонистов, поселявшихся в самом городе, специально должны были быть построены каменные дома «с небольшими лавками по обыкновению Азиатскому» общей суммой на 22 тыс. руб. Каждой семье выделялось пособие от 100 до 150 руб. Разрешалось на сумму до 300 руб. беспошлинно ввезти товары. Кроме того, переселенцы освобождались на 10 лет от всех податей и повинностей. Наконец, над ними учреждалась специальная должность попечителя, в чьи обязанности входило заботиться «о доставлении им при переселении и водворении всякого пособия, об охранении их от притеснений, о соблюдении в обществе их мира, тишины и доброго согласия». Попечителем стал греческий эмигрант, подполковник Афанасий Кесоглу. В целях распространения царского указа среди греческого населения Архипелага текст его

был переведен на новогреческий язык и отослан российскому посланнику в Стамбуле В. П. Кочубею. С текстом указа было ознакомлено и греческое население Новороссии, которое в своих письмах к родственникам и друзьям сообщало о льготах, предоставляемых греческим переселенцам в Одессе.

Перепись населения, проведенная в Одессе 21 июля (2 августа) 1795 г., т. е. спустя всего три месяца после подписания именного указа, показала, что в городе, в котором жило 2349 человек, греческих переселенцев, не считая купцов и служащих дивизиона, было уже 224 (129 мужчин и 95 женщин) ⁴. Город распланировали и разделили на два форштадта. В числе греческих жителей к ноябрю 1795 г. было 27 купеческих семейств (II гильдии — 5 семейств, III гильдии — 22) ⁵. Центральная часть Одессы была названа купеческим или, как еще тогда говорили, греческим форштадтом. Здесь находились лучшие улицы города, получившие названия «Гимназской» (с 1824 г. — «Дерибасовская»), «Екатерининской», «Греческой», «Большой и Малой Арнаутской». Всем переселенцам, без исключения, выделялись на греческом форштадте бесплатно участки земли, а за счет казны было выстроено 32 дома ⁶. Их отдали малоимущим переселенцам, в том числе: И. Булгаре, Н. Михайлову, Г. Стано, С. Папайоту, Х. Иоргию, Х. Федору, П. Лазари, К. Христофору, Н. Шетаке, Д. Псарьяни, Л. Форисани, Я. Полумене, М. Григорьеву, П. Христо, Г. Дилистриеву, Д. Апостоли Кюглу ⁷. К 1797 г. на греческом форштадте специально для вызываемых из-за границы греков было закончено строительство еще 15 казенных жилых зданий ⁸.

Следует заметить, что преимущества и льготы, предоставленные греческим поселенцам в Одессе, не дают оснований считать, что они могли с самого начала находиться в исключительно благоприятных условиях. В только что возникшем городке, окруженном степью, нужно было обживать новые места. Не все могли найти сразу контакт с другими поселенцами: сказывалось различие в языке, быте. Однако крайние обстоятельства — национальная и религиозная неполноправность, произвол и насилия турецких властей — побуждали греков расставаться с родиной и переселяться в единоверную Россию.

К концу 1795 г. в составе трех рот был сформирован Одесский греческий дивизион, командиром которого был назначен майор К. Бичилли. Однако дивизион так и не успел вступить во владение землей, отведенной ему в 20

верстах от Одессы на р. Баробой. В апреле 1797 г. Н. М. Бердяев, назначенный новым генерал-губернатором Новороссийского края, представил Павлу I экономический обзор Одессы, в котором указывалось, что из 348 человек, служивших в дивизионе, только 83 принимали участие в военных действиях в Архипелаге во время русско-турецкой войны. Бердяев также отмечал, что большое число служивших составляют украинцы и поляки, на которых не могут распространяться привилегии, дарованные дивизиону. Получив этот рапорт, Павел I 20 мая (1 июня) распорядился греческий дивизион распустить⁹. В связи с этим его солдаты и офицеры остались без средств к существованию. Для некоторых из них ничего не оставалось, как уехать за границу. Последний случай выезда так и «не нашедших» себе применение в Одессе бывших служащих греческого дивизиона был зарегистрирован 28 мая (8 июня) 1799 г.¹⁰ Другие разъехались по разным городам и селам южной России. Но большинство — 233 человека (вместе с членами семейств — 252) остались в Одессе¹¹. Как установил один из первых историков Одессы В. А. Яковлев, они занялись: «1) огородничеством, причем оказали большие услуги культивированием овощей доселе неизвестных на Руси; 2) рыболовством и 3) каботажным судоходством и плаванием на гребных лодках»¹².

Проведенная в марте 1797 г., т. е. за несколько месяцев до роспуска греческого дивизиона, перепись населения Одессы показала, что в городе жило уже 4573 человека¹³. Причем, как бывало во вновь заселяемых местах, мужчины количественно преобладали над женщинами — их насчитывалось 3455: «купцов и гостей — 677, мещан и ремесленников — 434, земледельцев — 78, разного звания людей (т. е. беспаспортных и иностранцев) — 1223, болгар — 33, войска Черноморских казаков — 404, греков, албанцев и молдован — 269, греческого дивизиона — 337»¹⁴. Как мы видим, данные этой переписи точных сведений о количестве греков не содержат. В значительной степени восполняет этот пробел составленное в конце 1797 г. «Описание, учиненное попечителем поселившихся в городе Одессе греков и других единоверных России народов подполковником Кесоглу, о всех жителях таковой нации, кто отколь и когда прибыл для водворения и промысла, кто объявил желание в какое вписать себя состояние, как-то: купцы по капиталам в гильдии, а прочие по ремеслам и рукоделиям своим в мещане, притом сколько есть жительствующих здесь чиновных людей, фамильных

и холостых, имеющих дома и разные строения, в коих некоторые сами жительствоуют, а другие промышляют посредством отдачи оных в наем»¹⁵. Мы умышленно привели полное название этого документа, стремясь подчеркнуть ту ценность, какую он представляет для изучения греческой эмиграции в Одессу. Полные списки греческих фамилий, живших в городе в последующие годы, нам обнаружить не удалось. Возможно это связано с тем, что после смерти А. Кесоглу в 1799 г. его должность была упразднена. В «Описании. . .» перечислены 530 фамилий, что вместе с членами семейств составляло 813 человек, или около 20 % всего населения Одессы. Из них купцов — 37 человек (вместе с членами семейств — 85); мещан — 414 человек (вместе с членами семейств — 600); «чиновных людей» (все перечисленные обер-офицеры) — 66 (вместе с членами семейств — 108); «гостей, кои. . . нигде в России не записаны» — 13 (вместе с членами семейств — 19). По нашим подсчетам, лиц негреческой национальности в этом списке незначительное меньшинство — не более 5 %. Возрастная структура эмигрантов характеризовалась высокой долей молодых людей. Это в основном люди 20—40 лет. Согласно рассматриваемому документу, греческие переселенцы прибывали в Одессу из самых различных мест как самой Греции, так и обширной Османской империи: Мореи, островов Эгейского моря, Фессалии, Ионических островов, Румелии, Македонии, Константинополя, Молдавии и Валахии. Переселялись в Одессу и из других зарубежных греческих колоний. Основным источником эмиграционного потока была Греция.

Переселение осуществлялось нелегальным путем: Кючук-Кайнарджийский договор (1774 г.) предоставлял возможность переселяться в Россию в течение года после подписания договора, да и то только жителям Архипелага. Однако греческой эмиграции благоприятствовало отсутствие эффективной системы пограничного контроля в условиях хаоса, царившего тогда в Османской империи. Самым удобным способом для прибытия в Одесский порт было устройство матросом на любое судно, плавающее под русским флагом в Средиземном море. Именно так и поступили, например, П. Никопуло, П. Пикуло, А. Влахула, Г. Камбуругло, Д. Стомати, А. Андреас, Х. Аладжахи и Ф. Варела, оказавшиеся в одесском карантине в 1796 г. Все они были причислены в мещанское сословие. Нередко в Одессу прибывали сразу целыми семьями. Так, сумел в 1795 г. перевезти всю свою семью из семи человек кон-

стантинопольский купец Г. Стелади¹⁶. Также с «коммерческой» целью прибыли в Одессу, обзавелись домами и уже не вернулись назад Х. Иван в 1794 г. из Янины, в том же году — К. Ламбро из Варны, в 1797 г. — П. Алексеев и М. Ликардопуло из Константинополя и многие другие. Прибыл в Одессу по торговым делам в 1797 г. проездом из Константинополя и уроженец Ионических островов И. Дестуни, ставший первым председательствующим бургомистром в созданном на основании царского указа от 20 мая (1 июня) того же года «Одесском городском для иностранных купцов магистрате»¹⁷.

Этот административный орган ведал делами всех поселявшихся в Одессе иностранцев. В царском указе говорилось, что магистрат учреждается «на том самом основании, как оный существует в немецких наших городах Риге, Ревели и тому подоб.; греки же, хотя и могут быть ведомы особо избранными из их рода магистратскими судьями, но состоять должны в зависимости от общего магистрата и не по примеру Нежинского, который имеет собственные свои древние привилегии, кои жителям одесским присвоены быть не могут». «Греков, албанцев, молдаван, болгар и прочих иностранцев, — говорилось далее, — присягать в купцы и мещане, кто из них в какое состояние записаться пожелает»¹⁸. Имевшие место попытки одесских греков добиться самоуправления успеха не имели. Тем не менее свое национальное своеобразие, и прежде всего язык и культуру, они сохраняют на долгие годы. Делами одесских греков фактически стали ведать избранные в магистрат в 1797—1799 гг. бургомистрами и ратманами греческие купцы, которых в этом органе городского самоуправления оказалось немалое количество. Это уже названный нами купец первой гильдии И. Дестуни, а также купцы первой же гильдии Л. Бердони и И. Беломорский, купцы второй гильдии Ф. Флогайти, Д. Калафати, Х. Морабуты, купец третьей гильдии Н. Попандопуло.

В первые годы XIX в. греческая эмиграция в Россию, в том числе в Одессу, шла по-прежнему интенсивно. Нередки были случаи прибытия в Одесский порт сразу целых групп беженцев. Один из них — вывоз осенью 1801 г. на судне одесского купца А. Мускули 19 семей греков и болгар (148 человек) из Адрианопольского округа — уже описывался в литературе¹⁹.

Одесса — крупнейший строящийся порт России на Черном море — по-прежнему остро нуждалась в рабочих руках, и царское правительство продолжало поощрять пере-

селение сюда греков, но без какой-либо огласки, не желая портить отношения с Портой. Практическое содействие переселению оказывали российские дипломаты. Так, сотрудники российского посольства в Стамбуле словесно препоручали каждому из шкиперов, отправлявшихся из Константинополя в российские черноморские порты, «заходить в турецкие гавани. . . и забирать тамо изготовленные к переселению в Россию фамилии болгар и греков столько, сколько каждый на судно свое поместить может, и отвозить оных в Одессу; за что по возвращении своем в Константинополь, когда представит в доставлении тех переселенцев от Одесского магистрата или от карантинного начальства свидетельства, то будет им платиться здесь по 12 пиастров за каждую мужеска и женска пола душу». На этих условиях в 1802 г. в Одессу было перевезено около 600 человек ²⁰.

Самое непосредственное участие в доставлении беженцев приняли одесские судовладельцы и шкипера. Например, один из быстро разбогатевших одесских негоциантов отставной прапорщик Д. Ингелези летом 1804 г. царским указом «за усердия, оказанные при доставлении на собственных судах и иждивении к одесскому порту болгар и греков, был произведен в подпоручики» ²¹.

Прибывшие в Одессу купцы, ремесленники, моряки, как правило, оседали в самом городе. Семьи греков-земледельцев расселялись в возникших в 1801—1806 гг. смешанных болгаро-греческих колониях: Большой Буялык и Кубанка близ Одессы, Парканы близ Тирасполя, Катаржина у реки Куяльник, Терновка близ Николаева, а также расположенных в Таврической губернии. Их устройство регулировал царский указ от 5 (17) января 1802 г. о «водворении» в Новороссии «вышедших из Турции греков и болгар» ²². В его основу легло известное нам «Положение для вызываемых из Архипелага и из других заграничных мест в Одессу градских поселенцев» от 19 апреля (1 мая) 1795 г. Переселенцы освобождались от платежа податей и повинностей на 10 лет, от постоев, «кроме тех случаев, когда воинские команды проходить будут», могли не нести военной и гражданской службы, ссудные деньги уплачивали в течение 10 лет по истечении льготного времени; получали право беспошлинного ввоза в Россию товаров на сумму до 300 руб. на каждую семью.

В целях более прочного «водворения» переселенцев главному судье Новороссийской опекунской конторы иностранных-поселенцев Контениусу предписывалось «на

верность подданства императорскому величеству привести их к присяге». Однако далеко не все эмигранты соглашались принять присягу и стать российскими подданными. В 1799 г., например, из числа всех иностранцев, находившихся в Одессе, лишь 100 человек изъявило желание навсегда остаться в России²³. В 1802 г. в Одесский городской магистрат подали прошения о вступлении в российское подданство более 100 греческих выходцев — явно меньше общего числа греков, прибывших тогда в Одессу. Формальности, связанные с натурализацией, были довольно хлопотны. Кроме того, принятие подданства России означало для греков в той или иной степени отказ от всякой надежды вернуться на свою многострадальную родину. Да и вступление в русское подданство не являлось обязательным условием их пребывания в России. Предоставляемые привилегии одинаково распространялись на всех поселявшихся в Одессе эмигрантов, независимо от подданства. Из-за отсутствия точных статистических данных нет возможности точно определить удельный вес в греческом населении Одессы подданных России.

Российское подданство в Одессе принимали в основном купцы. Они были той категорией греческих поселенцев, которые наиболее остро нуждались в постоянных выездах из города. По торговым делам они отправлялись в различные места южной России, а также в центральные и даже северные губернии. Наличие русского паспорта освобождало от необходимости добиваться всякий раз разрешения для этих поездок. Кроме того, начиная с 1807 г. права иностранных купцов в России были ограничены. На основании царского указа от 1 (13) января 1807 г. иностранные купцы по прибытии в российское государство в течение первых шести месяцев могли торговать без какого-либо обложения, а в следующие шесть месяцев должны были вносить определенную подать. По прошествии же одного года они обязаны были или вступить в звание «иностранцев гостей», что заставляло их платить сверх таможенных сборов большие проценты со своих капиталов, или выехать из России, или оставаться в качестве неторговых иностранцев²⁴.

Выгоднее было принять российское подданство, тем более что без его принятия этим же указом воспрещалось вступать в купеческие гильдии, а производить внутреннюю торговлю разрешалось лишь членам гильдий. Правда, последнее правило, «впредь до рассмотрения», не распространялось на тех иностранцев, которые были записаны по

гильдиям в портах Черного и Азовского морей. Но «рассмотрение» могло произойти в любой момент. А именным указом от 12 (24) ноября 1809 г. властям Новороссии было разъяснено, что «тот только из переселенцев имеет право завести мореходные суда и получить патент на поднятие российского флага, кто вошел в подданство, записался в I-ю гильдию купечества. . .»²⁵. В Одесском архиве хранится множество прошений греческих купцов о вступлении в российское подданство. Они однотипны. Дальновидно определив все будущие выгоды производившейся в Одессе торговли, такое прошение, например, подал в Одесский городской магистрат 18 (30) июня 1802 г. турецкий подданный грек А. Николаев. В нем говорится: «От роду мне 23, уроженец я турецкой области с острова Миконо, в коем жительствуя обращался тамо в разных купеческих оборотах. Явясь к пребывающему в Константинополе российскому полномочному министру господину Томаре и получа от него сего года мая 13 дня паспорт, прибыл по оному на судне российском купеческом, именуемом «Панагия Турлияни», за шкипера к Одесскому порту и, будучи в Одессе, избрал для себя наилучшим остаться на всегдашнем жительстве, быть вечно российскоподданным и записаться в одесское I гильдии купечество и показываю на то собственно приобретенного мною 18 100 руб. капиталу»²⁶.

Вначале численность греков, поселявшихся в Одессе, значительно превышала численность других иностранных поселенцев — болгар, молдаван, французов, итальянцев. Первые изменения в этом соотношении произошли в конце 1803 г. в связи с начавшимся переселением в Новороссию значительного числа немецких колонистов. Немцы образовывали новые колонии, а также селились в самой Одессе. Из 10 поселений, основанных в 1804 г. в Херсонской губернии, болгаро-греческих было 2, немецких — 8²⁷. Подобная картина наблюдалась и в Одессе. Например, в течение 1806 г. в город прибыло: молдаван — 10 человек, греков и болгар — 202, немцев — 426²⁸. Во всей Херсонской губернии в 1811 г. насчитывалось греков и болгар — 2367 человек, немцев — 6266²⁹.

Рядом с немецкими колониями в окрестностях Одессы между Сухим лиманом и р. Барабой в 1804 г. разместился Одесский греческий пехотный батальон. В 1803—1804 гг., когда обострилась русско-французская борьба за преобладание в Греции, Александр I всячески стремился подчеркнуть свое расположение к грекам. Одним из таких

политических жестов и было фактическое восстановление греческого дивизиона на той земле, которую отобрали у него в 1797 г. Батальону были возвращены 13 404 десятин земли. Штат батальона был определен в 46 штаб-овер и унтер-офицеров, 9 нестроевых, 423 рядовых и 6 барабанщиков. В 1807 г., через год после начала новой русско-турецкой войны, батальон вместе со своим командиром К. Патераки выступил на фронт в пределы Бессарабии и принял участие в боевых действиях Дунайской военной флотилии³⁰. В последние годы войны батальон охранял Килийскую крепость и в 1814 г. вернулся в Одессу³¹.

Русско-турецкая война 1806—1812 гг. привела к дальнейшему росту греческого населения России. Несмотря на войну, торговля между двумя державами продолжалась. Купцы, как и раньше, прибывали в Одессу по коммерческим делам и уже не возвращались. Большинство переселялось без каких-либо документов, тем не менее они могли по желанию без каких-либо затруднений приобрести российское подданство. В специально принятом русским правительством 28 февраля (2 марта) 1812 г. по этому вопросу постановлении указывалось на то, «что греков, приезжающих в Россию для вступления в подданство, можно принимать и без видов в том уважении, что им оные получить трудно и что им Россия всегда оказывает покровительство»³².

После завершения наполеоновских войн масштабы греческой и в целом иностранной эмиграции в Россию сократились. Этому способствовало прежде всего изменение колонизационной политики царского правительства. Льготы иностранцам, переселяющимся в Россию, были значительно урезаны. В частности, денежная ссуда им уже не предоставлялась. Чтобы положить конец поступающим в связи с этим многочисленным прошениям об оказании материальной помощи от неимущих переселенцев, Александр I в декабре 1816 г. «высочайше повелеть соизволил, дабы посланники и консулы наши, выдавая паспорта, означали в оных, что въезжающие в Россию люди изъявили желание поселиться в Империи, не требуя от правительства пособия»³³. А начиная с 25 октября (6 ноября) 1819 г. российским миссиям за рубежом было вообще запрещено выдавать паспорта переселяющимся в Россию иностранцам³⁴. Последние прибывали теперь лишь по специальным разрешениям и в небольшом количестве.

Значительное сокращение численности иностранных переселенцев было вызвано быстрым уменьшением резервов казенной земли, а также тем, что переселение коренного населения России обходилось гораздо дешевле. Для него Северное Причерноморье во втором десятилетии XIX в. стало единственным легально заселяемым районом России. Удельный вес иностранцев, игравших в освоении этих земель заметную роль в конце XVIII и первом десятилетии XIX в., резко снизился.

Что касается греков, то уменьшению их эмиграции способствовали свои причины. С 1815 г. Александр I взял курс на улучшение отношений с Османской империей. Стремясь избежать конфликтов с Портой, которые часто вызывались покровительством грекам, царское правительство решило более точно определить юридические основания, на которых они могли эмигрировать в Россию. Принятие русского подданства стало необходимым условием их переселения в Россию. Поэтому греческие эмигранты больше не могли пользоваться выгодами двойного гражданства и, следовательно, вынуждены были натурализоваться. Но принимали российское подданство, как уже указывалось выше, лишь немногие. Тем более что это были годы, когда греки в Османской империи, а также в зарубежных греческих колониях были охвачены национальным подъемом. Возвращение на освобожденную родину представлялось для греческих эмигрантов делом недалекого будущего.

Греческие выходцы, прибывавшие в Одессу не из Османской империи, а из других, как правило, европейских государств, могли поселиться в городе без вступления в российское подданство, но только при наличии у них документов, подтверждающих соответствующее иностранное гражданство. В 1815 г. должность херсонского военного губернатора и одесского градоначальника занял А. Ф. Ланжерон. Оказывая особое внимание и покровительство грекам, он неоднократно пытался помочь беспаспортным переселенцам. Но даже ему это удавалось не всегда. Так, например, в 1816 г. Одесский городской магистрат не выполнил предписание Ланжерона о причислении в одесские жители прибывшего в том же году с о. Корфу ионического грека П. Кородимо как «не представившего необходимых документов»³⁵.

Следует заметить, что выходцы с Ионических островов, видимо, занимали значительное место среди эмигрировавших в эти годы греков. Согласно Парижскому договору

1815 г., острова полностью перешли под управление Великобритании. Полуколонизальные порядки, установленные британскими властями, национальный гнет, возросшее налоговое бремя вызывали недовольство широких слоев ионического населения³⁶. Проявлением его была усилившаяся эмиграция с островов. Регулярные торговые маршруты от средиземноморских к черноморским портам открывали ионическим грекам путь в Южную Россию, где многие из них и оседали. В мае 1815 г. английский консул в Одессе Г. Ямес запрашивал Лондон: имеет ли он право предоставлять паспорта «жителям Ионических островов, которые в больших количествах здесь появляются либо по торговым делам, либо в поисках работы на торговых кораблях. Поскольку русское правительство неукоснительно требует от всех иностранцев иметь паспорта от консулов и других властей страны, подданными которой они являются, и поскольку Ионические острова находятся в настоящее время под покровительством Великобритании, их отсылают ко мне. Ни одному иностранцу не разрешается поселиться здесь, если он не имеет подобного документа или не принимает русского подданства»³⁷.

В 1819 г. был дан новый импульс иностранной эмиграции в Одессу в связи с установлением в городе режима порто-франко, т. е. разрешения беспошлинного ввоза товаров. В городе резко увеличилось количество купцов, судовладельцев, моряков из различных стран Европы и Азии. Заметим, что если число поселившихся в Одессе и уезде иностранцев, а также переселенцев из внутренних губерний в 1817 г. равнялось 62, то в 1820 г. — 896³⁸. «Народонаселение города Одессы, — докладывал Ланжерон 3 (15) мая 1820 г. управляющему министерством внутренних дел В. П. Кочубею, — со дня на день увеличивается, а особенно по открытии порто-франко, равным образом множество живущих там греков, от которых беспрестанно поступают ко мне на их языке бумаги. . .»³⁹. Это, как правило, были прошения от купцов о вступлении в российское подданство. Весьма немногие явились сюда с капиталами, со временем же некоторые из них станут ведущими негоциантами города. Для работы с иностранными греками Ланжерон взял к себе специального помощника. Им был прибывший в Одессу еще в 1815 г. уроженец острова Занте, произведенный ранее, во время военной службы в Республике Семи Соединенных островов, в звание штабс-капитана, Г. Аврамиоти. В целом

с 1795 по 1820 г. греческое население Одессы значительно выросло. Свою роль сыграл здесь и естественный прирост. В семьях одесских греков родился в 1815 г. 61, в 1818 г. — 101, в 1819 г. — 131 ребенок⁴⁰. Все население Одессы достигло по переписи 1817 г. 32 740 человек⁴¹. Среди них было примерно полторы тысячи греков⁴². Эти данные позволяют утверждать, что наряду с абсолютным ростом числа греческих выходцев в Одессе их удельный вес в городском населении за четверть века уменьшился примерно вдвое: с 10 до 5 %.

В марте 1821 г. греческий народ поднял знамя национально-освободительной революции. В связи с восстанием под руководством А. Ипсиланти в Дунайских княжествах и последовавшим за ним восстанием греков в Морее и на островах Эгейского архипелага началась волна террора против греческого населения в турецкой столице и других местах Османской империи. Тысячи беженцев вынуждены были искать спасения в пределах соседних государств. Значительное их число устремилось к границам единой России. Большая часть греческих беженцев оказалась в Одессе — путь в этот город был наикратчайшим. Только к 18 (30) июня одесский карантин прошло около 1200 беженцев. Созданная в том же году русским правительством Одесская греческая вспомогательная комиссия, перед которой была поставлена задача распределения денежных средств, поступающих в фонд помощи греческим выходцам, нашедшим убежище в Одессе, за 10 лет своей деятельности (1821—1831) оказала помощь 2569 беженцам⁴³.

Однако изменения в структуре греческой общины Одессы, происшедшие в связи с прибытием большого количества беженцев, носили временный характер. Уже в ходе национально-освободительной войны происходило их возвращение на родину, а к окончанию работы вспомогательной комиссии останется всего несколько десятков человек⁴⁴. В период русско-турецкой войны 1828—1829 гг., решившей исход борьбы греков за национальную независимость, сколько-нибудь значительного переселения греков в Одессу не наблюдалось. Не лишена интереса в этом отношении докладная записка Одесской городской думы градоначальнику от 28 марта (9 апреля) 1830 г. В ней говорится о том, что в 1828 и 1829 гг. причисления к одесским жителям выходцев из-за границы не происходило⁴⁵. Правда, после подписания Адрианопольского мирного договора (1829 г.) многие греки и болгары, жившие в Ру-

мелии, боясь мести со стороны турок, готовы были последовать за уходящей русской армией. Правительство России выразило готовность на их переселение в Новороссийский край. Весной 1830 г. в Одесский порт прибыло пять кораблей, доставивших более 1000 румелийских выходцев во главе с избранным ими старшиной греком Михаилом Полихрони⁴⁶. Беженцы расселялись по болгаро-греческим колониям, 200 человек из них были оставлены в Одессе⁴⁷. Видимо, это было последнее групповое переселение греков в Одессу.

1830 г. можно считать определенным рубежом в истории греческой эмиграции в Россию. В последующие годы эта эмиграция уже не имела той политической окраски, которая была характерна для нее в годы борьбы греков за национальную независимость. Переселение греков в массовых масштабах, которое имело место до окончания русско-турецкой войны 1806—1812 гг., привело к образованию многочисленной греческой общины Одессы.

Последняя была не единственной на юге России. Но по своей численности с греческой общиной Одессы могли соревноваться лишь сформировавшаяся в начале XIX в. греческая община Феодосии, в которой в 1813 г. насчитывалось 1,5 тыс. человек, а также община Мариуполя, основанная в 1779 г. в результате переселения части старожильческого населения Крыма на побережье Азовского моря. В Мариуполе и его окрестных селах в 1816 г. насчитывалось 11,5 тыс. греков. Отметим, что последние в этническом и культурном отношении отличались от других греков — переселенцев из Османской империи⁴⁸.

Самой же богатой и преуспевающей стала греческая община Одессы. Ее профессиональный состав определялся потребностями Одессы в различных рабочих специальностях, бурным ростом торговли, легкостью приобретения земли. Большая часть греческих поселенцев в Одессе причислялась к мещанскому сословию. Они занимались ремеслами, в частности много греков было среди одесских булочников, каменщиков, плотников, портных. Среди греков были представители и более редких профессий: ювелиры, стеклодувы и др. Особенно в греках нуждался Одесский порт: они являлись незаменимыми мастерами корабельного дела.

6 (18) июля 1797 г. в Одессе была учреждена Ремесленная управа. Под ее руководством все ремесленники стали объединяться в цехи: каменщиков, плотников, булочников и т. д.⁴⁹ К 1805 г. в городе насчитывалось

14 цехов. Их «старшины» подчинялись возглавлявшему управу городскому ремесленному голове, в числе лиц, одним из первых занявших эту должность, был греческий беженец Х. Гунари⁵⁰. Из числа греческих ремесленников организовали отдельный цех корабельного строительства. Его инициаторами явились турецкие подданные, греки К. Дмитриев, П. Каприоти, И. Надриоти, И. Петров, К. Теохори, Ф. Григорьев, И. Миконати, Е. Надриоти и В. Константино, подавшие 6 (18) февраля 1806 г. на имя одесского градоначальника Э. И. Рипелье прошение. «Мы находимся в разных рукоделиях корабельного строительства, — писали они, — узнав о добром жительстве в городе Одессе, добровольно желаем определиться в цехи и выбранному от нас начальнику российскоподданному греку Антону Юрьеву во всем повиноваться». Они также отмечали, что, кроме них, в городе греки, «упражняющиеся таковым же ремеслом, охотно желают присовокушиться к ним». Интересно отметить, что в данном цехе был заведен так называемый «сиротский ящик», в который они «повинны были все без изъятия опускать по 10 копеек каждое воскресенье для того, что если кто заболит, то одного кормить и пользоваться из сказанного сиротского ящика»⁵¹.

Начиная с 1814 г. в окрестностях Одессы обрабатывали землю солдаты вернувшегося с войны Одесского греческого пехотного батальона. В том же году на месте поселения батальона — в урочище р. Барабой, со временем получившего название «греческое местечко Александровка» было закончено строительство церкви. Согласно ведомости этой церкви, в 1816 г. в Александровке жило 516 человек (291 мужчина и 225 женщин)⁵². Большинство служащих батальона считали за выгодное сдавать землю в аренду и заниматься торговлей⁵³.

Роль греков в одесской торговле была исключительно велика. Достаточно взглянуть на списки одесских купцов, чтобы убедиться, что греческая прослойка была здесь весьма значительной. Например, к началу 1800 г. купцов I гильдии в Одессе было 8, из них 5 — греки, купцов II гильдии — 30, из них греков — 19. И лишь немногие греческие купцы входили в III гильдию (по нашим подсчетам, из 111 человек их было не более 10—15 %) ⁵⁴. Таким образом, уже в первые годы существования Одессы греки составляли абсолютное большинство купцов I и II гильдий — наиболее богатых представителей городского населения. Кроме того, в Одессе всегда находилось большое

количество иностранцев, временно производящих торговлю в городе и соответственно не пожелавших записаться в гильдии. Так, в июне 1799 г. их насчитывалось 86, из них греков — 64, итальянцев — 10, сербов — 3, немцев — 2, болгар — 2, поляков — 1, других славян (национальность не указана) — 4⁵⁵. В последующие годы количество купцов в Одессе и соответственно греческих купцов увеличивалось⁵⁶.

Коммерция явилась основой благосостояния греческой общины Одессы. Греческие купцы, для которых была характерна коммерческая предприимчивость, а для многих из них и богатый опыт ведения торговых операций, для быстрого обогащения использовали создавшуюся на юге России благоприятную экономическую обстановку. Заселение и хозяйственное освоение плодородных земель Новороссийского края вызвали бурный рост сельскохозяйственного производства. Выгодное географическое положение одесского порта, находящегося сравнительно недалеко от устьев Днестра, Буга и Днепра, давало возможность транспортировать сюда товары со всего юга русского государства. Еще в 1794 г., когда были вбиты несколько свай будущего порта, в Одессу прибыло «и стало на якорь 7 турецких кораблей, нагруженных греческими товарами (вином и фруктами), в надежде выменять оные на пшеницу и муку»⁵⁷. А 14 (26) октября 1816 г. А. Ф. Ланжерон мог докладывать царю, что «уже 800 кораблей прибыли нынешнего года в Одесский порт и миллион четвертей пшеницы оттуда отправлены»⁵⁸. После пшеницы, составлявшей более половины одесского экспорта, важнейшими его статьями были кукуруза, коровье масло, сало, шерсть, канаты. Через Одесский же порт во внутренние губернии России шла основная масса ввезившихся через черноморские порты иностранных товаров.

Почти полное отсутствие отечественного торгового флота в Черном море, а также недостаток капиталов у русских купцов обусловили ряд мероприятий, направленных на привлечение в Одессу иностранных купцов. Назовем некоторые, наиболее важные из них. В 1804 г. городу было предоставлено право транзитного торга. Купцам, привозившим товары в Одессу, разрешалось хранить их в особых складах беспошлинно в течение длительного срока⁵⁹. Важным событием торговой жизни Одессы стало объявление ее по манифесту 16 (28) апреля 1817 г. городам порто-франко. Манифест был полностью реализован в 1819 г., когда были завершены строительные

работы, связанные с отделением территории, в пределах которой разрешалась беспошлинная торговля.

Быстрому обогащению греческих купцов Одессы содействовало и то, что они опирались на обширную торговую сеть, созданную к этому времени греческой буржуазией, которая охватывала всю Европу и некоторые районы Азии и Африки. Греческая община Одессы превратилась в один из важнейших узлов этой межконтинентальной торговой сети. Характерна в этом отношении судьба пяти братьев Ралли. Иван Ралли торговал в Одессе, Понтий — в Лондоне, Евстрат — в Манчестере, Август — в Марселе, Фома — в Константинополе.

Настоящим центром международных торговых сделок стал Одесский коммерческий суд, открывший свое первое заседание 26 ноября (8 декабря) 1808 г. Многие западноевропейские греческие колонии, почти целиком состоявшие из купцов, имели при нем своих поверенных. Бросается в глаза наличие в протоколах Одесского коммерческого суда большого количества греческих фамилий — русские и украинские попадают крайне редко⁶⁰. В 1820 г. в связи с многочисленными прошениями одесских купцов коммерческому суду было присвоено право «предоставленное гражданским палатам: совершать купчие, закладные и всякого рода сделки на неограниченные суммы»⁶¹. Суд осуществлял контроль над торговыми сделками, ведал делами по опеке, вексельными исками, выдачей оценочных свидетельств, регистрацией торговых учреждений. В 1817 г., в год наивысшего подъема хлебного экспорта, в Одессе было зарегистрировано 65 купеческих фирм⁶². Наиболее крупными из них были греческие. Особым богатством и размахом торговых операций выделялись Т. Серафино, А. Мавро, Д. Инглези, А. Кумбари, В. Яннополо, Г. Маразли, К. Папахаджи, И. Манеси, И. Амвросиу, Д. Палеолог. Их состояние оценивалось миллионами рублей. Эта группа представителей крупных торговых домов Одессы сосредоточила в своих руках ведущие внешнеторговые операции. Десятки и сотни тысяч рублей пускали в оборот И. Ралли, Г. Папудоглу, И. Сакелари, А. Мими, Ф. Родоканаки, Л. Камбуроглу, К. и И. Папудовы, П. Варвати. Отделения греческих торговых домов Одессы, а также агенты отдельных купцов имелись во многих странах. В 1818 г., например, о состоянии торговли в Константинополе в Одессу сообщали К. Мисинези, Н. Гулио и многие другие. Интересы одесских купцов в Венеции представлял Вальян Метакса⁶³. Имел

своих агентов в Архипелаге, а также в Ливорно богатый греческий купец Одессы, уже упоминавшийся нами, И. Инглези⁶⁴. П. Калоераки торговал в Одессе, а его сын Спирос — в Константинополе. В Константинополе заключали коммерческие сделки и крупный купец П. Секери, имевший в Одессе брата Афанасия, также купца, и К. Кумбари, имевший в Одессе братьев, крупных торговцев — Александра и Стамати, и многие другие. Лишь единицы из греческих купцов Одессы не имели родственников у себя на родине или в других заграничных греческих колониях. Имея хорошую информацию о состоянии рынка, греческие торговцы извлекали большие выгоды из разницы в ценах.

Торговля являлась главным, но не единственным средством обогащения греческих купцов Одессы. Они занимались и различными банковскими операциями. Греческий капитал был определяющим при основании в 1806 г. Одесской государственной учетной конторы — одного из немногих созданных тогда в России органов кредитования торговли. Решающую роль сыграл греческий капитал и в создании через несколько лет так называемого Биржевого зала, преобразованного в 1819 г. в Одесскую контору государственного коммерческого банка, проводившую крупные операции преимущественно по кредитованию внешней торговли. Находясь на руководящих должностях в этих учреждениях, греческие купцы могли обеспечить беспроигрышность многих выгодных для них торговых сделок. Наряду с официальными кредитными учреждениями были также частные банкиры. Одними из самых крупных ростовщиков в городе стали Г. Маразли, Д. Палеолог и А. Мавро. В течение лишь одного 1823 г. каждый из них выдал в долг за большие проценты не менее чем по 100 тыс. рублей⁶⁵.

О значительности капиталов у греков Одессы можно судить и по итогам объявленного в 1812 г. в городе сбора пожертвований на ополчение по случаю начала Отечественной войны. Большие денежные суммы внесли тогда греческие купцы Одессы. Весь сбор среди греков составил 100 тыс. руб., от всех других иностранцев, проживавших в Одессе, поступило 18 230 рублей, от русского населения 94 тыс. руб.⁶⁶

Многие греческие купцы вкладывали свои капиталы в землевладение. Так, в 1815 г. на городской территории имели свои усадьбы одесские купцы I гильдии А. Риза, II гильдии — Н. Панаго и М. Караса, а также не всту-

пившие в гильдии турецкие подданные, греки-купцы М. Палиголов, И. Константинов, К. Черноклий и др.⁶⁷ Земли, приобретенные ими за бесценок, а в отдельных случаях полученные как переселенцами даром, в последующие годы по мере бурного развития Одессы и роста цен на городские участки приобрели большую ценность.

Греческие фамилии мы встречаем и среди владельцев фабрик и заводов. Их, правда, было не так много. К тому же фабрики и заводы в Одессе на рубеже двух веков представляли собой небольшие предприятия мануфактурного типа. Однако отдельные виды производства полностью находились в руках греков. В 1814 г., например, оба мыловаренных завода принадлежали греческим купцам Г. Сарнаки и И. Сакелари. На этих предприятиях работало 24 вольнонаемных рабочих⁶⁸.

Греческие купцы Одессы не только вели обширную торговлю, занимались банковскими операциями, были собственниками фабрик, заводов и земельных угодьев, но и занимали ключевые позиции в судовладении. Так, в сентябре 1819 г. в Одесском коммерческом суде рассматривались дела следующих судовладельцев: К. Вальсамаки, Д. Камбуроглу, К. Маврокордато, С. Сурзаки, А. Мавро, И. Ралли и А. Секери⁶⁹. Все перечисленные греки, одесские купцы I гильдии.

Большой доход приносили богатым греческим купцам Одессы посреднические услуги в операциях «по ссужению займы» русского флага. В условиях жестокого гнета и произвола, царивших в Османской империи, греческие судовладельцы, стремясь обезопасить свое имущество, заключали фиктивные договора о продаже своих судов русским подданным в Одессе и других портах побережья Черного моря. «Без этого счастливого злоупотребления, — отмечается в сохранившихся черновых заметках видного греческого выходца, находившегося в те годы на русской дипломатической службе, С. Ю. Дестуни, — никогда бы греки не имели кораблей. . .»⁷⁰

Русские власти не препятствовали этим сделкам. Так как собственный торговый флот России на Черном море был в те годы незначительным, то она пользовалась услугами греческих судовладельцев. Последние занимали определяющее место в вывозе русского зерна. Отдельные мероприятия правительства даже ускоряли процесс заключения этих фиктивных актов купли-продажи. Ранее, например, патенты на поднятие русского флага на коммерческих кораблях выдавались из Коммерц-коллегии,

находившейся в Петербурге. В апреле 1804 г. это право было предоставлено одесскому градоначальнику⁷¹. Обеспеченная ростом количества греческих кораблей под русским флагом, Порты не раз обращала внимание российского посланника в Стамбуле Г. А. Строганова на фиктивный характер заключаемых сделок. Тем не менее, до начала революции 1921 г. почти весь греческий флот продолжал плавать под защитой российского флага.

Торговые операции по купле-продаже греческих судов носили чисто коммерческий характер. Греческие торговые дома Одессы нажили на них громадные капиталы. Несомненно, что эти сделки тесно связали греческую общину Одессы с буржуазией Архипелага — экономически наиболее передовой частью греческого общества⁷². Но, к сожалению, в настоящее время мы не можем дать детальный анализ связей греческой общины Одессы с греческой буржуазией Архипелага, в том числе привести конкретные данные о покупке греческими купцами Одессы судов Архипелага. Необходимы дальнейшие изыскания и прежде всего архивные.

Остановимся еще на одном источнике доходов греческих купцов Одессы. Плавание на судах в Черном и Средиземном морях было сопряжено с известными опасностями. До 1806 г. негоцианты прибегали к услугам лишь иностранных страховых компаний: Россия своих не имела. Первая русская страховая компания была учреждена в Одессе в 1806 г. под громким названием Императорской страховой конторы. Ее капитал оценивался не менее чем в 250 тыс. руб. Контора управлялась тремя директорами и регистратором, избравшимися акционерами. В 1808 г. в Одессе было основано «Греко-русское страховое товарищество» с таким же управлением и капиталом в 300 тыс. руб.⁷³ Его директорами стали видные греки Одессы И. Дестуни, Т. Серафино и И. Петала. Второе греческое страховое общество основывается в 1814 г. (директора: И. Амвросиу, И. Манеси и С. Ксида). В 1817 г. в Одессе появляется «Новое греческое страховое общество» с капиталом в 500 тыс. руб. Во главе его встали Д. Зотов, Г. Маразли и Г. Папудоглу⁷⁴. 10 (22) июля 1830 г. Министерство финансов уведомило одесского градоначальника А. В. Богдановского о царском указе, согласно которому в Одессе учреждалась новая «компания для застрахования судов и товаров, под названием греческой страховой конторы». Ее директорами избрали богатых греческих негоциантов В. Ксени, К. Папудова и Г. Россолимо⁷⁵. Каждое как

иностранное, так и русское судно можно было застраховать на сумму до 120 тыс. руб. Прибыли страховых контор были довольно значительны — до 13 % застрахованной суммы⁷⁶. Рост количества греческих страховых компаний не был случайностью. Он свидетельствовал о том, что греческая община Одессы имела крепкую финансовую опору.

Выше уже отмечалось, что, находясь на территории России, греческие выходцы рассматривали свое пребывание здесь как временное и рассчитывали вернуться в свое отечество. Пройдут годы, Греция обретет независимость, но вернутся далеко не все. А среди купеческого сословия таких будут единицы. Слишком глубокими окажутся корни, пущенные ими в этом городе, с которым было связано и их материальное благополучие. Известные фамилии одесских греческих купеческих семей первой четверти XIX в. — Маразли, Инглези, Мавро, Палеолог, Пашудов, Родоканаки, Ралли и многие другие — мы находим в городских справочных изданиях последующих десятилетий.

Греческая община Одессы процветала не только экономически. Она имела все условия для самостоятельного национального развития. Отдаленность от греческого континента не привела к разрыву связей с ним. Возможность постоянных контактов с родиной грекам Одессы давали прежде всего регулярные торговые рейсы. Кроме того, в Одессу прибывали новые греческие эмигранты. Источником постоянной информации о событиях в Греции был также поток корреспонденции. Поддержанию неослабевающего интереса к судьбе своего народа у одесских греков способствовала и местная пресса, на страницах которой периодически публиковались сообщения из различных мест Османской империи (типографии в Одессе возникли в начале XIX в., первая газета «*Messenger de la Russie meridionale*» стала издаваться с апреля 1820 г.).

Сохранить свою национальную среду греческим выходцам позволил и компактный характер их поселения в Одессе. Почти все греки в городе были сосредоточены, как уже указывалось выше, на греческом форштадте — центральной части Одессы. Причем ремесленники и мелкие торговцы селились в южной его стороне, там где и ныне находится греческая церковь Святой Троицы. В северной стороне, в районе так называемого Греческого базара жили богатые греческие негоцианты⁷⁷. До настоящего времени в городе сохранились отдельные дома и целые переулки

типично балканской архитектуры. На некоторых зданиях можно обнаружить элементы греческого национального орнамента.

Трудовая деятельность также протекала у греков совместно. На принадлежавших греческим купцам Одессы кораблях, на береговых складах, в магазинах, кофейнях, гостиницах шкиперами, матросами, маклерами, приказчиками, слугами, как правило, были греки. Полностью из греков состояли и отдельные цехи ремесленников.

Греческие дети учились в специальных греческих школах и училищах. По сравнению с другими городами России, где существовали греческие общины, в Одессе находилось наибольшее количество греческих национальных учебных заведений. Как известно, в конце XVIII—начале XIX в. греческий народ переживал эпоху национального возрождения. Как в самой Греции, так и в зарубежных греческих колониях возрос интерес к героическому прошлому народа, к его культуре, к изучению родного языка. Что касается греческой общины Одессы, то здесь постоянно ощущалась потребность в грамотных людях. Эта потребность объяснялась той ролью, которую играли греки в экономическом развитии города. Первая греческая школа Одессы, просуществовавшая, правда, всего три года, была основана коллежским ассесором Врето в 1800 г. В ней обучалось 70 учеников ⁷⁸.

При временной (деревянной) греческой церкви, просуществовавшей до 1808 г., в первые годы XIX в. действовало и греческое училище ⁷⁹. В 1811 г. создается новое греческое училище. Его посещало 78 учеников, которых обучали 2 учителя. Последним греческое купечество города выплачивало в год 3 тыс. руб. ⁸⁰ Греческое девичье училище было открыто в Одессе в 1822 г. ⁸¹ В 1825 г. появилась еще одна греческая школа, основанная греческим беженцем Х. Константинидами ⁸², а спустя год—училище при греческой церкви Одессы с 13 учащимися ⁸³.

Среди греческих учебных заведений Одессы особо выделялось созданное в 1817 г. на деньги местных купцов Греческое коммерческое училище, ставшее одним из самых значительных греческих учебных заведений той эпохи. Училище имело ярко выраженный профиль греческого национального учебного заведения с широкой общеобразовательной программой. Для преподавания в нем были приглашены известные греческие педагоги, в том числе Г. Геннадис, К. Вардалахос и Г. Лассанис ⁸⁴. В Одессу специально для получения образования в Греческом ком-

мерческом училище приезжали не только из разных городов России, но и из заграничных греческих колоний, а также из самой Греции.

По количеству учащихся Греческое коммерческое училище могло соперничать с другим средним учебным заведением Одессы, также основанным в 1817 г., — Рিশельевским лицеем. В мае 1821 г. в училище насчитывалось около 200 учащихся⁸⁵. Учтем, что в это число не вошли те, кто в марте того же года встал под знамена А. Ипсиланти в Дунайских княжествах и составил передовой отряд греческих повстанцев — «Священную дружину». В Рিশельевском лицее в 1821 г. училось 265 человек⁸⁶. В 1827 г. в Греческом коммерческом училище — 280 учащихся⁸⁷, по данным за 1828 г. в Рিশельевском лицее — 277⁸⁸. Ученикам Греческого коммерческого училища давалось не только прекрасное образование — их воспитывали в готовности участвовать в борьбе за освобождение Греции. Из учащихся была составлена греческая любительская группа, выступавшая на сцене городского театра. Греческий театр Одессы сыграет большую роль в пропаганде революционно-патриотических идей⁸⁹.

Одесса стала важнейшим очагом греческого образования и культуры. Тем острее чувствовалась необходимость в организации собственной греческой типографии. В 1817—1821 гг. в Одессе шла подготовительная работа к ее открытию, однако в силу причин она начала функционировать лишь с 1829 г.⁹⁰

Итак, в результате греческой эмиграции в Одессу в конце XVIII—начале XIX в. в городе сложилась греческая община. Ее отличали быстрый рост материального благосостояния, постоянные контакты с Грецией и заграничными греческими колониями. Греки Одессы сохранили свою национальную самобытность. Среди них постоянно поддерживалось состояние национального подъема. Благоприятные условия, существовавшие для национально-патриотической деятельности, в значительной мере и предопределили то, что греческая революционная организация Филики Этерия возникла именно в этом городе. С самого начала этеристского движения греческая община Одессы станет его важнейшим очагом.

¹ Эта тема уже затрагивалась в некоторых работах, однако предметом специального исследования она еще не была. Главным образом исследователи интересовались историей греческого военного поселения близ Одессы, социально-экономическими предпосыл-

- ками образования греческой общины Одессы, рассматривали эту тему в комплексе других проблем этеристского движения в России. См.: *Теохаріді Т. Ю.* Грецька військова колонізація на Півдні України наприкінці XVIII та початку XIX стол. — Вісник Одеської комісії краєзнавства при Українській Академії наук. Секція для вивчення грецької нацменшости. Одеса, 1930, вип. 1, ч. 4—5; *Золотов В. А.* Внешняя торговля южной России в первой половине XIX века. Ростов-на-Дону, 1963; *Дружинина Е. И.* Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М., 1959; *Она же.* Южная Украина в 1800—1825 гг. М., 1970; *Арш Г. Л.* Греческая эмиграция в Россию в конце XVIII—начале XIX в. — Сов. этнография, 1969, № 3; *Она же.* Этеристское движение в России: Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М., 1970; *Она же.* И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение 1809—1822 гг. М., 1976.
- ² *Смольянинов К.* История Одессы. Одесса, 1853, с. 46.
- ³ Полное собрание законов Российской империи (первое). СПб., 1830, т. XXIII, № 17320. (Далее — I ПСЗ).
- ⁴ *Скальковский А.* Первое тридцатилетие города Одессы (1793—1823). Одесса, 1837, с. 48. Следует учитывать, что на Балканах в ту эпоху термин «грек» употреблялся не только как этноним, но и как синоним понятия «православный». Поэтому при современных подсчетах в число греков Одессы могли попасть и другие выходцы из Балкан.
- ⁵ *Смольянинов К.* История Одессы. . . , с. 54.
- ⁶ Там же, с. 54—55.
- ⁷ *Орлов А.* Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. Одесса, 1885, с. 11.
- ⁸ Выписка из рапорта генерал-губернатора Новороссийского края Н. М. Бердяева Павлу I от 18 (30) апреля 1797 г. — Архив Ленинградского отделения института истории СССР АН СССР, ф. 200, оп. 2, д. 151, л. 15.
- ⁹ См.: *Теохаріді Т. Ю.* Грецька військова колонізація. . . , с. 16; *Арш Г. Л.* Этеристское движение. . . , с. 136—137.
- ¹⁰ Докладная записка Одесского полицеймейстера С. Е. Лесли в Одесский городской для иностранных купцов магистрат от 30 мая (11 июня) 1799 г. — Государственный архив Одесской области, ф. 17, оп. 1, д. 88, л. 1. (Далее — ГАОО).
- ¹¹ ГАОО, ф. 17, оп. 5, д. 35, л. 98 об.—104.
- ¹² *Яковлев В. А.* Кое-что об иноплемениках в истории г. Одессы. — В кн.: Из прошлого Одессы. Одесса, 1894, с. 375.
- ¹³ *Кабузан В. М.* Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII—первой половине XIX века (1719—1858 гг.). М., 1976, с. 183.
- ¹⁴ *Скальковский А.* Первое тридцатилетие. . . , с. 62.
- ¹⁵ ГАОО, ф. 17, оп. 5, д. 35, л. 89—106 об.
- ¹⁶ Там же, л. 89, 94.
- ¹⁷ Аттестат, выданный Ивану Дестуни Одесским городским магистратом 31 декабря 1800 г. (12 января 1801 г.). — Отдел рукописей государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, ф. 250, д. 229, л. 1. (Далее — ГПБ).
- ¹⁸ См.: *Орлов А.* Исторический очерк. . . , с. 49.
- ¹⁹ См.: *Дружинина Е. И.* Южная Украина. . . , с. 115—116.
- ²⁰ Посланник в Стамбуле А. Я. Италинский — в попечительный

- комитет об иностранных поселенцах южного края России 2 (14) января 1804 г. — ГАОО, ф. 6, оп. 6, д. 4, л. 1.
- 21 Копия о всемирнолучшем пожаловании отставного прапорщика Инглеви подпоручиком от 18 (30) июля 1804 г. — ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 278, л. 2.
- 22 I ПСЗ, т. XXVII, № 20103.
- 23 Опись разных наций иностранному народу, пребывающему в Одессе без приписки, ко всегдашнему жительству желания объявивших. Учинена в декабре 1799 г. — ГАОО, ф. 17, оп. 5, д. 35, л. 25—46.
- 24 I ПСЗ, т. XXIX, № 22418.
- 25 I ПСЗ, т. XXX, № 23976.
- 26 ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 240, л. 116.
- 27 *Кабузан В. М.* Заселение Новороссии. . . , с. 173.
- 28 Краткая ведомость о прибывших в Россию в течение 1806 года и внесенных во вновь заведенную книгу иностранных поселенцев. Составлена 19 (31) марта 1807 г. — ГАОО, ф. 6, оп. 6, д. 9, л. 49.
- 29 *Кабузан В. М.* Заселение Новороссии. . . , с. 188.
- 30 См.: *Teoxaridi T. Ю.* Грецька військова колонізація. . . , с. 20, 23; *Арш Г. Л.* Этеристское движение. . . , с. 138.
- 31 О разрешении перехода Одесскому греческому батальону из Килии на землю, высочайше оному пожалованную. — ГАОО, ф. 1, оп. 218, д. 1, 1813 г., л. 1.
- 32 Цит. по: *Арш Г. Л.* Этеристское движение. . . , с. 139.
- 33 Выписка из журнала Комитета министров от 30 декабря 1816 г. (11 января 1817 г.). — ЦГИА, ф. 383, оп. 29, д. 418, 1816 г., л. 35.
- 34 I ПСЗ, т. XXXVI, № 27954.
- 35 О причислении в одесские жители уроженца Корфу грека Панаюта Кородимо. — ГАОО, ф. 4, оп. 1—а, д. 96, л. 1.
- 36 См.: *Международные отношения на Балканах 1815—1830 гг.* М., 1983, с. 106—109.
- 37 *Karidis V. A Greek Mercantile Paroikia: Odessa 1794—1829.* — In: *Balkan Society in the Age of Greek Independence / Ed. by R. Clogg. L., 1981, p. 116—117.*
- 38 Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Херсонская губерния / Сост. А. Шмидт. СПб., 1863, ч. 1, с. 590.
- 39 ЦГИА, ф. 1286, оп. 2, д. 115, 1820 г., л. 8.
- 40 Ведомости «сколько при Одесской греческой Святотроицкой церкви родилось, браком сочеталось и умерло» за 1815, 1818, 1819 и 1821 гг. — ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 174, л. 18 об.; д. 218, л. 15; д. 228, л. 27 об.; л. 245, л. 24 об.
- 41 Одесса: 1794—1894. Одесса, 1895, с. 56.
- 42 Называя эту цифру, мы исходили из того, что в приходе одесской греческой Святой Троицы церкви в 1820 г. состояло 1451 человек (906 мужчин и 545 женщин). — См.: *Греческая церковь Св. Троицы в Одессе.* Одесса, 1908, с. 12.
- 43 *Пятигорский Г. М.* Деятельность Одесской греческой вспомогательной комиссии в 1821—1831 гг. (По материалам Государственного архива Одесской обл.). — В кн.: *Балканские исследования.* М., 1982, вып. 8: Балканские народы и европейские правительства в XVIII—начале XX в.
- 44 Данные, приводимые молдавским историком И. Ф. Иоввой о том, что в 1822 г. в Одессе насчитывалось до 12 тыс. греческих выход-

- цев (*Иова И. Ф.* Бессарабия и греческое национально-освободительное движение. Кишинев, 1974, с. 148), явно преувеличены. В архивном деле, на которое ссылается автор, эти сведения отсутствуют (см.: О перешедших в Бессарабию этеристах и заграничных семействах. — ГАОО, ф. 1, оп. 214, д. 7, ч. 1, 1821 г.).
- ⁴⁵ ГАОО, ф. 4, оп. 6—б, д. 309, л. 1.
- ⁴⁶ ГАОО, ф. 88, оп. 1, д. 109, л. 78; ф. 4, оп. 6—б, д. 504, л. 1—25.
- ⁴⁷ В том же году была образована «попечительная комиссия над румелийскими переселенцами» в Одессе (см.: Письмо председателей комиссии в Одесскую городскую думу от 11 (23) октября 1830 г. — ГАОО, ф. 4, оп. 6—б, д. 504, л. 25). Комиссия распределяла между названными 200-ми переселенцами денежные пожертвования от жителей Одессы. Среди жертвователей мы находим имена видных представителей греческой общины Одессы Д. Инглези, И. Амвросиу, Ф. Родоканаки, К. Папшудова, А. Маврокордато. Всего по городу было собрано 7047 руб. 23 коп. (ГАОО, ф. 4, оп. 6—б, д. 1151, л. 1—6).
- ⁴⁸ См.: *Арш Г. Л.* Греческая эмиграция в Россию. . . , с. 91—92.
- ⁴⁹ *Орлов А.* Исторический очерк. . . , с. 68—69.
- ⁵⁰ Протокол заседания Одесского городского магистрата от 5 (27) мая 1805 г. — ГАОО, ф. 17, оп. 5, д. 4, л. 14—16.
- ⁵¹ ГАОО; ф. 17, оп. 5, д. 4, л. 25—26.
- ⁵² Ведомость урочища Барабой Успения Пресвятой Богородицы церкви за 1816 г. — ГАОО, ф. 37, оп. 4, д. 33, л. 3—4.
- ⁵³ В 1819 г. батальон состоял всего из 18 офицеров и унтерофицеров и 72 рядовых. Указом Александра I от 18 мая (9 июня) 1819 г. батальон был расформирован, а годные к службе 56 человек были переведены в Балаклавский греческий батальон. См.: *Арш Г. Л.* Этеристское движение. . . , с. 141.
- ⁵⁴ См.: Ведомость учиненная в Одесской городской магистратской коллегии о купцах по городу состоящих и их капиталах от 31 января 1800 г. — ГАОО, ф. 17, оп. 1, д. 18, л. 116—119. См. также: *Орлов А.* Исторический очерк. . . , с. 123—127.
- ⁵⁵ См.: ГАОО, ф. 17, оп. 5, д. 35, л. 47—69.
- ⁵⁶ См., например, списки одесских купцов объявивших капиталы на 1814, 1816 и 1822 гг. (ГАОО, ф. 4, оп. 1, д. 1298, л. 1—7 об.; оп. 3, д. 32, л. 1—6—8; д. 298, л. 31—32).
- ⁵⁷ *Скальковский А.* Первое тридцатилетие. . . , с. 40.
- ⁵⁸ ЦГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 1790, 1816 г., л. 5.
- ⁵⁹ *Дружинина Е. И.* Южная Украина. . . , с. 332.
- ⁶⁰ См.: ГАОО, ф. 18 (Одесский коммерческий суд). Это, конечно, не значит, что представители названных народов совсем не участвовали в черноморской торговле. Они обеспечивали прежде всего связи Одесского порта с многочисленными селами, городами, ярмарками сельскохозяйственного тыла России.
- ⁶¹ Указ Александра I правительственному сенату от 5 (17) ноября 1820 г. — ЦГИА, ф. 1329, оп. 1, д. 400, л. 4.
- ⁶² *Дружинина Е. И.* Южная Украина. . . , с. 357.
- ⁶³ Протоколы заседаний Одесского коммерческого суда за 1819 г. — ГАОО, ф. 18, оп. 1, д. 32, л. 42 об., 59, 384.
- ⁶⁴ О замощении улиц Одессы. — ГАОО, ф. 268, оп. 1, д. 11, л. 4.
- ⁶⁵ Протоколы Одесского коммерческого суда, расписки в получении денежных сумм. — ГАОО, ф. 18, оп. 3, д. 8, л. 82 об.; д. 7, л. 70, и др.
- ⁶⁶ *Скальковский А.* Первое тридцатилетие. . . , с. 193.
- ⁶⁷ ГАОО, ф. 4, оп. 1—а, д. 260, л. 49.

- 68 См.: Дружинина Е. И. Южная Украина... , с. 331.
- 69 См.: ГАОО, ф. 18, оп. 1, с. 32, л. 1—331.
- 70 Черновой автограф статьи С. Ю. Дестуни «О турках и греках» (б/д). — ГПБ, ф. 250, д. 90, л. 58 об.
- 71 Скальковский А. Первое тридцатилетие... , с. 138.
- 72 Арш Г. Л. Этеристское движение... , с. 142.
- 73 Сикар Г. Письма об Одессе. СПб., 1818, с. 101—103.
- 74 См.: Арш Г. Л. Этеристское движение... , с. 210—213.
- 75 ГАОО, ф. 1, оп. 190, д. 46, л. 26.
- 76 Сикар Г. Письма об Одессе... , с. 103.
- 77 Греческая церковь Св. Троицы... , с. 10—12.
- 78 Одесса: 1784—1894, с. 621.
- 79 Греческая церковь Св. Троицы... , с. 16.
- 80 Скальковский А. Шестьдесят лет Одесской общественной жизни (1784—1854). Б/д. — Рукописное собрание Одесской государственной научной библиотеки им. А. М. Горького. Р. 62/6, л. 16.
- 81 По данным за 1827 г. в нем насчитывалось 65 учащихся, которых обучали 4 учителя. — Одесский вестник, 1827, № 46.
- 82 Одесса: 1794—1894... , с. 634.
- 83 Одесский вестник 1827, № 46.
- 84 Список 72 преподавателей за первые 50 лет существования училища см.: [X. Βουλοδμήμου]. Πρώτη πεντηκονταετηρίς τῆς ἐν Ὀδησσῷ Ἑλληνοαὐτοκρατορικῆς σχολῆς (1818—1867). Ἐν Ὀδησσῷ. 1871, с. 226—227.
- 85 Рапорт директора Одесского Пипельевского лицея попечителю Харьковского учебного округа от 21 мая (2 июня) 1821 г. — ГАОО, ф. 44, оп. 1, д. 16, 1821 г., л. 2.
- 86 Ведомость о состоянии лицея и находящихся в Одессе под ведением его учебных заведений за 1821 г. — ГАОО, ф. 44, оп. 1, л. 40, 1821 г., л. 2.
- 87 Одесский вестник, 1827, № 46.
- 88 Именной список персонала Рипельевского лицея в Одессе и поименный список учащихся лицея (составлен в 1828 г.). — ЦГАДА, ф. 1261, оп. 1, д. 2502, л. 1—15.
- 89 Подробнее о коммерческом училище и греческом театре Одессы см.: Арш Г. Л. Этеристское движение... , с. 210—214, 217—219.
- 90 Πρώτη πεντηκονταετηρίς..., с. 94.

А. И. Миллер

СОЦИАЛЬНАЯ ДОКТРИНА ЗАПАДНОГАЛИЦИЙСКИХ КОНСЕРВАТОРОВ

60—70-х годов XIX в.

Западногалицийские консерваторы представляли наиболее развитое в идеологическом отношении течение польского консерватизма и без исследования их истории невозможно воссоздать полную картину развития польской общественной мысли XIX в. Наряду с несомненным научным значением эта тема имеет и политическую актуальность, по-

сколькó отдельные элементы идеологического наследия западногалицийских консерваторов используются в наши дни в пропагандистских целях противниками социализма в ПНР. Для успешной борьбы с такими тенденциями необходимо внимательное изучение взглядов консервативных деятелей Галиции и исторических условий их формирования.

В 60—70-е годы лицо западногалицийского консерватизма определяла группа «станьчиков». Название «станьчики» появилось в 1869 г. после опубликования издателями журнала «Пшеглэнд польский» Ю. Шуйским, Л. Водзицким, С. Козьмяном и С. Тарновским их совместного сочинения, политического памфлета «Портфель Станьчика». (Станьчик — имя одного из королевских шутов XV—XVI вв.). Первый номер «Пшеглэнда польского» вышел в июле 1866 г., а четверка его основателей объединилась в самостоятельную политическую группу. Трое из основателей журнала — С. Тарновский, Л. Водзицкий и С. Козьмян — принадлежали к аристократической верхушке галицийского общества, Ю. Шуйский же происходил из средней шляхты. Все они были знакомы по гимназии и университету еще до восстания 1863 г., во время которого они играли руководящие роли в движении на территории Галиции. С. Тарновский, Л. Водзицкий и С. Козьмян входили в отдел Национального правительства для Галиции и подпольный Провинциальный совет. С. Козьмян участвовал в заседаниях руководящих органов Отеля Лямбер в Париже и в совещаниях повстанческих деятелей в самом Королевстве Польском. С апреля 1863 г. по май 1864 г. он был фактическим руководителем «Часа», наиболее влиятельной в тот период польской газеты. Кроме С. Козьмяна лишь Ю. Шуйский имел среди основателей «Пшеглэнда польского» опыт публицистской работы. Еще до восстания он завоевал широкую известность как историк, драматург и журналист, а в 1863—1864 гг. редактировал нелегальную газету «Нашшуд». С. Козьмян и С. Тарновский за активное участие в восстании подверглись заключению в австрийской тюрьме, последний был освобожден лишь в начале 1866 г. К концу восстания всем участникам группы было около тридцати лет.

Активное участие «станьчиков» в восстании послужило причиной конфликта со «старыми» консерваторами «краковского кружка», один из лидеров которого П. Попель поставил вопрос об ответственности участников восста-

ния за понесенные Польшей потери. Роль «станьчиков» в оценке П. Попеля была преступной. Из рассуждений П. Попеля вытекало, что восстание было исключительно плодом заговора, возникшего из пороков человеческой природы под вредным влиянием иностранных революционеров¹⁻³. Ю. Шуйский, сыгравший главную роль в полемике «станьчиков» с одним из лидеров «краковского кружка», противопоставил этой позиции значительно более глубокий анализ причин возникновения конспирации и восстания, признав их объективную обусловленность⁴. Он утверждал, что восстание явилось следствием ненормальной ситуации, в которой находилось польское общество, при этом трагичность ситуации определялась не только фактором иностранного господства. Как все представители краковской исторической школы, он искал причины падения Речи Посполитой и дальнейшего хода польской истории в самом национальном организме. «Если нация не могла сохранить свое государство, то по собственной вине», — этот тезис Ю. Шуйского стал одним из краеугольных камней идеологии «станьчиков»⁵. Эту вину Ю. Шуйский видел в «презрении к власти, в анархии и в презрении к ближнему, т. е. в угнетении народа».

В условиях разделов общественные недуги, символом которых прежде было «liberum veto», вызвали к жизни «liberum conspiro». Высшие слои игнорировали интересы народа, продолжали защищать свои кастовые привилегии, и конспирация стала «неизбежным злом», обусловленным неразрешенностью социальных проблем, прежде всего крестьянского вопроса.

Однако сами конспираторы, как считал Ю. Шуйский, оказались при этом зараженными теми болезнями, проявлением которых был эгоизм высших слоев в крестьянском вопросе. Организуя заговоры в узком кругу, они узурпировали право считать лишь себя истинными патриотами, навязывать обществу время и методы борьбы⁶. Они механически связали социальный вопрос с задачей национального освобождения, наивно рассчитывая, что крестьянин, наделенный землей, завтра пожертвует собой в национальной борьбе, «поднимется до состояния наследника прошлого»⁷. Не имея широкой поддержки, консерваторы оказывались в состоянии борьбы с собственной нацией, подвергая моральному террору тех, кто хотел бороться за независимость иными способами. Заговор был негодным средством национально-освободительной борьбы, поскольку конспираторы не могли управлять даже временем выступ-

ления, будучи часто вынужденными действовать под угрозой разоблачения. Таким образом, создание конспиративной организации «впрок», чтобы пустить ее в ход в нужный момент, было самообманом⁸.

Подход «станьчиков» к оценке конспирации оказался гораздо более гибким, чем у представителя «старых» консерваторов П. Попеля. «Станьчики» не обвиняли конспираторов, как это делал П. Попель, в неискренности национальных чувств, в «политическом шарлатанстве». Они постарались показать ложность самой доктрины конспиративного движения.

Признавая, как и П. Попель, что социальный аспект неотъемлемо присущ нелегальному движению, «станьчики» не сделали его главным мотивом осуждения. Напротив, как раз эту сторону деятельности конспирации Ю. Шуйский «поднял на щит», именно в отношении социальной программы признавая свое духовное родство с конспирацией⁹. Осуждение «станьчиками» конспирации не носило столь откровенно сословного характера, как у П. Попеля. В оценке Ю. Шуйского конспирация имела в прошлом определенное право на существование, однако теперь, «по окончании освобождения крестьян и наделения их землей, конспирация совершенно ошибочна, а линия нормального органического труда абсолютно правильна»¹⁰. Указывая, что конспирация может опереться лишь на слои, ставящие перед собой социальные цели, Ю. Шуйский задавал риторический вопрос: «Должны ли мы от либерализма перейти к социализму?»¹¹. Таким образом «станьчики» старались привлечь все имущие слои в ряды противников конспирации. Их прогноз, что нелегальное движение в будущем неизбежно приобретает социалистический характер, начинает получать во второй половине 70-х годов XIX в. многочисленные подтверждения.

«Станьчики» понимали, что одной из главных причин успеха конспираторов была политическая безынициативность ее оппонентов. «Люди не погнались бы за иллюзиями, если бы им были предложены реальные перспективы», — писал Ю. Шуйский¹². С. Козьян эту мысль сформулировал следующим образом: «Мы видим, особенно после разделов, только два четко выделенных течения: первое состояло всегда из ясно видящих ситуацию и политически образованных людей, второе из искренних энтузиастов и добровольно заблуждавшихся. Суд первых о положении страны был всегда здравым и глубоким, действия же, к сожалению, слабыми и непоследовательными; сужде-

ния других были легкомысленны, политически неосновательны, зато действовали они смело и последовательно. . . Ответственность падает на рассудительных, которые, ясно представляя положение, не умели правильно действовать. . . Лишь они всегда могли спасти дело, и поэтому они наиболее виновны»¹³. Не в том вина противников восстания, указывали «станьчики», что они не сумели убедить общество в его опрометчивости, а в том, что не предложили инициатив, которые могли быть приняты широкими слоями, в том, что они не справились с задачей лидерства в общественном развитии. Такая критика обязывала ее авторов выступить с собственной программой. Ее стержнем стала идея «органического труда».

Эта ориентация вовсе не была новой, но решительную поддержку большинства она получила лишь после восстания 1863—1864 гг. После краха надежд на скорое завоевание независимости силой оружия лишь идея «органического труда» давала патриотической деятельности программное основание, что было очень важно для преодоления шока, вызванного поражением восстания. Подготовкой будущего национального освобождения должна была стать работа по развитию и накоплению материальных, культурных, политических сил нации.

Программа «органического труда» получила в 60-е годы XIX в. несколько трактовок. В лишенном политических свобод и переживавшем в то же время период бурного экономического развития Королевстве Польском варшавские позитивисты главное внимание сосредоточили на экономических задачах. В Галиции такое направление тоже присутствовало, но получить приоритета не могло по двум причинам.

Во-первых, независимо от политики центрального правительства по отношению к польской провинции, ее экономическое развитие должно было страдать от самой включенности в один экономический организм с гораздо более развитыми Богемией и Австрией. Политика же Вены как в области налогов и отчислений из общего бюджета, так и в области таможенных тарифов была для Галиции неблагоприятной, Галиция подвергалась практически полуколониальной эксплуатации. Тяжелым бременем лежали на Галиции в течение всего рассматриваемого периода выплаты по долгу, образовавшемуся в 1848 г. после выкупа барщины. Экономическая деятельность оказалась, таким образом, сильно затруднена. В программе «станьчиков» экономические вопросы остались на втором плане,

да и кадров для их серьезной разработки у «станьчиков» до появления в их рядах Ю. Дунаевского не было.

Во-вторых, Галиция одна среди польских земель имела сносные условия для развития политической жизни — ей была предоставлена автономия, действовал галицийский сейм, на провинцию распространялись предусмотренные имперской конституцией основные буржуазные свободы. В политическом, а отчасти и культурном отношении Галиция как бы жила за всю Польшу. Так считали не только галицийские деятели, верность этой оценки признавалась и в других частях страны¹⁴. На политических и культурных аспектах национальной деятельности «станьчики» и сосредоточили свое внимание.

Они отвергли тот путь к независимости, которым шла конспирация, а ее противников обвинили в неумении объединить и увлечь общество достойной альтернативной программой. Они предъявили польскому обществу обвинение в том, что оно из-за собственных политических грехов не смогло сохранить свое государство и на протяжении всего периода после разделов не умело избрать правильного курса, страдая от прежних политических недугов. Этим они утверждали, что общество не выработало навыков политической жизни, обладает низкой политической культурой. Центр тяжести проблемы завоевания независимости «станьчики» перенесли с борьбы с внешним врагом на внутреннюю организацию общества.

Необходимым условием «органической» деятельности в Галиции была лояльность в отношении Вены, и, прежде чем «станьчики» предприняли активные попытки реализации своей программы, им пришлось вступить в борьбу с демократическим лагерем, поставившим компромисс с Веной под угрозой.

После того, как Рейхсрат Цислейтании отверг в 1869 г. резолюцию галицийского сейма, суммировавшую требования расширения галицийской автономии, Национально-демократическое общество развернуло в провинции кампанию патриотических манифестаций. В это же время Галиция оказалась в центре внимания радикального крыла эмиграции, планировавшего новое восстание с опорой на Галицию. Не исключено, что в самой провинции была создана конспиративная организация. Странников «угоды» (соглашения) с Веной пугала возможность повторения варшавских событий начала 60-х годов, когда патриотические демонстрации подготовили почву для восстания. В числе других средств борьбы с манифестационной кам-

панией галицийских демократов «станьчики» прибегли к оружию политической сатиры. В памфлете «Портфель Станьчика» они обвинили лидеров Национально-демократического общества в сознательном разжигании страстей для спровоцирования безрассудного повстанческого взрыва. Демократическая пресса в ответ нападала на «станьчиков» за клевету, доказывая, что восстание совсем не входит в планы лидеров манифестаций и, таким образом, упустила инициативу. Заявив, что о восстании никто всерьез не помышляет, демократы лишили манифестации большой доли их значения и привлекательности. Одновременно «Портфель Станьчика» способствовал консолидации сторонников «угоды».

В новой ситуации «станьчики» существенно сместили акценты в своей трактовке недавнего восстания. Если прежде главный упор они делали на объективную обусловленность движения и вину тех, кто не сумел предложить обществу достойной альтернативы, то теперь они направили критику против лидеров конспирации.

Среди сатирических персонажей «Портфеля Станьчика» оказались политические авантюристы (бывший министр повстанческого правительства Брутусик (т. е. маленький Брут), аптекарь Оптимович, трибун Сициниуш), мечтавшие о новом восстании, которое снова дало бы им власть, вернуло бы «мандаты на серых бумажках и печати», право налагать контрибуции и бесконтрольно распоряжаться полученными средствами¹⁵. Они радовались неудачам политики лоялизма, исходя из принципа «чем хуже, тем лучше». Именно против левого крыла эмиграции и связанных с ним галицийских деятелей, которые строили свою политику в расчете на новое восстание, против идеи «непрерывности восстания» направили авторы «Портфеля Станьчика» главный удар.

Авторы памфлета, изменив свою позицию двухлетней давности, поддержали высказанные ранее П. Попелем в адрес инициаторов восстания 1863 г. обвинения в шарлатанстве и политическом авантюризме. В устах П. Попеля в 1865 г. это было гневным осуждением, вырвавшимся в минуту поражения польского народа, но тем не менее он заслужил тогда от Ю. Шуйского ярлык «чудовища реакции». Теперь «станьчики» пошли дальше П. Попеля, они подняли на смех членов повстанческого правительства и активных деятелей восстания. Никогда прежде никто из противников повстанческой тактики не решался на подобный шаг.

Между тем для «станьчиков» осмеяние руководства восстания в столь резкой форме имело принципиальное значение. Они ясно представляли роль повстанческой легенды в сознании поляков, в формировании патриотизма. Этому «патриотизму чувства» они категорично противопоставили «расчетливый патриотизм», когда мерилом служит не личная доблесть и самопожертвование, а результат предпринятых действий. Именно с «Портфеля Станьчика» началось широкое распространение нового понимания патриотического долга, которое сформулировали авторы памфлета. Когда П. Попель осуждал восстание, отрицал его политическую целесообразность, это еще не определяло его действий. «Есть песня, когда ее слышишь, кровь кипит в жилах, сердце выскакивает из груди, кружится голова. То, что затевают, — глупость, гибель. А вдруг удастся? И я не буду участвовать в этом? — Вот вопрос, который поляк задает себе перед лицом любого безумства»¹⁶. Такова была реакция «старого консерватора», способного поддаться «патриотизму чувства». «Станьчики» стремились привить обществу такие политические представления, которые предохраняли бы его от воодушевления нерасчетливыми повстанческими порывами.

Назревание франко-прусского конфликта и назначение поляка А. Потоцкого на пост премьер-министра Цислейтании способствовали тому, что манифестационная кампания сошла на нет. Всеми галицийскими политиками был принят лояльный курс в отношении Вены.

Надеясь быть услышанными в изменившейся ситуации, «станьчики» с умноженной энергией старались пропагандировать свою политическую программу. Они считали, что в польском обществе происходят глубокие изменения. Галиция, несмотря на свое экономическое отставание от других польских земель, действительно переживала процессы, характерные для завершающей стадии утверждения капитализма. Осмысление этих процессов было облегчено для «станьчиков» знакомством с ними на примере западноевропейских стран. В ареале Центральной Европы социально-экономическое развитие шло более медленными темпами. И многие возникавшие здесь явления в целом ряде типических черт были аналогичны процессам, уже имевшим место ранее в передовых европейских странах. «Фазы жизни одних (народов. — А. М.) оживают по истечении определенного времени у других, создают как аналогии, так и сильные различия, исходящие из отличий в раз-

вити», — писал главный идеолог «станьчиков» Ю. Шуйский¹⁷.

«Станьчики» принадлежали к тому роду консерваторов, которые осознали невозможность остановить капиталистическое развитие Польши, но рассчитывали, что приняв это развитие как неизбежное, они смогут путем сознательного, конструктивного участия в этом процессе привести его к иным, чем на Западе, политическим результатам. «Отказ от инициативы в общественных реформах, хотя бы соединенных с трудностями, жертвами, даже ошибками, лишает консерватизм того, к чему он всегда должен стремиться — лидерства в обществе. . . . Условием сохранения главенства является удовлетворение действительных интересов общества», — излагал свое кредо Ю. Шуйский¹⁸.

Представление об идеологических концепциях «станьчиков», складывавшихся на рубеже 60-х—70-х годов XIX в., можно получить лишь при анализе всего комплекса их публицистики рассматриваемого периода. Даже самые крупные консервативные мыслители избегали попыток целостного изложения своего учения. Отказ от системотворчества был обусловлен самими основами консервативной идеологии, отрицавшей рационализм и способность человека постичь целокупность законов функционирования общества. Это было свойственно и польским консерваторам. Ю. Шуйский писал: «Мы не смешиваем понятия свободы с неясным идеалом какого-то всеобщего благодетельствования человечества с помощью одной схемы. Именно стремление навязать обществу такую схему мы называем покушением на его свободу»¹⁹.

Польская консервативная мысль всегда испытывала сильное воздействие консервативных идеологов Западной Европы. Первое поколение польских консерваторов формировалось, как отмечал П. Попель, под сильным воздействием Ж. де Местра и Л. де Бональда²⁰. Для «станьчиков» такими фигурами были скорее Э. Бёрк и А. Токвиль. «Станьчики» восприняли у Э. Бёрка взгляд на методы консервативной политики, на соотношение эволюционных и революционных путей развития общества. Э. Бёрк еще в конце XVIII века подчеркнул роль управляемых эволюционных изменений как необходимого и единственно действенного метода консервативной политики, указав, что «государство без способности к некоторым изменениям не может обладать способностью к сохранению». На первый план он выдвигал меру этих изменений, правильное ими руководство. «Даже в экстремальной

ситуации... изменения должны касаться лишь нездоровой части, той, которая вызвала неизбежное отклонение, и даже тогда они должны производиться без разрушения всего гражданского и политического устройства, для того, чтобы новый гражданский порядок вытекал из первичных элементов общества»²¹. Отзвуки этих идей видны в настойчиво подчеркиваемой Ю. Шуйским необходимости консервативного руководства общественными реформами.

Противостояние радикализму и революционным методам переустройства общества, причем противостояние с точки зрения практической целесообразности, составляло основной пафос философии Э. Бёрка. Такая позиция оказалась близка «станьчикам», тогда как для старшего поколения польских консерваторов ближе была позиция склонного к мистике де Местра, видевшего в революции подобную чуме «кару божью» и не углублявшегося в анализ ее механизмов. По утверждению Э. Бёрка радикализм, порождаемый угнетением, заслуживает сочувствия, но это не означает, что он может сыграть положительную роль. («Отчаянные ситуации рождают отчаянные решения и меры»²².) «Революции приводят к противоположному тому, к чему стремились, так как то, что было их целью — райская свобода, равенство, демократия и совершенная справедливость — недоступны, и поскольку эти революции предлагают людям во имя свободы и демократии то, что люди благоразумно отвергают, радикализм должен идти к невозможному через непопулярное. Результатом может быть лишь отрицание обещанных свободы, равенства, демократии и справедливости»²³. «Станьчики» восприняли эти положения Э. Бёрка и в своих рассуждениях оперировали ими как уже не требующими доказательства.

Важным фактором формирования консервативной доктрины «станьчиков» стало творчество А. Токвиля. А. Токвиль, родившийся уже после Великой французской революции, в 1805 г., видел необратимость процесса демократизации и посвятил свои рассуждения не отрицанию его, а поиску средств нейтрализации негативных, с его точки зрения, последствий этого процесса²⁴. А. Токвиль старался показать, что то состояние, которого достигло общество в результате победы либерализма, является переходным к еще более глубоким изменениям. Борьба за демократию имела, по мнению А. Токвиля, результатом прежде всего уничтожение аристократии и других частей прежней сословной структуры, которая пре-

пятствовала стремлению центральной власти к ничем не ограниченному могуществу. А. Токвиль говорил об «особой форме тирании, имя которой — демократический деспотизм». Он указывал также на генетическое родство социализма и либерализма, на синхронность их возникновения, и подчеркивал, что либерализм обезоруживает общество перед угрозой социализма²⁵.

Среди польских консерваторов первым воспринял оценку либерализма как шага к социализму Ю. Голуховский. Он принадлежал старшему поколению польских консерваторов, был дружен со своим соседом по имению П. Попелем и оказал на него сильное влияние. Ю. Голуховский стоял за сохранение барщины в России и Королевстве Польском, как элемента опеки крестьян помещиками, уповая на то, что эти земли не будут слишком сильно затронуты вредными западными влияниями. Ю. Голуховскому принадлежит образная формулировка тезиса А. Токвиля: «Победы (либерализма. — А. М.) беременны социалистической революцией»²⁶.

«Станьчики» вполне разделяли критическое отношение своих предшественников к либеральной доктрине и к демократии. Еще перед восстанием 1863 г. Ю. Шуйский писал о «фатальном сплетении ультралиберальной мысли с мыслями ультраазиатскими: идеи власти масс с идеей власти над массами»²⁷. Развивая мысль Токвиля о неизбежном понижении духовного и нравственного уровня в демократических обществах, он говорил о «демократической нивелировке», о подавлении «аристократии духа»²⁸. Ему вторил С. Козьян, который под впечатлением от всемирной выставки 1873 г. пришел к противопоставлению прежних обществ, где, будь то на олимпиадах или церковных праздниках, в центре стоял человек; современному, где «господствует поклонение новому божеству — прогрессу», где центр — «толпа и материя, а не индивидуальность»²⁹.

Настойчиво звучал в публицистике «станьчиков» мотив осуждения либерализма как предвестника социализма, особенно после Парижской Коммуны. В мае 1871 г. С. Тарновский прямо писал: «Продолжением, дальнейшим развитием либерализма является социализм»³⁰. Двумя годами позже С. Козьян так определял стоящую перед миром дилемму: «Либо правление, основанное на принципах и традиции, либо коммуна рано или поздно»³¹.

Консерваторы молодого поколения готовы были применить и к Польше тезис А. Токвиля о неизбежности де-

мократического процесса и шагнуть, таким образом, на новую ступень по сравнению с Ю. Голуховским, которого они, впрочем, считали одним из наиболее выдающихся польских мыслителей³². «Доминирующим фактором истории нашего века, его отличительной чертой является появление и рост демократии. Это тот неизбежный и неотвратимый элемент, зародыш будущего. . . , из которого должен развиваться позднейший мир, лучший или худший, но должен развиваться из него, потому что ни из чего другого развиваться не может», — писал в 1870 г. С. Тарновский. Перед «станьчиками» встал, как и перед Токвилем, вопрос о нейтрализации отрицательных последствий демократизации общества.

Направленность решения также была подсказана А. Токвилем. Предложенная Ю. Шуйским в 1867 г. ориентация на еще только формирующуюся несословную элиту, в которую уже в новом качестве должна была войти часть прежней общественной верхушки, явно перекликалась с одним из центральных постулатов А. Токвиля, который считал, что историческая аристократия должна стать ядром нового политического слоя, исчезнуть, дав жизнь новой группе, органичной для современного общества. Создание этой новой элиты должно было скорректировать процесс демократизации, отстоять принцип иерархичности в борьбе с противоречащими, по мнению консерватора, самой человеческой природе эгалитарными тенденциями. Х. Водзицкий на страницах «Пшеглэнда польского» цитировал следующие слова А. Токвиля: «Воспитывать демократию, оживлять ее верой, умерять ее движения, на место ее неопытности поставить знание человеческих отношений, а на место ее слепых инстинктов понимание ее действительных выгод, . . . — это первая обязанность людей, руководящих обществом»³³.

А. Токвиль подчеркивал, что «наиболее разрушительным недугом» старого порядка было разделение людей на небольшие чуждые друг другу группы³⁴. «Разобщенность общественных классов составляла, — писал он о Франции конца XVIII в., — преступление королевской власти»³⁵. Так и Ю. Шуйский главную вину «исторических слоев» перед восстанием 1863 г. видел в том, что они не выдвинули каких-либо объединяющих общество идей и целей.

Главную задачу «станьчики» видели в обеспечении конструктивного участия помещиков в общественной пере-

стройке, что имело альтернативой лишь прямую конфронтацию с новыми тенденциями и, как следствие, угрозу господству имущей шляхты. Эта угроза представлялась «станьчикам» тем более опасной, что, сознавая неизбежность перерождения шляхты, они считали ее, все же, главным носителем польской культуры, прежних традиций и ценностей. Множество отрицательных черт, за которые «станьчики» подвергали шляхту острой критике, предопределяли избирательный характер наследования, но другого носителя культуры, национального, морального капитала «станьчики» просто не видели. Еще в 1860 г. Ю. Шуйский в продолжение тезиса о том, что шляхта является альфой и омегой нации, писал, что «общечеловеческие черты шляхетства, поднимающие его выше владения земельной собственностью и общественных привилегий, представляют собой его высокую притягательную силу, делают шляхту душой нации. . . Уничтожить шляхту — все равно, что уничтожить нацию»³⁶. К 70-м годам XIX в. этот тезис изменения не претерпел: «Мы являемся обществом католическим и шляхетским, либо не являемся ничем. Мы опираемся на традиции, либо ни на что не опираемся», — писал С. Козьмян³⁷, не желая принять все сильнее проявлявшиеся в общественной жизни антирелигиозные и демократические тенденции.

Достижение классового мира, сотрудничества различных социальных групп «станьчики» считали условием успешной реализации той программы «органического труда», которой они придавали тем большее значение, что ощущали себя в Галиции «управляющими последней деревеньки, оставшейся от растраченного и распроданного за долги имущества»³⁸. Попытки деятельности в этом направлении стали главным содержанием политической активности «станьчиков» в 70-е годы XIX в.

Действительная ситуация в Галиции характеризовалась глубокими социальными конфликтами. Самым острым и застарелым был конфликт между помещиками и крестьянством, очень важный для Галиции, 82 % населения которой в 1870 г. жило в деревне³⁹. Содержание этого конфликта после отмены барщины с течением времени все больше менялось. К оставшимся неурегулированным экономическим вопросам, как то сервитуты и пропинация, добавились политические проблемы. С обретением, в основном, экономической и гражданской самостоятельности, крестьянство вступило в период политической эмансипации, которая должна была сделать его важнейшей

политической силой и многократно умножить число активных граждан. «Станьчики» сознавали значимость этого процесса. Для помещиков вопрос о влиянии на переживавшее период политического становления крестьянство стоял тем острее, что в деревне с каждым годом умножалось число представителей интеллигенции и буржуазии (управляющих, чиновников, учителей), которые могли составить помещикам конкуренцию в этом смысле.

В поисках путей разрешения конфликта между помещиками и крестьянами «станьчики» использовали опыт западноевропейской консервативной мысли. А. Токвиль в свое время как одну из причин французской революции отметил абсентеизм, в том числе духовный, дворян в деревне, сведший там на нет их хозяйственную и культурную роль, нарушивший связи между крестьянами и помещиками. По мнению «станьчиков», путь к предотвращению этой актуальной и для Польши опасности лежал через объединение помещичьего фольварка и крестьянского хозяйства в рамках низшей единицы самоуправления — гмины. Решая вместе с крестьянами административные вопросы, неся наравне с ними затраты по закладке школ и строительству дорог, постоянно соприкасаясь с ними не только в костеле, но и в повятовом совете, других автономных органах, помещик должен был преодолеть укоренившуюся враждебность со стороны крестьян.

Идея объединения помещичьего имения и гмины была не нова. Сразу после восстания П. Попель призывал «войти в гмину сердцем и делом, в гмину, которая является теперь единственно возможным устройством общества. . .»⁴⁰.

Проект единой гмины «краковский кружок» отстаивал, правда безуспешно, на сейме 1865 г. Сейм принял устав гмины, по которому деревня и фольварк стали отдельными административными единицами. Но и после этого идея единой гмины настойчиво пропагандировалась на страницах «Пшеглэнда польского» и «Часа». Ю. Шуйский в 1869 г. называл объединение гмины «вопросом огромного значения»⁴¹⁻⁴². Два года спустя требование гминной реформы стояло на втором месте вслед за урегулированием польско-украинских отношений в предложенном им перечне важнейших задач галицийской политики⁴³.

Экономическое развитие, рост численности городского населения Галиции с 1857 г. по 1870 г. на 21 % привели к увеличению веса «мира средних слоев», как выразился

Ю. Шуйский. Их активность не была исчерпана восстанием 1863 г., и в послеповстанческой полемике с П. Попелем Ю. Шуйский подчеркивал необходимость считаться с этой силой. Ю. Шуйский не случайно писал о «средних слоях» во множественном числе: неоднородность этой массы была очевидна. Разными были источники ее формирования (шляхта, мещанство), различались и интересы отдельных групп. В комедиях «Галицийские ясли» Ю. Шуйский ясно показал, как богатая буржуазия, связанная с венскими банками, выступала за лояльность в отношении Вены, а ремесленники, страдавшие от конкуренции венских фабрик, пополняли ряды демократов.

Не была едина и интеллигенция, которая проявляла большую политическую активность в рассматриваемый период, чем слабая буржуазия. Борьба за посты в галицийской администрации, а для лидеров за личную политическую карьеру, боязнь конкуренции со стороны нарождающейся украинской интеллигенции, различная степень связанности деловыми интересами с богатыми помещиками — вот неполный перечень факторов, предопределявших расколотость интеллигенции на различные группы и частую смену их политического курса.

«Молодые» консерваторы учитывали эти особенности галицийского мещанства и интеллигенции. Идея Ю. Шуйского о создании «новой элиты» была отражением стремления западногалицийских консерваторов нейтрализовать эту пока еще раздробленную силу, привлечь на свою сторону и подчинить своему влиянию верхушку интеллигенции, ее наиболее талантливых представителей. Такова была отчасти судьба самого Ю. Шуйского, а также будущего краковского бургомистра и председателя сейма М. Зыбликевича, которому протезировал А. Потоцкий.

Политическая ситуация в Галиции в очень большой степени определялась, наряду с социальными противоречиями, и национальными конфликтами. Население Галиции лишь на 46 % состояло из поляков, 42,5 % приходилось на украинцев, около 10 % — на евреев. Основная масса украинцев жила в Восточной Галиции, где они составляли около 65 %, в три раза превосходя по численности поляков⁴⁴⁻⁴⁵. В рассматриваемый период украинское население Галиции находилось в процессе развития национального самосознания, формирования собственной национальной интеллигенции, которая протестовала против дискриминации украинского языка, требовала создания благоприятных условий для развития украинской

национальной культуры. Кроме национальных существовали и религиозные различия — украинское население принадлежало преимущественно к униатской церкви. Далеко не все униатское духовенство было искренне предано римской курии, именно его представители составляли большинство так называемой святоюрской группировки, в своей внешней политике ориентировавшейся на Россию. В Восточной Галиции украинско-польское противоречие в значительной мере представляло собой социальный конфликт между крестьянством, в подавляющем большинстве украинским, и польскими помещиками (в Восточной Галиции находилось 76 % всей польской крупной земельной собственности в провинции). Такое совпадение социального и национального конфликтов существенно усиливало остроту каждого из них. Отметим, что А. Токвиль, предельно кратко характеризуя в одной из своих работ ситуацию в Галиции, выделил это совпадение как важнейший фактор общественной жизни ⁴⁶.

Значение украинской проблемы определялось ее влиянием не только на внутргалицийскую ситуацию. Галиция была единственной из территорий бывшей Речи Посполитой, где поляки выступали в качестве политически господствующей нации по отношению к украинцам, и поэтому развитие польско-украинских отношений в Галиции могло, по мнению западногалицийских консерваторов, стать в будущем прообразом отношений между поляками и основным (украинским, белорусским, литовским) населением «кресов». Западногалицийские консерваторы рассматривали соглашение с украинцами в Галиции как основу для соглашения с украинцами повсюду ⁴⁷. «Час» в 1868 г. писал об украинском вопросе: «Это проблема первостепенной важности как с точки зрения истории трех объединенных в Речи Посполитой наций, так и с точки зрения будущего нашего положения в славянском мире; кто у нас не считается должным образом с этой проблемой, отказывается от исторической национальной идеи и национального будущего» ⁴⁸.

Западногалицийские консерваторы, как «старые», так и «молодые», занимали среди польских политиков наиболее конструктивную позицию по украинскому вопросу, что, конечно, в немалой мере предопределено было меньшей остротой этой проблемы для Западной Галиции — украинцы составляли здесь лишь 4 % населения. Однако позиция терпимости, которую большинство краковских

консерваторов занимало по отношению к евреям, позволяет говорить о гибкости в национальном вопросе как о характерной для них в целом черте.

Краковские консерваторы не только признали само наличие национальной проблемы, в то время как немалое число галицийских политиков видело в украинцах и поляках две ветви одной нации. (Таким утверждением М. Попель, польский депутат от Восточной Галиции, вызвал в сейме в 1867 г. бурные аплодисменты ⁴⁹.) Среди признававших сам факт существования украинской нации далеко не все делали из этого какие-либо конструктивные выводы. Корни украинско-польского конфликта многие в Галиции видели в антипольской политике венской бюрократии и в деятельности святоюрцев. Такой подход либо вообще не предполагал действий для решения проблемы, либо выдвигал на первый план борьбу с группировкой святоюрцев. (Не была редкостью и позиция, с такой непосредственностью проявленная Ф. Земьялковским в его мемуарах: «... украинец, но добрый и привлекательный» ⁵⁰.)

Ю. Шуйский же, как представляется, верно оценил истинные причины конфликта и попытался наметить линию его смягчения. «Мы решительно определяем украинский вопрос как вопрос социальный с национальными стремлениями. . . Не будем отрицать их (украинцев. — А. М.) права на национальное развитие, поскольку наши помехи умножат враждебные нам силы. . . Пусть выяснится, насколько национальный вопрос преобладает на Украине (т. е. в Восточной Галиции. — А. М.) над социальным, как будет развиваться второй при разрешении первого». Ю. Шуйский предлагал признать национальные права украинцев в культурной сфере, смягчить тем самым национальный конфликт и создать, таким образом, условия для прогресса в разрешении социального вопроса.

Идея объединения гмины, которой «станьчики» придавали в этом плане особое значение, имела в сейме решительных противников в лице «подоляков» ⁵¹, поскольку они не без основания опасались, что в Восточной Галиции объединенная гмина будет не ареной сотрудничества польских помещиков с украинскими крестьянами и униатскими священниками, как того хотел Ю. Шуйский, а полем борьбы возглавленного «святоюрцами» крестьянства против помещиков. Позиция подоляков, обуславливавшаяся в конечном счете убеждением в невозможности разрешить национальный конфликт, делала силу единственным ре-

гулятором польско-украинских отношений, что предопределило неудачу попытки группы украинских депутатов сейма во главе с Ю. Лавровским добиться соглашения с польскими политиками. Сторонники Ю. Лавровского были готовы признать неделимость Галиции и поддержать идею польско-украинского союза, надеясь получить взамен признание национальных прав украинцев в провинции. «Краковский кружок» и «станьчики» придавали деятельности Ю. Лавровского первостепенное значение. «За все время существования галицийского сейма не произошло более значительного события, чем выдвижение проекта Лавровского и его коллег, сформулировавших требования украинцев. . . Следует создать такую ситуацию, — писал «Час» весной 1870 г., — чтобы украинцы видели в нас достойных союзников»⁵². В «Пшеглёнде польском» Ю. Шуйский призывал прекратить «доказывать, что не существует украинского языка, и не существовало самостоятельной Украины», поскольку это «значит ни на шаг не продвинуть решения проблемы. . . и лишиться сильнейшего союзника, какого только можно найти»⁵³. «Станьчики» поддержали требование расширения прав украинского языка, они способствовали выделению дотаций для украинского театра во Львове, украинизации львовской гимназии и старались провести в сейме решение об обязательном обучении украинскому языку в польских гимназиях Галиции⁵⁴.

Однако «подоляки» воспротивились удовлетворению значительной части требований украинцев. Линия Ю. Лавровского на соглашение с поляками, не принеся серьезных плодов, начала терять популярность, и перевес получили «святоюрцы». В 1873 г., оценивая итоги выборов в рейхсрат, «Час» писал о неудаче Ю. Лавровского и его сторонников, как о поражении их польских союзников⁵⁵.

К началу 70-х годов XIX в. в Галиции создался, таким образом, некий порочный круг, о котором Ю. Шуйский писал в статье «Слово о задачах сейма»: не удалось продвинуть разрешения ни национального, ни социального конфликтов⁵⁶.

Главным препятствием в реализации выработанной «станьчиками» политической программы оказалась позиция того слоя, в интересах которого она была разработана: землевладельческая шляхта должна была, по мысли «станьчиков», войти в новую несословную элиту, обеспечив столь важную преемственность по отношению к преж-

ней шляхетской элите, и одновременно отказаться от феодальных привилегий, которые были анахронизмом. Здесь «станьчиков» и ждало разочарование. Даже в 70-е годы, после того, как в Габсбургской монархии и других странах Центральной Европы завершился в основном период буржуазных реформ, шляхта в подавляющем большинстве не была готова откликнуться на призыв «станьчиков» научиться платить своевременным отказом от феодальных привилегий за сохранение социально-экономического и политического преобладания в новых капиталистических условиях. Большинство помещиков оказалось неспособно перестроить свою экономическую деятельность таким образом, чтобы сохранить роль хозяина земли, хранителя культурных традиций и лидера в отношении крестьянства. Те немногие, кто решался на перестройку, видел выход в переброске средств из сельского хозяйства в другие отрасли.

Написанный Ю. Шуйским в 1872 г. в форме комедий политический памфлет «Галицийские ясли» содержит резкую критику шляхты. «Ничего нельзя у нас делать, не получишь поддержки для далеко идущего предприятия. . . Большинство. . . идет за нами только из-за бессилия, только из охранительного инстинкта, идет потому, что видит в нас людей, борющихся за его интересы, поддерживающих. . . систему запретов. Чтобы эта система давала плоды, нужна работа, движение, нужно умение работать, потому что без этого с каждой минутой уменьшается число тех, кого она должна защищать. Нужны реформы — а разве это большинство согласится на реформы? . . . Это большинство повернется против нас, лишь только заговоришь об отмене пропинации и объединении гмины», — так объяснял молодому коллеге причины своего пессимизма консерватор — сторонник реформ граф Феликс⁵⁷. «Природа! Ты создала в польском шляхтиче шедевр своего каприза. . . Сгинет это племя. . . Нет жалости для глупости, хотя бы и прекраснейшей, и за средними веками, трубадурами, отправившись и ты, удивительнейший из исторических уродов», — пророчил шляхте либерал Конрад⁵⁸.

Недовольство «станьчиков» косностью шляхты и отсутствием поддержки с ее стороны было столь острым, что в предверии выборов в рейхсрат сдержанный С. Козьян писал, что «в делегацию не следует избирать диких и полудиких шляхтичей»⁵⁹. Результаты же выборов вызвали у С. Козьяна замечание, что хуже всего прошли

они в курии крупных собственников, где «были отвергнуты достойные кандидаты и избраны политические посредственности».

Одновременно с невозможностью наладить сотрудничество с правым большинством сейма «станьчики» начали испытывать вновь усиливающееся беспокойство перед опасностью слева. Главным симптомом ее увеличения представлялась «станьчикам» пролетаризация различных слоев галицийского общества, которую они напрямую связывали с социалистической угрозой. В 1870—1872 гг. «станьчики» безуспешно пытались провести в сейме ряд мер, которые должны были воспрепятствовать «перепроизводству» интеллигенции и образованию интеллектуального пролетариата⁶⁰. Ю. Шуйский отметил вскоре и «умножение пролетариата в результате разорения мелких собственников», в первую очередь крестьянства, и сделал вывод, что борьба с социализмом «неизбежно приближается к Галиции»⁶¹. Разорение крестьянства, его эмиграция акцентировались «станьчиками», считавшими, что «будущее этого края зависит от создания слоя богатых крестьян»⁶².

Постоянные неудачи преобразовательных инициатив представлялись «станьчикам» крайне опасными. Еще в 1871 г. Ю. Шуйский высказывал опасение, что задержка в осуществлении объединения гмины, отмены пропинации и других реформ приведет к таким же последствиям, что и задержка отмены барщины. Он критиковал шляхту за «излишнее стремление к защите неверными средствами ложно понятых сословных интересов», доказывая, что это губельно для консерватизма⁶³.

До начала 70-х годов «станьчики» ограничивались пропагандой собственной программы на страницах «Пшеглэнда польского» и в сейме, считая, видимо, что этого будет достаточно для привлечения на свою сторону сеймового большинства и прекращения борьбы различных политических группировок. У «старых» консерваторов «краковского кружка» такая тактика вызвала резкую критику. «Если бы эти литераторы, политические дилетанты и прежде всего неумолимые критики могли когда-нибудь предпринять нечто столь практичное, как взятие власти! Для этого нужно больше инициативы и меньше привязанности к такой выгодной позиции критиков всех и вся», — писал «Час» в 1869 г.⁶⁴ «Станьчики» признали правоту «старых» консерваторов, и начали искать союзников среди существовавших в сейме направлений. Их союз

с «краковским кружком» установился довольно быстро, но это был единственный успех молодых консерваторов. «Станьчики» обращались с предложениями о сотрудничестве и к «Клубу резолюционеров», но не встретили отклика⁶⁵. Перед «станьчиками» встал вопрос о создании собственной сильной группировки в сейме. Путь к решению этой задачи они видели в создании партии. О необходимости организации консервативной партии «Пшеглэнд польский» начинает писать с 1873 г.

На протяжении длительного времени консерваторам в Польше была свойственна недооценка роли характерных для нового времени методов политической деятельности и организации. До определенного момента острота этой проблемы была приглушена существованием неформальных связей в по преимуществу аристократическом кругу консервативных лидеров, большим числом зависимых от них лиц, что позволяло решать политические задачи методами традиционной салонной политики. Это же обстоятельство не позволяет проследить создание руководящего ядра задуманной партии. Немалую роль сыграли регулярные собрания (так называемые четверги) у П. Попеля, где встречались все значительные деятели западногалицийского консерватизма⁶⁶. В 1873 г. П. Попель, «последний из могикан» «краковского кружка», поддержал ориентацию «станьчиков» на создание собственной партии⁶⁷.

К этому времени различия между «станьчиками» и «краковским кружком» существенно сгладились. С политической арены постепенно сходили прежние лидеры краковских консерваторов: А. З. Хельцель умер в 1870 г., Е. Любомирский и лидер депутатов «краковского кружка» в сейме А. Потоцкий в 1872 г. Еще в 1870 г., когда владелец газеты «Час» банкир Й. Кирхмайер потерпел банкротство, «станьчики» внесли немалую лепту в фонд, созданный для спасения газеты. С ослаблением в 1872 г. активности ведущего публициста «Часа» М. Манна влияние «станьчиков», особенно С. Козьяна, в газете усиливается. «Станьчики» оказываются во главе всего западногалицийского консерватизма и приобретают одновременно нового соратника Ю. Дунаевского, «станьчика милостью божьей», как писал в 1875 г. С. Козьян⁶⁸. Профессор краковского университета, Ю. Дунаевский лишь в 1870 г., когда ему было уже 48 лет, стал депутатом сейма. Политические и ораторские способности выдвинули его вскоре в число крупнейших галицийских деятелей. Именно он разработал проект административной реформы,

принятый западногалицийскими консерваторами в качестве политической программы, выдвижение которой было необходимым шагом для создания предполагаемой партии.

Содержание проекта отражало серьезные изменения в политической ориентации западногалицийских консерваторов. Предусматривалась реорганизация всего административного устройства провинции. Главный упор делался на ликвидацию дуализма в администрации, т. е. такого разделения компетенции центральной и автономной власти, при котором самоуправлению доставался очень ограниченный круг полномочий.

Проект предусматривал передачу прав низшей административной единицы, принадлежавших прежде как гминам, так и помещичьим фольваркам, гминному округу. Округ должен был объединить несколько прежних низших административных единиц с общей численностью населения от 6 до 10 тыс. человек. Гминный округ должен был управляться советом из 15 выборных членов, а также представителей всех исповедуемых в округе религий. Совет выделял членов исполнительного органа и трех кандидатов, один из которых утверждался заместителем в начальники округа.

Вместо прежних поватов вводились более крупные административные единицы обводы с такими же органами управления, что и в гминном округе. Обводный совет выбирался советами гминных округов, а его исполнительный орган получал значительную часть компетенций, принадлежавших прежде правительственной администрации. Старосту, главу обвода, в чьих руках, по замыслу проекта, сосредоточивалось руководство исполнительной властью, назначал император.

Реформе подлежало и управление всей провинцией. Вместо выбиравшегося сеймом Краевого комитета во главе с председателем сейма создавался совет заместителя, состоявший из чиновников. Однако часть функций бывшего Краевого комитета должен был принять особый комитет, состав которого утверждался императором из представленных сеймом кандидатов. Перед этим комитетом, равно как перед сеймом, становился ответственным заместителем провинции.

Проект Ю. Дунаевского отражал реакцию «станьчигов» на косность галицийской шляхты. Деятельность галицийского самоуправления, в котором главная роль отводилась шляхте, страдала множеством недостатков и

подвергалась критике еще в «Портфеле Станьчика». Гмина, в состав которой в Галиции входила, как правило, одна деревня, была слаба экономически, порой настолько, что не могла самостоятельно содержать школу. Она не имела образованных кадров и поддержки от шляхты, так как фольварк не входил в гмину. Ю. Дунаевский в 1875 г., обосновывая свой проект, указывал в сейме на целый ряд тяжелых последствий неспособности гмины самостоятельно решать сколь-либо сложные вопросы.

Вопрос о необходимости преобразований в административной системе Галиции становился с течением времени все острее, поскольку крестьяне начинали протестовать против малоэффективной административной деятельности шляхетских представителей. На сейме 1874 г. крестьянский посол Сивец призывал, например, «отменить поветовые советы и органы автономного управления. . . и перейти под прежнее (т. е. австрийское. — А. М.) управление, так как сегодня за те добавки к налогам, которые платим, мы получили только беспорядок; мы уже сыты этой автономией и пора вернуться к прежнему»⁶⁹. Неспособность шляхты организовать самоуправление Ю. Шуйский рисовал в «Галицийских яслях» как одну из главных проблем.

«Станьчики» считали, что новый гминный округ, объединявший несколько гмин и прилегавшие к ним помещичьи имения, может стать достаточно сильной административной единицей для решения вопросов местного управления и развития.

Слабая политическая подготовленность шляхты отражалась и на деятельности высшего автономного органа — Краевого комитета. Передача полномочий Краевого комитета профессиональным чиновникам должна была улучшить постановку дела, а введение ответственности наместника перед сеймом — предотвратить возможность ущемления бюрократией интересов Галиции. Таким образом, «станьчики» признали, что шляхта не готова к самостоятельному эффективному управлению провинцией. С этим была связана отразившаяся в проекте ориентация «станьчиков» на ослабление сохранявшихся в политической системе Галиции сословных привилегий помещиков. Так, при выборах совета гминного округа проект значительно сокращал привилегии, связанные с имущественным цензом — лишь треть членов совета избиралась курией крупных собственников. Куриальная система отсутствовала при выборах в орган самоуправления высшей ступени,

совет обвода, поскольку он выбирался гминными советами. Отражением того же курса было выдвинутое Ю. Шуйским в 1875 г. предложение об увеличении в сейме числа представителей городов, как «более энергичных и склонных к реформам»⁷⁰.

Показательны не только изменения, предусмотренные проектом в избирательной системе. Главной фигурой в администрации должен был стать староста обвода, назначаемый императором. Около 20 старост должны были составить узкую, относительно независимую влиятельную группу. «Станьчики» рассчитывали, что в Вене им удастся добиться назначения старостами большего числа своих сторонников, чем в случае их выборов на местах. Слабость поддержки своей программы в самой провинции они стремились частично компенсировать за счет более тесного союза с Веней. С 1873 г. «станьчики» выступают с призывом к сотрудничеству всех консервативных сил империи, начинают настойчиво искать союзников за пределами Галиции.

Проект Ю. Дунаевского был опубликован в 1871 г. Однако «станьчики» не спешили внести его в сейм, опасаясь сопротивления «подоляков». Работая над созданием в сейме группировки, которая бы смогла сломить сопротивление «подоляков», «станьчики» уделяли все больше внимания ранее презрительно отвергавшейся ими агитации, встречам с избирателями, выработке политических лозунгов, которые отвергали прежде как искажающие мысль, в силу самой своей упрощенности. Пропагандируя проект Ю. Дунаевского, западногалицийские консерваторы главное внимание сосредоточили на упорядочении администрации и придании определенных исполнительных полномочий самоуправлению, они совершенно не вели речь о социальных аспектах проекта, боясь отпугнуть шляхту.

Однако, с течением времени «станьчикам» становилось все более ясно, что у них не получается добиться достаточно широкой поддержки шляхты. Порой они даже входили в конфликт с большинством помещиков. Так, в 1874 г. в статье «Порции», опубликованной в ноябрьском номере «Пшеглёнда польского», С. Тарновский обвинил помещиков в предоставлении крестьянам мелких ссуд («порций») за последующие отработки, т. е. своеобразном возрождении барщины на ростовщических принципах. Статья вызвала у помещиков бурю возмущения. С. Тарновский, не имея решающих доказательств, не мог пре-

сечь потока обвинений в клевете. Искусственно подогреваемое политическими соперниками «станьчиков»⁷¹ дело приобрело такой размах, что С. Тарновский был вынужден сложить полномочия депутата сейма. Некоторые меры, предусмотренные в проекте Ю. Дунаевского, шляхта восприняла как покушение на свои позиции. «Порции» углубили недоверие шляхты к «станьчикам», острота реакции на статью служила явным показателем существования конфликта между «станьчиками» и частью шляхты.

К 1873 г., когда умер Ю. Лавровский, уже растерявший большую часть своих сторонников, стало ясно, что шанс на соглашение с украинцами упущен. С. Тарновский в этой связи писал, что «украинский вопрос решается самоубийством (так расценивал он ориентацию на Россию. — А. М.), которое мы не в состоянии предотвратить»⁷². В 1874 г., убедившись в невозможности близкого соглашения с украинцами, «станьчики» попытались сгладить остроту конфликта со шляхтой по поводу «Порций» уступками «подолякам» в национальном вопросе. Л. Водзицкий выступил в Коле с заявлением, что «вступление в любую дискуссию по украинскому вопросу, как внутреннему, было бы ошибкой»⁷³. Это выступление было отказом от попыток противостоять линии «подоляков» в польско-украинских отношениях.

В этих обстоятельствах «станьчики» переживают серьезный кризис своих политических надежд. В 1876 г. Ю. Шуйский рисовал мрачную картину «многочисленных разорений, самоубийственной болезни биржевой лихорадки, политической апатии». Он убеждал читателя, а заодно, возможно, и себя, что еще не все потеряно, в который уже раз стараясь доказать, что «есть определенные необходимости, с которыми следует согласиться, поскольку выгоды тем больше, чем быстрее решиться (на урегулирование проблемы. — А. М.)»⁷⁴. Ю. Шуйский подчеркивал, что задержка с проведением назревших реформ лишь снижает их политический эффект⁷⁵. Обвинениями в «эгоистическом консерватизме» тех, кто забыл, что «с польской шляхтой польский люд» Ю. Шуйский возобновлял приглушенную после истории с «Порциями» критику шляхты.

Ярким свидетельством кризиса, который переживали «станьчики», стала статья С. Тарновского «Десять лет спустя», в которой он подводил итоги деятельности журнала «Пшеглэнд польский» и связанной с ним группы. «Мы разбиты, разбиты по всем пунктам, во всем том, что

делали или хотели делать, разбиты как поляки во всех аспектах нашего дела и как журнал во всех его стремлениях. . . Ни одна из мыслей и принципов, которые мы защищали десять лет, не были претворены в жизнь, . . . ни разу борьба, которую мы вели, не принесла нам успеха»⁷⁶. Заканчивалась эта статья призывом к принятию проекта Ю. Дунаевского, на него «станьчики» делали главную ставку.

Проект был, наконец, внесен в сейм на весенней сессии 1876 г. Ограниченность поддержки, которой располагали «станьчики» в сейме (они контролировали лишь шестую часть голосов), проявилась со всей очевидностью. В 1876 г. проект так и остался в комиссии, не дождавшись общей дискуссии. В 1878 г. на пост председателя сейма император назначил Л. Водзицкого. В своей первой торжественной речи в сейме новый председатель выделил вопрос реформы администрации как важнейший из стоящих перед депутатами⁷⁷. Однако и влияние Л. Водзицкого не внесло перелома. Кратковременность сессий открывала «подолякам» возможность вести тактику проволочек. Некоторое ограничение самоуправления, предусмотренное проектом, давало им основу для агитации против реформы. Западногалицийские консерваторы пытались заставить сейм хотя бы высказаться в принципе по вопросу о необходимости административной реформы, но даже этого долго не могли добиться. Общая дискуссия по проекту состоялась лишь в 1881 г., но и тогда проект не прошел.

После прихода в 1879 г. к власти в Вене министерства Э. Тааффе наступил более чем десятилетний период преобладания консерваторов в управлении Цислейтанией. Проявившие себя энергичными администраторами лидеры «станьчиков» получают в этот период назначения на высокие посты как в Галиции, так и в Вене. М. Зыбликевич, оставив пост краковского бургомистра, стал маршалом сейма вместо Л. Водзицкого, который возглавил первый галицийский банк. Ю. Дунаевский на посту министра финансов добился уникального для Европы того времени результата — в течение 10 лет он сводил с положительным сальдо государственный бюджет. Его влияние распространялось далеко за пределы финансовой сферы.

Однако в Галиции власть «станьчиков» была в немалой мере условной, доказательством чего может служить тот факт, что ни один из постулатов проекта Ю. Дунаевского так и не был реализован.

«Станьчики» были словно генералы без армии, точнее с такой армией, которая не столько слушается приказа, сколько сама навязывает решения. Ю. Шуйский верно отметил еще в «Галицийских яслях», что «станьчики» имели поддержку шляхты, лишь когда защищали ее сословные привилегии или боролись с ее противниками. Они лишались этой поддержки, как только выступали со сколько-нибудь серьезными проектами преобразований. Буржуазия же в Галиции была еще недостаточно сильна, чтобы компенсировать эту слабость в социальной опоре «станьчиков». А главное, хотя «станьчики» и выдвигали немало проектов реформ буржуазного характера, их конечные политические цели были консервативны и далеко не во всем соответствовали стремлениям буржуазии.

Расчеты «станьчиков» на создание единой новой элиты, которые строили они после восстания 1863 г., не оправдались. Как показывают современные исследования, наряду с процессами сращивания прежней сословной элиты с новой интеллигентско-буржуазной, между ними очень сильно проявилось соперничество^{77а}. Это обусловило нереальность расчетов «станьчиков» на объединение под своим знаменем наиболее влиятельных политических группировок. «Станьчики» оказались между двух огней. С буржуазно-демократическим лагерем они боролись за право руководить реформами, а со старым помещичьим — за саму необходимость преобразований.

Такая ситуация предопределила и неудачу «станьчиков» в их попытке создать «консервативную партию реформы». В позднейших оценках западногалицийских консерваторов эта неудача расценивалась как решающая⁷⁸, поскольку она обусловила ограниченность той власти, которой «станьчики» располагали, даже занимая ведущие посты в Галиции⁷⁹. Это не позволило им осуществить свою программу преобразований. Распространенная в историографии точка зрения, будто власть в Галиции безоговорочно принадлежала «станьчикам»⁸⁰, в конечном счете приводит к существенным искажениям в оценке их социально-политических концепций, ведь критерием для оценок берется реальное развитие Галиции, далеко не полностью находившееся под контролем «молодых» консерваторов.

Отставание Польши, как и других стран Центральной и Юго-Восточной Европы, в социально-экономическом развитии от стран Западной Европы, создало условия для возникновения таких направлений консерватизма, кото-

рые стремились предотвратить негативные, с их точки зрения, последствия еще только развивавшихся в их собственных странах, но уже знакомых им на опыте Западной Европы социальных процессов. Однако то же самое социально-экономическое отставание предопределило политическую неразвитость класса, из которого выходили такие идеологи, и в конечном счете обусловило неспособность дворянства воспринять идеологию консерваторов-реформаторов. Их установка на то, что помещики, сохранив политическую власть, сумеют освободить общество от феодальных пережитков, оказалась иллюзорной. Быстро, с которой созданная «станьчиками» консервативная утопия антибуржуазного характера утратила почву, свидетельствует об интенсивности процесса утверждения капитализма в 70—80-е годы XIX в. даже в условиях экономически отсталой Галиции.

¹⁻³ Z dziejów odrodzenia politycznego Galicji: 1859—1873. W-wa 1905, s. 238.

⁴ Ход полемики Ю. Шуйского с П. Попелем и процесс становления Шуйского как консервативного идеолога подробнее рассмотрен нами в статье «К вопросу о становлении политического течения «станьчиков». — Сов. славяноведение, 1984, № 2.

⁵ Z dziejów. . . , s. 284.

⁶ Przegląd Polski, 1867, maj, s. 313.

⁷ Ibid., s. 315; *Szujski J. Dzieła*. Kraków, 1885, Ser. 3, t. I, s. 281.

⁸ Przegląd Polski, 1867, styczeń, s. 145.

⁹ Z dziejów. . . , s. 293.

¹⁰ Ibid., s. 293.

¹¹ Przegląd Polski, 1867, maj, s. 318.

¹² *Szujski J. Dzieła*. Ser. 3, t. I, s. 237.

¹³ Przegląd Polski, 1868, listopad, s. 333, 334.

¹⁴ Dziennik Poznański, 1867, 6 list., n. 30.

¹⁵ Z dziejów. . . , s. 341, 347.

¹⁶ *Popiel P. Pisma*. Kraków, 1893, t. I, s. 158.

¹⁷ *Szujski J. Opowiadania i roztrząsania historyczne*. W-wa, 1882, s. 402.

¹⁸ *Szujski J. Dzieła*. Kraków, 1894, Ser. 3, t. III, s. 48.

¹⁹ Z dziejów. . . , s. 231.

²⁰ *Popiel P. Pamiętniki*. Kraków, 1927, s. 21, 26.

²¹ *Burke E. On Government, Politics and Society*. Townbridge, 1975, p. 285.

²² *Freeman M. Edmund Burke and the Critique of Political Radicalism*. Oxford, 1980, p. 73.

²³ Ibid., p. 241.

²⁴ То обстоятельство, что многие реалии Токвиль принимал как данность, делая акцент на предостережении, а не на критике уже существующего положения, послужило основанием для нередких ошибочных оценок его как либерала.

²⁵ *Токвиль А. Старый порядок и революция*. СПб., 1906, с. 21,

185—187; *Он же*. Воспоминания Алексиса Токвиля. М., 1893, с. 84—85.

²⁶ *Goluchowski J.* Rozbior kwestii włościańskiej w Polsce i w Rossji w r. 1850. Poznań, 1851, s. 50.

²⁷ *Szujski J.* Dzieła. Ser. 3, t. I, s. 13.

²⁸ *Ibid.*, s. 224—225.

²⁹ *Przegląd Polski*, 1873, listopad, s. 244—246.

³⁰ *Ibid.*, 1871, maj, s. 302.

³¹ *Ibid.*, 1873, wrzesień, s. 450.

³² *Ibid.*, 1869, luty, s. 334.

³³ *Ibid.*, 1867, sierpień, s. 307.

³⁴ *Токвиль А.* Старый порядок. . ., с. 114.

³⁵ Там же, с. 124.

³⁶ *Szujski J.* Dzieła. Ser. 3, t. I, s. 12—13.

³⁷ *Przegląd Polski*, 1873, wrzesień, s. 452. В связи с высказанными наблюдениями о влиянии идей Токвиля на западногалицийских консерваторов укажем на запись, сделанную одним из виднейших славянофилов Ю. Ф. Самариним в 1857 г. на обложке книги Токвиля «Старый порядок и революция»: «Токвиль, Монталамбер, Риль, Штейн — западные Славянофилы. . . Как у нас, так и во Франции, Англии, Германии, на первом плане один вопрос: законно ли самодержавное полновластие рассудка в устройстве души человеческой, гражданского общества, государства? . . . Тирания рассудка в области философии, веры и совести соответствует на практике, в общественном быту, тирании центральной власти. . . Токвиль, Монталамбер, Риль и другие, отстаивая свободу жизни и предание, обращаются с любовью к аристократии. . .»

Напротив, мы обращаемся к простому народу, но по той же самой причине, по которой они сочувствуют аристократии, т. е. потому, что у нас народ хранит в себе дар самопожертвования, свободу нравственного вдохновения и уважение к преданию» (*Самарин Ю. Ф.* Сочинения. 2-е изд. М., 1900, т. 1, с. 394—395.) Приведенный отрывок свидетельствует о генетическом родстве идеологий славянофилов и западногалицийских консерваторов и, отчасти, конкретизирует область поиска примеров для типологических обобщений.

³⁸ *Przegląd Polski*, 1870, wrzesień, s. 506.

³⁹ *Rapacki W.* Ludność Galicji. Lwów, 1874, s. 53.

⁴⁰ *Z dziejów. . .*, s. 227.

⁴¹⁻⁴² *Szujski J.* Dzieła. Ser. 3, T. II, s. 157.

⁴³ *Przegląd Polski*, 1871, sierpień, s. 232.

⁴⁴⁻⁴⁵ *Rapacki W.* Ludność Galicji, s. 51—52.

⁴⁶ *Токвиль А.* Старый порядок. . ., с. 209.

⁴⁷ *Przegląd Polski*, 1876, lipiec, s. 117.

⁴⁸ *Czas*, 1868, 16 wrzesnia.

⁴⁹ *Polski Słownik Biograficzny (PSB)*, T. XXVII/3, z. 114, s. 564.

⁵⁰ *Ziemiałkowski F.* Pamiętniki. Lwów, 1908, s. 56.

⁵¹ «Подольяками» называли восточногалицийских (подольских) помещиков, представленных в сейме наиболее крупной группировкой.

⁵² *Czas*, 1870, 30 marca.

⁵³ *Przegląd Polski*, 1870, grudzień, s. 552.

⁵⁴ *Ibid.*, 1870, s. 503; *Szujski J.* Dzieła. Ser. 3, t. II, s. 267—268.

⁵⁵ *Czas*, 1873, 21 października.

⁵⁶ *Przegląd Polski*, 1871, sierpień, s. 234.

- ⁵⁷ Ibid., 1872, grudzień, s. 400.
- ⁵⁸ Ibid., s. 390—391.
- ⁵⁹ Ibid., 1873, październik, s. 178.
- ⁶⁰ *Szujski J. Dzieła. Ser. 3, t. II, s. 66, 221, 279—280; Sprawozdania stenograficzne sejmiku krajowego, 1872, s. 59.*
- ⁶¹ *Szujski J. Dzieła. Ser. 3, t. III, s. 19.*
- ⁶² *Koźmian S. Pisma polityczne. Kraków, 1903, s. 234—235.*
- ⁶³ *Przegląd Polski, 1871, sierpień, s. 235; Szujski J. Dzieła, Ser. 3 t. III, s. 48—49.*
- ⁶⁴ *Czas, 1869, 16 września.*
- ⁶⁵ *Отдел рукописей библиотеки АН УССР во Львове, ф. 63 (К. Кшечуновича), ед. хр. 8, ч. 3, л. 2, 2 (об.).*
- ⁶⁶ *Popiel P. Pamiętniki, s. 191; PSB, T. XXVII/3, z. 114, s. 570.*
- ⁶⁷ *Przegląd Polski, 1873, listopad, s. 570.*
- ⁶⁸ *Koźmian S. Pisma polityczne, s. 114.*
- ⁶⁹ *Sprawozdania stenograficzne. . . , 1875, s. 184.*
- ⁷⁰ *Szujski J. Dzieła. Ser. 3, t. III, s. 49.*
- ⁷¹ *Тарновского, как писал Козьян, «атаковали не для того, чтобы поправить, а для того, чтобы ударить» (Kozmian S. Pisma polityczne. . . , s. 49).*
- ⁷² *Przegląd Polski, 1876, lipiec, s. 88.*
- ⁷³ *(Zasiedzenie Польского кола 15.XII 1874 г.) Отдел рукописей библиотеки АН УССР во Львове, ф. 59 (Козловских). Папка 392, л. 9 (об.).*
- ⁷⁴ *«Станьчики» призывали к отмене пропинации с компенсацией помещикам сразу после восстания 1863 г. Отменена же пропинация была за крупный выкуп лишь в 1875 г., когда она уже отмирала сама собой и ситуация вынуждала даже лидера «подоляков» К. Грохольского взывать в сейме: «У меня до сих пор звучат в ушах слова нашего бывшего коллеги Ковбасюка (крестьянский депутат сейма. — А. М.): «пропинация — это задыхающаяся кобыла, оставьте ее в покое, она и так сдохнет». Господа, эта задыхающаяся кобыла с каждым днем слабеет, и те, кто хочет отложить решение, хотят, чтобы она сдохла» (Sprawozdania stenograficzne. . . , 1874, s. 640).*
- ⁷⁵ *Szujski J. Dzieła, Ser. 3, t. III, s. 55.*
- ⁷⁶ *Przegląd Polski, 1876, lipiec, s. 87.*
- ⁷⁷ *Sprawozdania stenograficzne. . . , 1877, s. 3.*
- ^{77¹} *Spółceństwo polskie XVIII i XIX w. T. VII, W-wa, 1982.*
- ⁷⁸ *Popiel P. Pamiętniki, s. 192, 195; Dembicki L. Wspomnienia o Józefie Szujskim. W-wa, 1883, s. 70.*
- ⁷⁹ *Встречающиеся в литературе замечания о «партии станьчиков» являются либо терминологическими, либо фактическими ошибками.*
- ⁸⁰ *Orton L. The Stańczyk Portfolio and the Politics of Galicjan Lojalism. — Polish Review, vol. XXVII, N 1—2, 1982, p. 63; Macartney C. A. The House of Austria. Edinburgh, 1978, p. 198.*

СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛЬСКО-РУМЫНСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ В 1919 г.

Развитие отношений между Польшей и Румынией в 1919 г. было неразрывно связано с антисоветским направлением их политики, а также с вооруженной интервенцией Антанты против Советской России. Их стремление к установлению границ за счет захвата территорий бывшей Российской империи стали в этот период главными факторами к взаимному сближению, за которым внимательно наблюдали на заседаниях Парижской мирной конференции антантовские политики. Особенно волновали проблемы польско-румынских отношений французских дипломатов. Во-первых потому, что речь шла о юго-западе России, которая в империалистических планах Антанты рассматривалась как «зона влияния» Франции, поскольку установление польско-румынской границы в 1919 г. предполагало передачу Восточной Галиции Польше и признание за Румынией Северной Буковины, оккупированной румынской королевской армией еще в ноябре 1918 г. Концентрация польских и румынских войск на этих территориях имела бы важнейшее стратегическое значение для борьбы с Советской властью в этом регионе.

Во-вторых, становление польско-румынских отношений было непосредственно связано с разрабатывавшимися в это время французскими концепциями создания «санитарного кордона», который должен был отделить Советскую Россию от Германии и обеспечить Франции европейскую гегемонию. Закрепить структуру этого будущего блока должно было военное и политическое сотрудничество Польши и Румынии на антисоветской и антигерманской основе под руководством Франции. Являясь неотъемлемой частью общей антисоветской интервенции Антанты в Восточной Европе, захват польскими войсками Восточной Галиции и румынская оккупация Бессарабии и Северной Буковины «удачно» вписывались в то время во французские внешнеполитические планы.

Между тем на французскую позицию относительно развития польско-румынского сотрудничества и проблемы установления общей польско-румынской границы наряду с главным фактором — «проблемой России», оказывал

косвенное влияние военный конфликт Польши с буржуазной Западно-украинской народной республикой (ЗУНР), провозглашенной 1 ноября 1918 г. во Львове на территории Восточной Галиции, Буковины и Закарпатья¹. Правительство ЗУНР, ориентируясь на Антанту, проводило антисоветскую политику, и борьба между польской и украинской буржуазией ослабляла антисоветский натиск, усиливая тем самым революционные элементы как на Украине, так и в самой Польше². Все это оказывало влияние на действия французской дипломатии.

В настоящей статье предпринимается попытка проследить процесс сближения внешнеполитических курсов Польши, Румынии и Франции в 1919 г., выявить его обусловленность как ходом гражданской войны и иностранной интервенции в Советской России, так и общими антисоветскими установками, господствовавшими на Парижской мирной конференции; наконец, показать, какую роль в этом процессе играла проблема установления общей польско-румынской границы. Ответить на эти вопросы, на наш взгляд, позволяют как существующие публикации советских, польских, английских и американских документов, так и обширная историография и мемуарная литература, связанная с проблемами Версаля.

Несмотря на то, что вопросам версальского мирного урегулирования Европы после первой мировой войны уже посвящена поистине необозримая литература, данная тематика остается практически неисследованной. В советской историографии показано, что важное стратегическое положение Польши и Румынии на границе с Россией не раз обуславливало в прошлом их особую историческую роль в европейских международных отношениях. В частности, в период первой мировой войны как в австро-германских империалистических планах, так и в стратегических планах Антанты Польше и Румынии отводилось значительное место³. Однако польско-румынские отношения в период Парижской мирной конференции и их особое место во французских внешнеполитических концепциях еще не получили должного освещения. В советских обобщающих фундаментальных исследованиях, а также в работах советских авторов, затрагивающих вопросы истории Парижской мирной конференции и международных отношений в 1919 г., содержатся лишь оценочные характеристики данной проблемы⁴. То же самое можно отнести и к современной румынской историографии⁵.

Западная буржуазная историография и мемуарная литература (которым в целом присущ тенденциозный подход в освещении вопросов версальского мирного урегулирования относительно Восточной Европы и событий гражданской войны и военной интервенции в СССР) также лишь косвенно затрагивают трехсторонние польско-румыно-французские отношения, искажая в отдельных случаях их действительные движущие силы и игнорируя антисоветскую основу их развития ⁶.

Сравнительно более полное освещение получила интересующая нас проблема в историографии ПНР. Специально не анализируя отношения между Польшей, Румынией и Францией в 1919 г., польские авторы, вводя в научный оборот документы и материалы польского МИД, выделяют основные аспекты и динамику становления этих отношений, однако развивают главным образом моменты, связанные с внешней политикой Ю. Пилсудского ⁷. При этом многие вопросы еще остаются открытыми, и в частности те, которые предлагается решить в настоящей статье.

В конце 1918—первой половине 1919 г. отношения между Польшей, Румынией и Францией развивались в контексте общей антисоветской стратегии Антанты, но их осложнял конфликт Польши с военными силами ЗУНР — с так называемой Украинской галицийской армией (УГА) ⁸. Польские лидеры, считавшие западных украинцев «народом без истории» ⁹, стремились любыми путями присоединить Восточную Галицию к Польше. И в этом «славянском споре» наиболее реальным союзником для них представлялась королевская Румыния, правящие круги которой, захватив в 1918 г. Бессарабию и Северную Буковину, использовали те же агрессивные средства и методы для воссоздания своих «исторических восточных границ», что и польские националисты. К тому же на формирование внешнеполитического курса Польши и Румынии активно влиял в это время и ряд идентичных идеологических факторов. Как польский, так и румынский национализм и вытекавший из него «великодержавный» курс обуславливались одной и той же идеей «исторических» прав на близлежащие земли на востоке. А так как между Польшей и Румынией не было политико-территориальных разногласий, то их «великодержавный» курс, по расчетам пилсудчиков, вполне мог быть

согласован на международной арене. Вот почему в борьбе за Восточную Галицию они в первую очередь полагались на военную поддержку Румынии, добиваясь одновременно согласия на это Франции.

Так, уже 21 декабря 1918 г. польский Комитет защитников Львова направил в Бухарест доктора С. Козминьского с целью договориться о румынской помощи польским войскам в Восточной Галиции¹⁰. Миссия Козминьского активно поддерживалась Польским национальным комитетом в Париже (ПНК), который в конце января 1919 г. поручил ему выполнение функций польского дипломатического представителя в Бухаресте¹¹. Одновременно ПНК добивался от Франции переброски армии генерала Галлера в Польшу, а также посредничества Парижа в вопросе использования румынских войск против УГА. О последнем свидетельствовало обращение ПНК к французскому министру иностранных дел С. Пишону с просьбой послать в Восточную Галицию румынские войска от имени верховного военного командования Антанты¹².

Встретив уклончивые ответы французского МИД, правительство И. Падеревского предпринимает попытку заручиться поддержкой французского военного командования в Румынии. В феврале 1919 г. И. Падеревский посылает в Бухарест своего специального представителя С. Глонбиньского, который должен был через командующего союзническими армиями в Румынии генерала А. Бертело повлиять на румынское правительство и склонить его к военному сотрудничеству против ЗУНР¹³. На этих переговорах лозунг польско-румынской границы еще не стал главным аргументом в руках польской дипломатии в борьбе за Восточную Галицию. Хотя польская газета «Курьер Поранны», сообщая о ходе переговоров, подчеркивала, что «в Бухаресте между делегатом польского правительства Глонбиньским и румынским правительством заключено соглашение о польско-румынских границах»¹⁴, на самом деле польская и румынская стороны только лишь констатировали отсутствие территориальных претензий друг к другу. Отметив незаинтересованность Польши в Буковине, Глонбиньский в качестве главных доводов на встрече с Бертело выдвигал «большевистскую анархию» среди западных украинцев и «угрозу» со стороны Советской России, но это не произвело должного впечатления. Цель его визита осталась недостигнутой¹⁵.

Все попытки польской дипломатии добиться поддержки

по вопросу присоединения к Польше Восточной Галиции встречали в этот период как в Париже, так и в Бухаресте самые уклончивые ответы. Впрочем, обнаружить истинные мотивы этих ответов было несложно.

Сразу же после подписания 11 ноября 1918 г. в Компьенском лесу перемирия, означавшего конец первой мировой войне, резко усиливается в рамках «первого похода Антанты» антисоветская интервенция на юге России. 26 ноября 1918 г. в Яссах было проведено совещание представителей США, Англии, Франции, Италии и Румынии совместно с уполномоченными русских белогвардейских правительств и украинской петлюровской директории. На совещании была принята декларация об организации массивной интервенции в Левобережной Молдавии, на юге Украины и России¹⁶. Генералу Бертело было дано указание подготовить вторжение на Украину силами 3 дивизий, а также с помощью румынских войск и подкреплений из состава «союзных» войск на Ближнем Востоке. В течение ноября—декабря 1918 г. интервенты захватили Новороссийск, Севастополь, Одессу, Николаев, Феодосию. К середине февраля 1919 г. командование Антанты располагало на юге России 2 французскими и 1,5 греческими дивизиями, а также английскими, румынскими, сербскими и польскими частями.

В этой ситуации правительственные круги Румынии стремились в первую очередь доказать свою приверженность державам Антанты.

Их амбиции в отношении России ограничивались в это время уже достигнутым. Как известно, Румыния, ведя свою традиционную «игру на двух столах», подписала 7 мая 1918 г. Бухарестский сепаратный мирный договор с Центральными державами, который сумела использовать для захвата Бессарабии и Северной Буковины¹⁷. Теперь, в изменившейся обстановке, румынские лидеры надеялись сотрудничеством с Антантой закрепить оккупацию этих территорий, превратив Румынию в аванпост борьбы против русской революции. Поэтому вполне естественно, что в польско-украинском конфликте Румыния учитывала прежде всего политическую линию Франции, на поддержку которой она рассчитывала при установлении своих новых границ. При этом румынские лидеры не упускали из виду того, что Франция проявляла особую политическую и экономическую заинтересованность в Румынии. В меморандуме французского генерального штаба от 23 ноября 1918 г. отмечалось, что Румыния могла бы

сыграть ведущую роль на Балканах при условии присоединения к ней территорий Бессарабии и Трансильвании¹⁸.

Наряду с Польшей Румыния рассматривалась Парижем не только как плацдарм для антисоветской интервенции, но и как один из главных звеньев французского «восточного барьера», концепция которого разрабатывалась Францией в конце 1918—начале 1919 г. в основном с учетом его антигерманской направленности, так как временные успехи интервентов и русской контрреволюции еще давали тогда французским политикам основание рассчитывать на создание буржуазной России. Принимая во внимание кризисное состояние румынской экономики и рассчитывая включить Румынию в орбиту своего экономического и политического влияния, Франция уже 5 февраля 1919 г. предоставила ей заем в размере 10 млн. французских франков¹⁹.

В складывавшихся условиях Румынии было невыгодно вмешиваться в конфликт Польши с войсками украинской директории, которые включали также и УГА. Более того, руководствовавшаяся своими эгоистическими интересами Румыния сама была непосредственно заинтересована в создании «независимой» Украины, которая могла сыграть роль «буфера», ограждавшего ее захваты на востоке. В данном случае румынские планы явно пересекались с концепциями Ю. Пилсудского о создании на западных землях бывшей Российской империи ряда «пограничных», «буферных» государств, что, с одной стороны, отбрасывало бы Россию к «границам Москвы XVI в.» и окончательно ее ослабляло, с другой — обеспечивало бы Польше европейский статус «великой державы», так как предполагалось федеративное объединение всех этих «государств» под эгидой Польши, включая «независимую» буржуазную Украину, но только без Восточной Галиции²⁰. Однако это очевидное совпадение польской и румынской точек зрения на место и значение «украинской проблемы» для осуществления националистических планов польских и румынских правящих кругов еще не подкреплялось в конце 1918—начале 1919 г. единством установок на оперативно-тактическом уровне. Поэтому Румыния, учитывая политическую линию Франции, заняла выжидательную позицию в польско-украинском конфликте.

Неясность перспектив контрреволюции на Украине и в Советской России накладывала отпечаток и на позицию французской дипломатии в данном вопросе. К тому же

она встретила здесь решительное противодействие Англии и США. На Парижской мирной конференции английский премьер Д. Ллойд Джордж выступал, как известно, против чрезмерного, с британской точки зрения, усиления Франции и ее восточноевропейских союзников — Польши и Румынии²¹. Усилия дипломатов и генералов Англии во главе с тогдашним военным министром У. Черчиллем были направлены прежде всего на поддержку российской контрреволюции Деникина, Колчака и Юденича, выступавших под лозунгом «единой, великой и неделимой России». На эту поддержку Англия истратила огромную по тем временам сумму в размере около 100 млн. фунтов стерлингов²². И пока эта ставка, казалось, имела шансы на успех, британские дипломаты сдержанно относились к присоединению Восточной Галиции, Бессарабии и Буковины к Польше и Румынии. Саму Украину Ллойд Джордж считал неотъемлемой частью России, которая могла рассчитывать, по его мнению, в лучшем случае на автономию²³. Американский же президент В. Вильсон поддерживал Ллойда Джорджа с той лишь формальной разницей, что антисоветская борьба петлюровской директории выдавалась им за «движение национального самоопределения»²⁴.

Встретив довольно жесткую оппозицию со стороны Англии и США, французские дипломаты проявляли колебания в вопросе использования армии Галлера и румынских войск в Восточной Галиции и не спешили заранее связывать себя обязательствами.

К тому же в конце 1918—начале 1919 г. еще не было единства по этим проблемам и в кругах французского военного командования, не выработавших единой стратегической концепции в отношении Восточной Европы. До весны 1919 г. отдельные генералы, включая А. Бертелло, еще рассчитывали на эффективность использования войск петлюровской директории в борьбе против Советской власти на юго-западе России. С этой целью в феврале 1919 г. они вели переговоры с С. Петлюрой, который обещал бороться против Красной Армии и гарантировал установление французского контроля над экономикой, политикой и дипломатией «независимой» Украины, требуя взамен от Франции военной помощи и признания своего «правительства»²⁵. Отсюда, в частности, становятся более понятными и причины неудачи миссии С. Глонбиньского, которая совпала по времени с ведением этих переговоров²⁶.

Надо отметить, что планы использования «независимой» Украины для борьбы против Советской России обнаруживали явную преемственность концепций Антанты по воссозданию Восточного фронта в конце 1917—начале 1918 г., которые тогда разрабатывались, как можно предположить, при активном участии того же Бертелло, так как последний возглавлял французскую военную миссию в Румынии с октября 1916 по март 1918 г.²⁷ В тот период командование англо-французскими армиями намеревалось поддержать сепаратистские стремления украинской Центральной рады, признать «независимость» Украины и оказать ей помощь для создания «национальной» украинской армии, которая бы вместе с румынской армией и контрреволюционным белым офицерством образовали бы новый украинско-румынский фронт. Он должен был послужить ядром для воссоздания Восточного фронта, войска которого после победы над австро-германским блоком могли быть направлены против большевиков²⁸.

Однако подобные концепции разделялись отнюдь не всеми во французском военном аппарате. Видные его представители, особенно маршал Фош, считали, что создание «сильной» Польши в «границах 1772 г.» имеет по сравнению с поддержкой петлюровской директории безусловно большее значение как в борьбе против Советской России, так и для обеспечения в будущем политических и экономических интересов Франции в Восточной Европе.

Планы Фоша совпадали с программой польского правительства. С 12 января по 25 февраля Фош доказывал на заседаниях Верховного совета Антанты необходимость создания коалиционной антисоветской армии, в которую, по его замыслу, кроме армии Деникина и французских интервентов на юге России, должны были войти польские войска из Восточной Галиции, армия Галлера, а также румынские войска, находившиеся в Бессарабии и Буковине²⁹. Осуществление этого плана само собой предполагало передачу Восточной Галиции Польше и установление общей польско-румынской границы. Однако широкие замыслы Фоша не были поддержаны французской дипломатией, а тем более Англией и США (по ранее указанным причинам).

Во взглядах на значение «сильной» Польши был близок к Фошу и французский генерал Бертелеми, возглавлявший военную союзническую комиссию по рассмотрению польско-украинского конфликта в Восточной Галиции³⁰. На заседаниях комиссии Бертелеми неоднократно

поддерживал идею отправки румынских войск в Восточную Галицию, доказывая одновременно представителям Англии и США, что «речь идет не об оккупации этого края румынскими войсками», а только об установлении там «порядка»³¹. После же возобновления 1 марта военных действий между войсками Пилсудского и УГА Бертелеми стал решительно требовать от Парижа «прекращения всяких переговоров с украинцами» и согласия на немедленную интервенцию Румынии против ЗУНР³². Однако в Париже пока не решались предпринимать каких-либо конкретных шагов в этом направлении.

Изменение французской политики в отношении конфликта в Восточной Галиции обозначилось во второй половине марта—мае 1919 г. В этот период происходит, как известно, заострение общего антисоветского курса Парижской мирной конференции, на которое повлияло весеннее поражение контрреволюции на юге России и развитие революционной ситуации в Восточной Европе³³.

Во второй половине марта войска Деникина отступали на Украине, 2—5 апреля 1919 г. французские интервенты убралась из Одессы. Провозглашение 22 марта 1919 г. Венгерской Советской республики и вероятность установления связи между венгерской Красной Армией и украинскими советскими войсками через Галицию и Буковину³⁴ побудили Антанту активизировать подготовку нового похода против революционных сил на востоке Европы.

В изменившихся военно-политических условиях польско-румынское военное сотрудничество, проблема установления общей границы между Польшей и Румынией становятся важнейшими моментами интервенционистских планов Антанты в борьбе против Советской Венгрии и Советской России. На их значение вновь указал маршал Фош. Ситуацию «вокруг Львова» он назвал «брешью» антисоветского восточного фронта. На заседаниях Совета четырех 17, 25 и 27 марта он изложил план превентивной антисоветской войны с использованием польских и румынских войск. Этот план предполагал установление совместной польско-румынской границы как основы «санитарного кордона», концепция которого, получив ярко выраженную контрреволюционную окраску, представляла собой измененный вариант французского «восточного барьера». «Санитарный кордон» должен был отделить в первую очередь российскую революцию от венгерской,

а в дальнейшем превратиться в антиреволюционный блок в Восточной Европе³⁵.

Хотя Вильсон и Ллойд Джордж не приняли программу открытой интервенции, все же под давлением Фоша и французских военных кругов на конференции было решено послать армию Галлера в Польшу³⁶. А это уже свидетельствовало о том, что Франция начинала склоняться к поддержке захвата Восточной Галиции Польшей и, соответственно, установления польско-румынской границы.

Перемена атмосферы на Парижской мирной конференции была тут же уловлена Польшей и Румынией. Сблизились их тактические установки, так как более остро ощутилась необходимость взаимной военной и дипломатической поддержки на антисоветской основе.

Наиболее развернутая мотивировка актуальности польско-румынского сближения содержалась в донесениях из Парижа польских дипломатов Т. Збышевского и Ч. Прушиньского. Текст письма эксперта польской делегации на Парижской мирной конференции Прушиньского в Польский национальный комитет стал основой официального доклада ПНК «О польско-румынском союзе» 22 апреля 1919 г., направленного правительству в Варшаву³⁷. Прушиньский подчеркивал, что Польша и Румыния являются «защитным валом» и «преградой», сдерживающими наступление большевизма на запад. Необходимость сближения между двумя странами мотивировалась опасностью создания «враждебного для основ мира в Европе союза, охватывающего Россию, Украину, Венгрию и государства Германской империи». А последние события³⁸ заставляли «ожидать в ближайшее время натиска на Польшу и Румынию со стороны большевистских сил». В данный момент, говорилось в донесении, для Польши необходимо умело использовать внутреннее положение в Румынии, так как последняя, по словам польского дипломата, «оккупируя территорию ббльшую, чем само государство, с трудом удерживает спокойствие и порядок у себя, не говоря уже об оккупированных территориях — Бессарабии, Трансильвании, Буковине и Банате». Тем более что этими трудностями могли воспользоваться чехи, которых сближала с румынами интервенция в Венгрии³⁹. Угроза конфликта с Советской Россией, а также «пассивность союзников», по мнению автора, вынуждали Румынию искать непосредственной помощи у Польши и добиваться «создания как можно

более широкой общей границы». Отмечалось, что польско-румынский союз диктовался «естественным» стремлением и «исторической необходимостью», он усиливал бы роль Польши на востоке и одновременно уменьшал влияние чехов на Румынию. В документе выражалось мнение, что формы соглашения с Румынией могут быть различными, однако по причине неясности положения на Балканах и юго-востоке, а также будущих отношений Польши и Венгрии они не должны были «стеснять Польшу и втягивать ее в венгерско-румынские и румыно-болгарские распри». «Острие союза» с Румынией должно было быть обращено прежде всего на восток. Прушинский также подчеркивал, что установление общей польско-румынской границы в Восточной Галиции «послужило бы для дальнейших оперативных действий на востоке, препятствующих соединению России с Германией или Венгрией», обеспечивало бы Польше важные транзитные дороги на запад, давало бы возможность экспортировать польские товары в Малую Азию через румынские порты на Черном море. Наконец, польско-румынский союз, по мнению Прушинского, явился бы в польской политике «первым самостоятельным шагом», который бы позволил удержать в польских руках «инициативу в решении восточного вопроса».

Эти аргументы и выводы польского дипломата звучали убедительно для правительства в Варшаве, которое в изменившихся условиях собиралось приступить к реализации своей тактики «свершившихся фактов» в Восточной Галиции. 27 апреля Падеревский телеграфировал из Парижа в Варшаву о необходимости скорейшего захвата Восточной Галиции и установлении общей границы с Румынией. Особо подчеркивалось, что «конференция очень считается с свершившимися фактами»⁴⁰. 30 апреля польское верховное военное командование приказало шефу польской военной миссии в Париже генералу Т. Развадовскому всеми силами добиваться совместных с Румынией военных действий в Восточной Галиции⁴¹.

Необходимо отметить, что спешка в польских правящих кругах объяснялась еще и угрозой конфликта с Германией в случае отказа последней от подписания Версальского договора⁴². Это обстоятельство давало ПНК дополнительный довод для оказания нажима на Парижскую мирную конференцию и прежде всего на Францию, от которой Р. Дмовский требовал более решительных действий в вопросе установления польско-румынской границы⁴³. Пилсудский же со своей стороны доказывал

французскому посланнику в Варшаве Пралону, что в случае конфликта с Германией общая польско-румынская граница явилась бы гарантией связи Польши с союзниками ⁴⁴.

Что касалось самой Румынии, то в изменившейся обстановке она стала уже несколько по-другому оценивать сотрудничество с Пилсудским. Возможность столкновения с Советской Россией и УССР заставляла ее идти на сближение с Польшей. Советская Россия в феврале 1919 г. еще раз твердо заявила, что отвергает аннексию Бессарабии и Буковины, а в апреле ее войска стояли уже на Днестре. 1 мая 1919 г. правительства РСФСР и УССР направили по телеграфу ноту Румынии, в которой требовали немедленной эвакуации румынских войск и предоставления «бессарабским рабочим и крестьянам свободы установить свою собственную власть» ⁴⁵.

В этих условиях правящая национал-либеральная партия в Румынии стала решительно выступать за сотрудничество с Польшей и установление с ней общей границы. В пользу польско-румынского военного сотрудничества теперь стал высказываться румынский премьер И. Брагиану ⁴⁶.

Прибывший в Бухарест в мае 1919 г. польский военный представитель В. Довбур был встречен весьма доброжелательно румынскими политическими и военными кругами. Ему было заявлено о готовности совместных действий против ЗУНР и петлюровской директории и высказано пожелание скорейшего заключения союза. ⁴⁷

Со своей стороны Варшава сделала, не без влияния Парижа, прорумынский дипломатический жест, уклонившись от предложения венгерского советского правительства нормализовать двусторонние отношения: Антанта начала открытые военные действия против Венгрии ⁴⁸.

В конце мая 1919 г. польские войска в Восточной Галиции, усиленные прибывшей из Франции армией Галлера, приступили к реализации программы «свершившихся фактов». Ими совместно с румынами было предпринято наступление против УГА. По согласованию со штабом Фоша и польским генеральным штабом румынские войска 24 мая вступили в Восточную Галицию, заняв без боев район Покуча ⁴⁹.

Так на политической карте Европы формально был установлен польско-румынский контрреволюционный барьер, а общая польско-румынская граница стала «свершившимся фактом». Однако, несмотря на то, что действия

румын были согласованы с польскими военными кругами, 8-я румынская дивизия официально выступила как нейтральная сторона в польско-украинском конфликте. Румынские правящие круги и здесь решили, по всей видимости, по традиции играть «на двух столах», не спеша с окончательным разрывом с Украинской директорией и не желая обострять и без того накаленную обстановку внутри страны⁵⁰. Польские военные власти обратились в свой МИД с требованием урегулировать этот вопрос на дипломатическом уровне. Они настаивали на необходимости срочно объявить о союзническом характере румынских войск и тем самым ясно обозначить общую политическую линию против ЗУНР и Украинской директории, с одной стороны, с другой — против Советской России и УССР.

Эту задачу должен был решить польский посол в Румынии, фактический основатель будущего польско-румынского политического союза Ал. Скшиньский. Он прибыл в Бухарест 17 июня 1919 г.⁵¹ На переговорах с королем Фердинандом I и румынским министром иностранных дел М. Ферекиде Скшиньский добился согласия на назначение польского гражданского комиссара при штабе румынских войск, вошедших в Восточную Галицию, обеспечения прав Польши на Покуче и заявления о союзническом характере румынских войск⁵².

Вскоре Румынии пришлось вывести часть своих войск с занятых территорий: нужно было усиливать фронт против Советской Венгрии и избегать дальнейших трений с польской стороной. На польско-румынской конференции во Львове 31 июля было подписано соглашение о передаче Польше Покуча, а на следующей конференции, состоявшейся 15 августа, срок начала эвакуации румынских войск был назначен на 18 августа⁵³.

Польская и румынская дипломатия стала добиваться юридического признания польско-румынской границы. Ее стратегическое значение в войне против УССР и Советской России использовалось Пилсудским как аргумент против ЗУНР и Директории. В письме Падеревскому 31 мая Пилсудский подчеркивал, что в новой ситуации уже нельзя использовать «постоянно повторяемые аргументы», т. е. «исторические права», «большевизм русинов» и т. п., так как они не приносят «требуемых результатов». К числу «новых аргументов» Пилсудский прежде всего относит необходимость «фактически достигнутого» союза с Румынией⁵⁴.

В условиях развития революционного движения в Вос-

сточной Европе этот аргумент имел большой вес в антисоветских планах антантовских политиков, хотя последние прекрасно понимали значение подобной «аргументации». О последнем свидетельствовало, в частности, заявление Д. Ллойд Джорджа, который откровенно заметил на одном из заседаний конференции, что «поляки пользуются „большевизмом“ в качестве предлога для своих империалистических вождедений»⁵⁵.

Французские политики этим не смущались. Революционная обстановка в Восточной Европе, успехи советских войск на территории Украины заставляли их все более энергично поддерживать идею польско-румынского военного сотрудничества в Восточной Галиции. Одновременно Франция начинает оказывать явственную поддержку Румынии при решении «бессарабского вопроса». Если в феврале 1919 г. Комиссия по румынским делам определила, что нельзя выносить решений по Бессарабии, так как они нарушали бы территориальную неприкосновенность России, то 26 мая под несомненным давлением Франции союзники направили адмиралу Колчаку ноту, в пункте 6-м которой указывалось, что за Парижской мирной конференцией признается право решить судьбу «румынских частей Бессарабии»⁵⁶. Вопросы о Восточной Галиции, Буковине, включая ее северную украинскую часть, и Бессарабии, были, таким образом, для Франции тесно взаимосвязаны и определялись концепциями «санитарного кордона» как звенья одной цепи в ее антикоммунистической стратегии. Уже 14 мая заместитель министра иностранных дел Польши Вл. Скшиньский передавал из Парижа, что «Франция и Италия советуют как можно быстрее довести ситуацию в Восточной Галиции до свершившегося факта, т. е. до соединения наших войск с румынскими». Сообщалось также, что румынский министр иностранных дел обещал помочь «уговорить Англию»⁵⁷.

Соединения польских и румынских войск добились, но «уговорить Англию» румынскому министру, по всей видимости, не удалось. На заседании «Совета четырех» 27 мая Ллойд Джордж обвинил Францию в том, что она оказала поддержку польскому наступлению в Восточной Галиции. Английский премьер продолжал декларировать о своем «несогласии» с польским и румынским империализмом, ссылаясь на донесения генерала Боты, который передавал, что не мог обеспечить присутствие французских представителей на заседаниях возглавляемой им комиссии по установлению перемирия в Восточной Га-

лиции. «Это случалось так часто, — сообщил Бота, что трудно было поверить в непреднамеренность подобных действий»⁵⁸. На следующем заседании 28 мая Клемансо парировал обвинение Ллойд Джорджа, намекнув на то, что у последнего декларации расходились с делами: он сказал, что наступление польских войск «поддерживалось французским правительством не более чем каким-либо другим»⁵⁹.

Вскоре наметилось сближение позиций руководителей Антанты в данном вопросе. Уже 23 мая 1919 г. Совет министров иностранных дел (т. е. «Совет десяти») вынес предварительное решение об установлении румынской границы в Буковине, которое можно рассматривать как первый шаг мирной конференции по определению границы между Польшей и Румынией. К Румынии отходила почти вся Буковина за исключением небольшой теорритории, которая непосредственно соприкасалась с Восточной Галицией⁶⁰.

Что же касалось самой Восточной Галиции, то ее «судьбой» занимались в промежутке между 23 мая и 18 июня Совет четырех и Комиссия по польским делам под председательством Ж. Камбона. Еще 26 апреля Комиссии Камбона было поручено Советом десяти подготовить доклад об установлении польской границы в Восточной Галиции. Он был подготовлен и заслушан на конференции 17 июня. В нем отмечалось, что передачей мандата на управление Восточной Галицией Польше «обеспечивалась бы общая граница между Польшей и Румынией, столь желаемая обеими странами». «Контакт этих двух стран, — говорилось далее, — может иметь для Польши жизненно важное значение в случае блокирования Германией порта Данцинга, а также во всех остальных случаях»⁶¹.

Но данное решение проблемы восточной Галиции не содержало, однако, указаний на стратегическое значение польско-румынской границы. И на заседании Совета десяти 18 июня министр иностранных дел Англии А. Бальфур отметил, что Комиссия Камбона не учла «военный вопрос», который, по его мнению, «в настоящий момент» имел «главное значение»⁶². Затем Бальфур предложил положить в основу дискуссии свой меморандум, в котором указывалось, что необходимо выработать такой план, который, по его словам, обеспечивал бы, с одной стороны, возможность борьбы против большевиков в Восточной Галиции, а с другой — не противоречил бы принципам политики самоопределения, т. е. учитывал интересы укра-

инского большинства в Восточной Галиции. Возможность комбинации этих двух условий Бальфур усматривал в назначении для Восточной Галиции комиссара Лиги Наций, «временную оккупацию» этой области Польшей, а также проведение там плебисцита в будущем. Решающим аргументом в пользу польской оккупации явилось то обстоятельство, что «единственные войска, находящиеся в распоряжении союзников для сопротивления большевикам в этом районе, являются польскими»⁶³. План Бальфура встретил поддержку со стороны французов. Сам Камбон нашел предложения английского министра иностранных дел «прекрасными»⁶⁴.

Наконец, на расширенном заседании Совета десяти 25 июня 1919 г. было вынесено решение, уполномочивающее Польшу на «временную» военную оккупацию Восточной Галиции до р. Збруч. Для этого ей разрешалось использовать «все свои военные силы, включая армию Галлера»⁶⁵. Хотя в основу этого решения и был положен меморандум Бальфура, главную роль в его принятии сыграли выступления представителей французского военного командования⁶⁶. На этом же заседании французский министр иностранных дел Пишон, с явной целью «подтолкнуть» принятие данного решения, сообщил, что на Кэ д'Орсэ получена информация относительно того, что «между поляками и русинами нет никаких чувств вражды». «Наоборот, — заявил он, — между ним появилось отличное взаимопонимание»⁶⁷. В тот же день Совет четырех одобрил решение о польской оккупации Восточной Галиции⁶⁸.

Таким образом, хотя и «временно», но польско-румынская граница получила уже юридическую санкцию на существование. Причем державы Антанты устанавливали ее именно как основу антикоммунистического «санитарного кордона»⁶⁹.

Подписанный 28 июня 1919 г. в Версале договор с Германией не зафиксировал, как известно, восточные границы Польши. А сам факт его подписания, несколько снизив угрозу польско-германского конфликта, позволил Пилсудскому сконцентрировать польские военные силы, на восточном направлении. Получив свободу рук в Восточной Галиции, пилсудчики стремились ее захватить в первую очередь. В самом конце июня — начале июля польские войска предприняли здесь наступление, в результате которого Украинская галицийская армия была отброшена

на восток, а в середине июля она вместе с петлюровскими войсками отступила за р. Збруч и Днестр ⁷⁰.

Одновременно с санкционированием польского наступления в Восточной Галиции французские военное командование согласовывало планы антивенгерской интервенции с правительствами отдельных стран и прежде всего с Румынией ⁷¹, которая в этом вопросе проявляла наибольшую активность. Румынские правящие круги стремились не только еще раз продемонстрировать свою верность контрреволюционному курсу, взятому Парижской мирной конференцией, но и собиралась еще единолично воспользоваться плодами побед над венгерской революцией. Румынское наступление против Венгерской Советской республики началось 20 июля и было поддержано французскими войсками. 1 августа 1919 г. Советская власть в Венгрии была задушена, а 3 августа румынская королевская армия с согласия французского правительства оккупировала Будапешт ⁷². Правда, французский министр иностранных дел Пишон переслал в Бухарест протест Верховного Совета Антанты против этой оккупации, но одновременно объяснял французскому посланнику в Румынии Сант-Олеру, что «это для формы», так как он «часто должен отсылать депешу лишь для того, чтобы Клемансо показал ее Вильсону и Ллойд Джорджу» ⁷³.

«Победа» королевской Румынии над венгерской революцией, выход польских войск, занявших Восточную Галицию к р. Збруч и Днестр, знаменовали следующий этап в польско-румынских отношениях. Усиливалась тенденция к взаимному сближению правительственного руководства двух стран. Проявлением последней служил, например, широкий польский отклик на антисоветский лозунг «Священной лиги», выдвинутый в Румынии проф. Н. Йоргой ⁷⁴. Об окончательном признании союзниками совместной польско-румынской границы хлопотал король Фердинанд I. Английский поверенный в делах в Бухаресте Раттиган передавал в Лондон 4 июля, что в беседе с ним король рекламировал польско-румынскую границу как «оплот против распространения большевизма и в этом же смысле отмечал значение военно-политического польско-румынского союза» ⁷⁵.

Вопрос о польско-румынском союзе и проблема юридического признания общей между двумя странами границы обсуждались во время визита Вл. Скиншинского в Бухарест в первой половине июля 1919 г. ⁷⁶ Заместитель министра иностранных дел Польши встретил полное взаи-

мопонимание со стороны румынских правящих кругов. В беседе с тем же Раттиганом, находившимся в Бухаресте, польский представитель почти дословно повторил заявления Фердинанда I, выделяя мысль о необходимости создания сильного блока в Восточной Европе, который бы играл роль буфера между Германией и Россией и служил защитным валом от большевизма ⁷⁷. В этом же донесении Раттиган выражал сомнение по поводу эффективности такого блока без общей польско-румынской границы, так как Польша и Румыния могли быть разделены «клином большевистской Украины» ⁷⁸.

Планами создания подобного блока занимался и румынский премьер И. Братиану ⁷⁹. Надеясь войти в контакт с реакционными венгерскими правителями, И. Братиану рассчитывал создать румыно-венгерско-польский блок, который гарантировал бы общую польско-румынскую границу, а также санкционировал бы закрепление Баната за Румынией ⁸⁰. Неудача этого плана из-за отрицательной позиции Венгрии побудила Румынию к укреплению связей с Польшей и Францией.

Наряду с общими антисоветскими установками Варшаву и Бухарест сближала летом—осенью 1919 г. и позиция, которую они занимали в отношении Деникина и Украинской директории. Захватив Восточную Галицию, Пилсудский стал пересматривать свое отношение к Петлюре в рамках упоминавшихся выше концепций. Что же касалось Деникина, то временные успехи нового наступления его армии, которая в июле—августе захватила почти всю Украину ⁸¹, создали определенные сложности для правящих кругов Польши и Румынии, так как белогвардейцы сначала не хотели признавать права последних на Восточную Галицию, Буковину и Бессарабию (а следовательно, и совместную польско-румынскую границу).

Сложными были отношения между Украинской директорией и Деникиным. Последний отказывался признать ее «независимость» и «вскоре повернул оружие против своего фактического союзника» ⁸².

30 августа Петлюра захватил Киев, но на следующий день был вытеснен из города деникинскими войсками. В связи с этими событиями в телеграмме МИД Польши от 5 сентября посланнику в Париже М. Замойскому сообщалось, что командующий войсками Деникина на Украине генерал Н. Бредов «не признает Петлюру и выразил готовность начать переговоры лишь с галицийцами» ⁸³. Для ведения этих переговоров в Киев прибыл командую-

щий III корпусом УГА немецкий генерал А. Краусс ⁸⁴. Далее в телеграмме говорилось, что Петлюра заявил о том, что «он будет стремиться избежать столкновения с Деникиным по причине общности их борьбы против большевиков, однако он готов оказать сопротивление с целью защиты независимости Украины». Отмечалось также, что польские круги во Львове выразили протест против захвата Киева Деникиным, заявив, что Деникин стремится склонить на свою сторону галицийцев, чтобы затем направить их против Польши ⁸⁵. В заключении МИД инструктировало польского посланника «обратить внимание русских кругов ⁸⁶ на то, что они должны повлиять на Деникина, чтобы он не настраивал галицийских украинцев» против Польши, толкая тем самым последнюю «в лагерь Петлюры» ⁸⁷.

Содержание этой телеграммы отражало довольно серьезные опасения польского военного аппарата за судьбу Восточной Галиции. И они нашли свое проявление в политике дипломатического «заигрывания» Польши с Петлюрой, которая в принципе разделялась Францией и Румынией ⁸⁸. С начала августа Пилсудский вел в Денблине переговоры с представителями Директории, пытаясь как-то «связать его интересы с Польшей» ⁸⁹. В ходе этих переговоров Польша получила хотя и небольшой но реальный, по ее мнению, козырь в борьбе за окончательное признание Антантой ее прав на Восточную Галицию. 23 августа МИД Польши информировало М. Замойского, что удалось «добиться от Украины отказа от Восточной Галиции», но, «учитывая мнение союзников», не подписано «никаких соглашений относительно границ». «Соглашение имеет форму односторонней декларации Украины», — говорилось в заключении телеграммы ⁹⁰.

Румынские лидеры со своей стороны продолжали считать, что им выгодно поддерживать Директорию, во-первых, в интересах антисоветской борьбы, во-вторых, в целях дипломатического маневрирования совместно с Польшей относительно проблемы окончательного признания польско-румынской границы, решение которой осложнялось теперь для них претензиями Деникина (так как Антанта склонна была преувеличивать его временные успехи).

Весь этот комплекс запутанных противоречий между фактическими союзниками по антисоветскому походу, безусловно, волновал державы Антанты, которые добивались необходимой разрядки в сложившейся ситуации. Что касалось Англии, то она поддерживала Деникина, которому с июля месяца оказывала главную помощь ⁹¹. 7 октября

1919 г. английское Военное министерство направило письмо в Форин Оффис, в котором говорилось, что польское и румынское правительства становятся на сторону Петлюры исключительно из-за того, что «Деникин претендует на Бессарабию и Восточную Галицию». В нем подчеркивалось также, что изменение Деникиным позиции по этому вопросу является «крайне важным», так как в этом случае «румынское и польское правительства были бы вынуждены объявить об отказе от . . . всякой поддержки Петлюры и оказали бы помощь Деникину в силу своих возможностей»⁹². Однако Деникин, пока ему сопутствовал успех, не шел на уступки. 22 октября Т. Развадовский передавал из Парижа в Варшаву, что «Деникин, несмотря на всякие внешние выражения полонофильства, вновь выдвинул как предварительное условие соглашения вопрос о Восточной Галиции и Холмщине»⁹³. В депеше также отмечалось, что «англичане рассержены. . . на Румынию за то, что она не смогла договориться с Деникиным, отказывающимся признать за ней Бессарабию, и за то, что снабдила Петлюру оружием и боеприпасами, не желая допустить чрезмерного усиления деникинских войск»⁹⁴.

Позиция Франции в отношении рассматриваемого комплекса проблем отличалась от английской некоторыми нюансами, отражавшими поддержку ею Польши и Румынии. Конкретно это выражалось в намерениях Франции использовать Варшаву и Бухарест в качестве посредников для достижения соглашения между Деникиным и Директорией⁹⁵. И хотя конкретных результатов добиться не удалось, усилия французских дипломатов свидетельствовали о наличии у трех стран общих тактических установок, которые замыкались на проблеме совместной польско-румынской границы как основы «санитарного кордона». В данном случае на Кэ д'Орсэ в очередной раз оказывали нажим французские военные круги, в частности французская военная миссия в Польше во главе с генералом Анри. Последний требовал от своих дипломатов более решительной поддержки притязаний Польши на восточную Галицию, скорейшего определения ее политического статуса. В донесениях миссии выделялась мысль, что «безопасность» французской политики в этом регионе могла быть гарантирована только «прочностью польско-румынского фронта»⁹⁶.

Между тем в июле 1919 г. на Парижской мирной конференции начался второй тур дебатов по вопросу о Восточной Галиции. Делегация петлюровской директории

протестовала против передачи Восточной Галиции под управление польской администрации, а польская дипломатия делала все, чтобы добиться замены постановления от 25 июня правом Польши на постоянное владение этой областью⁹⁷. Дипломаты Франции подчеркивали стратегическую важность установления общей польско-румынской границы⁹⁸, однако проявляли колебания в отношении постулата о «временном» административном управлении Польши, что в июле—ноябре 1919 г. являлось отражением их выжидательной позиции относительно гораздо более важного для них вопроса — о шансах контрреволюции в России на успех. Не спеша связывать себя открытой поддержкой Польши и Румынии, французские представители осторожно направляли ход работы комиссий конференции по польским и румынским делам в нужное им русло.

30 июля 1919 г. Комиссия по румынским и югославским делам представила Верховному совету доклад относительно установления совместной польско-румынской границы на территории Буковины⁹⁹. В нем предлагалась более благоприятная для Румынии граница, чем в первом докладе от 6 апреля 1919 г.¹⁰⁰ Новая польско-румынская граница шла 2 км по течению Днестра ниже Залесчик, затем на юго-запад до соединения административной границы между Буковиной и Галицией и границей между районами Городенка и Снятынъ¹⁰¹. Железная дорога Коломыя—Залесчик оставалась в руках польской администрации, так как передача ее Румынии нарушала бы «галицийские коммуникации»¹⁰².

Этот доклад Комиссии был рассмотрен на заседании Совета пяти 1 августа. Французский делегат А. Тардьё и итальянский — Титтони поддержали ее выводы: Верховный совет «признал» всю Буковину (включая ее северную, населенную в большинстве украинцами, часть) за Румынией при условии, что румынское правительство «проявит добрую волю» и примет некоторые требования союзников при подписании мирных договоров¹⁰³.

Но хотя польско-румынская граница в Буковине фактически существовала, решение Верховного совета от 1 августа еще не являлось ее признанием де-юре. Румыния в это время продолжала отказываться от признания разделов готовившихся Сен-Жерменского и Нейиского договоров о «защите национальных меньшинств»¹⁰⁴, а также от выплаты так называемой «контрибуции за освобождение бывших австро-венгерских территорий»¹⁰⁵. 10 сентября 1919 г. договор с Австрией в Сен-Жермене

был подписан в отсутствие румынской делегации, а 12 сентября правительство И. Братиану, отвергнувшее вышеприведенные условия, ушло в отставку¹⁰⁶.

Постановление Верховного совета от 21 ноября 1919 г. о вручении Польше мандата на 25-летнее управление Восточной Галицией¹⁰⁷ также предполагало только временное существование польско-румынской границы, принятой 1 августа. Выразив протест против этого решения, польская дипломатия отнюдь не собиралась ослаблять своих усилий в данном вопросе¹⁰⁸. Осенью 1919 г. Польша и Румыния стали вновь предметом особой заботы Франции, что явилось отражением изменившейся ситуации на полях гражданской войны в России. Войска Деникина на Украине между 20 октября и 20 ноября потерпели крупные поражения¹⁰⁹; для многих антантовских лидеров стало ясно, что дни его сочтены; стратегическое значение польско-румынской границы вновь вышло на первый план. Варшава и Бухарест продолжали усилия по сближению своих позиций, на что косвенно влияло ухудшение румыно-чехословацких отношений из-за оккупации Румынией ряда районов Закарпатской Украины¹¹⁰ и неурегулированный польско-чехословацкий спор из-за Тешинской Силезии. Эти усилия нашли свою конкретную реализацию в заключении очень важной с военной точки зрения польско-румынской железнодорожной конвенции от 4 ноября 1919 г., устанавливавшей непосредственную коммуникационную линию через польско-румынскую границу¹¹¹.

В этих условиях французская дипломатия наряду с урегулированием трений между Польшей и Румынией, с одной стороны, и Чехословакией — с другой, предпринимает максимум стараний, чтобы сделать проблему польско-румынской границы центром притяжения политики держав Антанты на востоке Европы. И ей удается добиться определенных результатов. Знаменательным было изменение позиции американской делегации, которая еще 19 сентября поддерживала точку зрения английской стороны, а уже 25 сентября американский представитель Полк предложил меморандум, в котором вычеркивались все положения о временном польском управлении Восточной Галицией и предлагалось признать этот район зоной особых международных интересов под опекой Лиги Наций. Другими словами, в интересах «мира и стабильности» нужно было отказаться от временного характера польско-румынской границы. На заседании Совета министров Польши 20 октября было отмечено, что «после доводов»

И. Падеревского «первый представитель Америки. . . заявил, что он снимает свое предложение о временной передаче Восточной Галиции под управление Польши»¹¹².

В конце 1919 г., после поражения Деникина изменилась и позиция Англии, на которую все сильнее оказывала нажим французская дипломатия. Еще 28 октября польский посланник в Лондоне Е. Сапега передавал в Варшаву, что британский кабинет принял решение прекратить помощь военным операциям на востоке и что Черчилль «с трудом. . . добился исключения для Деникина, но и то при условии, что его усилия будут поддерживаться только до конца осенней кампании»¹¹³. «Можно считать совершенно доказанным, — подчеркивалось в его донесении что если проводимая кампания Деникина кончится неудачей, то нам легко удастся использовать Англию для решения вопросов в желательном для нас духе»¹¹⁴.

Эти предсказания польского дипломата отчасти сбылись. В Лондоне (куда в декабре были перенесены заседания мирной конференции) Ллойд Джордж заявил об отказе от поддержки Деникина и под давлением Клемансо признал Польшу центром «санитарного кордона».

А как следствие достигнутой англо-французской договоренности можно считать два последних в 1919 г. постановления Парижской мирной конференции относительно совместной польско-румынской границы.

На заседании Совета пяти 18 декабря по предложению Франции было решено официально информировать делегации Польши и Румынии об установлении польско-румынской границы, утвержденной Советом 1 августа¹¹⁵. Было отмечено, что ранее такое решение не могло быть принято из-за позиции Румынии. Теперь новое румынское правительство А. Вайды пошло на уступки и подписало Сен-Жерменский и Нейский договоры, включая статьи о национальных меньшинствах, а также разделы о контрибуциях. Формальное препятствие таким образом было снято.

22 декабря Совет пяти вынес решение «приостановить» действие резолюции о 25-летнем польском управлении Восточной Галицией до «пересмотра этого вопроса в будущем»¹¹⁶. На этом же заседании Клемансо подчеркнул, что во время его недавнего визита в Лондон Ллойд Джордж высказал точно такое же мнение¹¹⁷.

Эти постановления, безусловно, можно было считать успехом как французской, так польской и румынской дипломатии. Для Франции они означали усиление ее влия-

ния в Польше и Румынии, а для польских и румынских правящих кругов открывали новые возможности пользоваться попустительством держав Антанты в отношении их захватнической и антисоветской политики на востоке Европы.

Таким образом, процесс становления польско-румынских отношений в 1919 г., а также военные и дипломатические события, которые развивались в этот период вокруг проблемы польско-румынской границы, со всей очевидностью показывают, насколько последние были тесно связаны с борьбой держав Антанты против Советской России. В основе сближения Польши, Румынии и Франции лежали антисоветские установки. В дипломатической борьбе вокруг установления польско-румынской границы обнаружились отдельные тактические расхождения, что было связано с влиянием на внешнеполитические курсы данных стран сложного комплекса различных внутренних и внешних факторов. Каждая из них только начинала разрабатывать свои внешнеполитические концепции. Поэтому развитие отношений между Польшей и Румынией в 1919 г. еще не привело к заключению военно-политического союза. Неопределенность польских границ, а также отсутствие политической стабильности внутри Польши останавливали румынские правящие круги перед принятием на себя далеко идущих обязательств. К тому же Румыния в этот период сама переживала внутриполитический кризис.

Противоречия же между Англией и Францией так и не позволили последней добиться в 1919 г. решения вопроса о государственной принадлежности Восточной Галиции в пользу Польши. Статья 91 Сен-Жерменского договора говорила лишь об отказе Австрии от этой области в пользу главных союзных и объединившихся держав. Поэтому проблема окончательного дипломатического признания общей польско-румынской границы продолжала оставаться предметом полемики между Лондоном и Парижем вплоть до 15 марта 1923 г., когда конференция послов признала польский суверенитет над Восточной Галицией. Польша и Румыния превратились в главные звенья французского «санитарного кордона».

¹ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983, с. 215. Подробнее о ЗУНР см.: Лихолат А. В. Разгром националистической контрреволюции на Украине (1917—1922). М., 1954, с. 232—239; История гражданской войны в СССР. М., 1957, т. 3, с. 585.

- ² В целях борьбы против советской власти правительство ЗУНР в декабре 1918 г. заключило в Фастове предварительный договор с буржуазной Украинской директорией об объединении ЗУНР с «Украинской народной республикой».
- ³ См.: *Виноградов В. Н.* Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969; *Нотович Ф. И.* Бухарестский мир 1918 г. М., 1959; *Он же.* Захватническая политика германского империализма на востоке в 1914—1918 гг. М., 1947.
- ⁴ История гражданской войны в СССР: 1917—1922. М., 1957. Т. 3. История дипломатии. М., 1965. Т. 3; История международных отношений и внешней политики СССР: 1917—1939 гг. М., 1967. Т. 1; *Штейн Б. Е.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919—1920). М., 1949; *Ольшанский П. Н.* Рижский мир. М., 1969; *Язькова А. А.* Малая Антанта в европейской политике: 1918—1925. М., 1974; *Лазарев А. М.* Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев, 1974; *Нарцов В. Н.* Парижская мирная конференция и Румыния. — В кн.: Вопросы новой и новейшей истории. Барнаул, 1972; и др.
- ⁵ *Problemele de politică externă a României 1919—1939.* Buc., 1971; *Problemele de politică externă a României 1918—1940.* Buc., 1977; *Campus E.* Din politica externă a României 1913—1947. Buc., 1980; и др.
- ⁶ Среди основных следует отметить: *Wandycz P. S.* France and her Eastern allies 1919—1925? French-Czechoslovak-Polish relations from the Paris Peace conference to Locarno. Minneapolis 1962; *Spector Sh. D.* Romania at the Paris Peace conference: A study of the diplomacy of Jean I. C. Brătianu. N. Y., 1962; *Hovi K.* Cordon Sanitaire or barriere de l'Est? The Emergence of the new French Eastern European alliance Policy 1917—1919. Turku, 1975; *Ludgreen-Nielsen K.* The Polish Problem at the Paris Peace Conference: A study of the Policies of the Great Powers and the Poles, 1918—1919. Odense, 1979; *Sainte Aulaire A.* Confession d'un vieux diplomate. P., 1953; и др.
- ⁷ *Kukułka J.* Francja a Polska po Traktacie Wiersalskim: 1919—1920. W-wa, 1970; *Buňhak H.* Początki sojuszu polsko-rumuńskiego i przebieg rokowań o Konwencję wojskową w latach 1919—1921. — Dzieje Najnowsze, 1973, N 3; *Woszczyński B.* Stosunki polsko-rumuńskie 1919—1939 w świetle akt Centralnego Archiwum Wojskowego. «Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej. Wrocław, 1969. T. V; *Deruga A.* Polityka wschodnia Polski wobec ziem Litwy, Białorusi i Ukrainy (1918—1919). W-wa, 1969; *Stawecki P.* Polityka wojskowa Polski, 1921—1926. W-wa, 1981; и др.
- ⁸ Украинская галицийская армия была создана в конце 1918 г. из подразделений так называемых сечевых стрелцов, ранее входивших в состав австро-венгерской армии.
- ⁹ *Dmowski K.* Pisma: Polityka i odbudowanie państwa. Częstochowa, 1937, t. IV, s. 322.
- ¹⁰ *Deruga A.* Polityka wschodnia Polski wobec ziem Litwy, Białorusi i Ukrainy (1918—1919). W-wa, 1969, s. 265.
- ¹¹ Polski słownik biograficzny, t. XV/1, z. 64, s. 70—71.
- ¹² Sprawy polskie na Konferencji Pokojowej w Paryżu w 1919 r.: Dokumenty i materiały, W-wa, 1967, t. II, N 9, s. 226 (Nota делегата ПНК Е. Пилтза — С. Пишону 8 января 1919 г.).
- ¹³ Миссия С. Гловбиньского выехала 2 февраля 1919 г. Секретарем миссии был назначен С. Стшетельский, военным советником —

- генерал Ломезан (*Sprawy polskie*. . . t. II, N 12, s. 232; *Głębicki S.* Wspomnienia polityczne. Pelplin, 1939, s. 406—407).
- 14 Известия ЦИК, 18 марта 1919 г.
- 15 *Głębicki S.* Op. cit., s. 407.
- 16 *Лазарев А. М.* Указ. соч., с. 152.
- 17 *Виноградов В. Н.* Указ. соч., с. 289—292.
- 18 *Нови К.* Op. cit., p. 178.
- 19 *Нови К.* Op. cit., p. 179; *Puia J.* Relațiile economice externe ale României în periode interbelică. Buc., 1982, p. 64—65.
- 20 Подробнее о восточной внешнеполитической программе Ю. Пилсудского и «бельведерского лагеря» см.: *Farys J.* Konserpcje polskiej polityki zagranicznej: 1918—1939. W-wa, 1981, s. 42—52.
- 21 Р. Дмовский назвал его «последовательным врагом Польши на Парижской мирной конференции» (*Dmowski R.* Pisma: Polityka polska i odbudowanie państwa. Częstochowa, 1937, t. IV, s. 207).
- 22 *Черчилль В.* Мировой кризис. М., 1932, с. 171.
- 23 *Wędrowski J.* Stany Zjednoczone a odrodzenie Polski: Polityka Stanów Zjednoczonych wobec sprawy polskiej i Polski w latach 1916—1919. Ossolineum, 1980, s. 148.
- 24 Там же, s. 143—151.
- 25 *Lewandowski J.* U źródeł wyprawy kijowskiej. — Zeszyty Naukowe WAP. Seria Hist. N 7, 1962, s. 93.
- 26 Хотя надо признать, что они были очевидны и для польского правительства. 4 марта газета «Курьер Польски» отмечала, что «Петлюра заключил с Бертело что-то наподобие конвенции, в силу которой войска Петлюры, соединенные с армией Деникина, могут обратиться на большевиков под предводительством французских инструкторов» (*Kurier Polski*, 1919, 4 marz).
- 27 *Constantini Col.* La Mission Barthelot en Roumanie 1916—1918. — Revue historique de l'armée, 1967, N 4, p. 57.
- 28 Тогда эти планы сорвались из-за того, что Центральная рада в поисках спасения от Советов переметнулась на сторону Германии. См.: *Нотович Ф. И.* Бухарестский мир 1918 г., с. 90—93; *Jancovici D.* La paix du Bucarest. P., 1918.
- 29 *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. М., 1957, т. 1, с. 319; *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference, 1919 (FRUS PPC).* Wash., 1943, vol. IV, p. 122; *Wandycz P. S.* France and her Eastern allies 1919—1925; French-Czechoslovak-Polish relations from the Paris Peace Conference to Locarno. Minneapolis, 1962, p. 108.
- 30 Комиссия генерала Бертелеми прибыла в Краков 19 января 1919 г.
- 31 *Sprawy polskie*. . . , t. II, N 18, s. 239.
- 32 Там же, N 31, s. 255.
- 33 *Штейн Б. Е.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919—1920), с. 181—182; *Bierzanek R.* Państwo polskie w politycznych konserpcjach mocarstw zachodnich 1917—1919. W-wa, 1964, s. 56—73.
- 34 В апреле 1919 г. В. И. Ленин считал установление этой связи одной из важнейших задач украинской Красной Армии. См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 285—286; Из истории гражданской войны в СССР: Сборник документов и материалов 1918—1922. М., 1961, т. 2, № 345, с. 383.
- 35 *Mantoux P.* Les Délibérations du Conseil des Quatre (24 mars—28 juin 1919). P., 1955, t. 1, p. 52 (Заседание Совета четырех 27 марта 1919 г.).

- ³⁶ Армия Галлера отбыла из Франции 16 апреля через Данциг. На это Фош предварительно получил согласие Германии в Комиссии по условиям перемирия в Спа. См.: *Штейн Б. Е.* Указ. соч., с. 193.
- ³⁷ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1963—1967, т. 2, № 216, с. 213—215.
- ³⁸ Имелось в виду весеннее поражение контрреволюции и французских интервентов на юге России, а также, наряду с приходом к власти советского правительства в Венгрии, образование 13 апреля 1919 г. Баварской советской республики.
- ³⁹ При поддержке Антанты Румыния начала интервенцию против Советской Венгрии 16 апреля 1919 г.
- ⁴⁰ *Archiwum polityczne Ignacego Paderewskiego: 1919—1921.* Wrocław, 1974, t. II, s. 118 (далее: АРІР).
- ⁴¹ *Sprawy polskie...*, t. 2, N 64, s. 296.
- ⁴² АРІР, t. 2, N 134, s. 166.
- ⁴³ АРІР, t. 2, s. 155.
- ⁴⁴ *Documents on British Foreign Policy. 1919—1939, First Series.* L., 1947, vol. 3, N 240, p. 343 (далее: ДВФР).
- ⁴⁵ Документы внешней политики СССР. М., 1957, т. 2, с. 150.
- ⁴⁶ *Bułhak H.* Początki sojuszu polsko-rumuńskiego i przebieg rokowań o Konwencję wojskową w latach 1919—1921, s. 24.
- ⁴⁷ *Ibidem.*
- ⁴⁸ *Kukułka J.* Francja a Polska po Traktacie Wiersalskim: 1919—1922, s. 140; *Hovi K.* Cordon Sanitaire or barriere de l'Est? The Emergence of the new French Eastern European Alliance Policy 1917—1919, p. 178.
- ⁴⁹ В это время польское военное командование обратилось в МИД с просьбой расширить полномочия польского военного атташе в Бухаресте, а также ускорить приезд в Варшаву румынского военного атташе полковника Бадулеску (АРІР, t. 2, s. 161).
- ⁵⁰ *Mușat M., Ardeleanu J.* Political Life in Romania 1918—1921. Buc., 1982, p. 27—31.
- ⁵¹ 22 июня 1919 г. Ал. Сквишинский вручил верительные грамоты Фердинанду I. Румыния, таким образом, стала первым государством, граничащим с Польшей, куда был направлен официальный посол. Румынская официальная дипломатическая миссия была соответственно установлена 16 июля 1919 г. (*Chronological History of Rumania*, Buch., 1972, p. 271).
- ⁵² *Bułhak H.* Op. cit., s. 26.
- ⁵³ *Woszczyński B.* Stosunki polsko-rumuńskie 1919—1939 w świetle akt Centralnego Archiwum Wojskowego, s. 196; *Zaks Z.* Galicja Wschodnia w polityce Zachodnio-Ukraińskiej Republiki Ludowej i Ukraińskiej Republiki Ludowej w drugiej połowie 1919 r. — In: Państwo i naród: Prace ofiarowane H. Jabłońskiemu w 60 rocznicę urodzin. W-wa, 1969, s. 294; *Bułhak H.* Op. cit., s. 26.
- ⁵⁴ *Sprawy polskie...*, t. 2, N 90, s. 333.
- ⁵⁵ FRUS PPC, vol. V, p. 778.
- ⁵⁶ *Лаазарев А. М.* Указ. соч., с. 155—156.
- ⁵⁷ *Sprawy polskie...*, t. 2, N 72, s. 311.
- ⁵⁸ ДВФР, First Series, vol. III, N 231, p. 327.
- ⁵⁹ *Ibid.*, N 234, p. 333.
- ⁶⁰ *Ibid.*, N 699, p. 829.
- ⁶¹ *Ibid.*, N 699, p. 834.
- ⁶² *Ibid.*, N 700, p. 844.
- ⁶³ *Ibid.*, p. 849—850.

- ⁶⁴ Ibid., p. 846.
- ⁶⁵ Ibid., N 701, p. 856; *Sprawy polskie...*, t. 2, N 98, s. 353.
- ⁶⁶ *Sprawy polskie...*, t. 2, N 97, s. 353.
- ⁶⁷ DBFP, First Series, vol. III, N 701, p. 856.
- ⁶⁸ Ibid., N 702, p. 861.
- ⁶⁹ К этому следует добавить, что 14 июня 1919 г. было достигнуто соглашение между Антантой и правительством Польши о подчинении польских войск верховному командованию Антанты (см.: *Из истории гражданской войны...*, т. 2, № 30, с. 53).
- ⁷⁰ *Przybylski A. Wojna polska 1918—1920.* W-wa, 1930, s. 95—99.
- ⁷¹ DBFP, First Series, vol. 1, p. 127—129.
- ⁷² Подробнее о румынской интервенции против Венгерской Советской республики см.: *Язькова А. А. Малая Антанта в европейской политике. 1918—1925.* М., 1974, с. 77—85.
- ⁷³ *Saint Aulaire A. Confession d'un vieux diplomate,* p. 487.
- ⁷⁴ *Kukułka J. Op. cit.,* s. 143.
- ⁷⁵ DBFP, First Series, vol. 4, N 11, p. 22.
- ⁷⁶ *Spector S. D. Rumania at the Paris Peace Conference,* p. 167.
- ⁷⁷ DBFP, First Series, vol. 4, N 18, p. 33.
- ⁷⁸ Ibidem.
- ⁷⁹ *Spector S. D. Op. cit.,* p. 166.
- ⁸⁰ Ibid., p. 190—191.
- ⁸¹ История Украинской ССР. Киев, 1969, т. 2, с. 127—131; *Лихолат А. В. Указ. соч.,* с. 377—389.
- ⁸² История Украинской ССР, т. 2, с. 129.
- ⁸³ Документы и материалы по истории советско-польских отношений... , т. 2, № 197, с. 309.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Имелись в виду русские эмигрантские круги в Париже.
- ⁸⁷ Документы и материалы по истории советско-польских отношений... , т. 2, № 197, с. 309.
- ⁸⁸ При «правительстве» Петлюры в Каменец-Подольске находились румынская и французская военные миссии, а в Бухаресте петлюровцев представлял генерал Дельвиг, контактировавший с западными военными миссиями в Румынии (см.: *Документы и материалы по истории советско-польских отношений...*, т. 2, № 178, с. 294; а также: *Kukułka J. Op. cit.,* s. 118).
- ⁸⁹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений... , т. 2, № 178, с. 294.
- ⁹⁰ Там же, № 188, с. 300—301.
- ⁹¹ *Черчилль В. Указ. соч.,* с. 167.
- ⁹² DBFP, First Series, vol. III, p. 616.
- ⁹³ Документы и материалы по истории советско-польских отношений... , т. 2, № 227, с. 369.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ *Лихолат А. В. Указ. соч.,* с. 384; *Kukułka J. Op. cit.,* s. 117—118.
- ⁹⁶ Цит. по: *Kukułka J. Op. cit.,* s. 117.
- ⁹⁷ *Akty i dokumenty dotyczące sprawy granic Polski na Konferencji pokojowej w Paryżu 1918—1919 г. / Zebranie i wydane przez sekretariat generalny delegacji polskiej. Paryż, 1926, cz. III, s. 40—45; Документы и материалы...*, № 210, с. 336—337.
- ⁹⁸ FRUS PPC, vol. VII, p. 349—350.
- ⁹⁹ Ibid., p. 454, 457.
- ¹⁰⁰ На основании этого рапорта и было вынесено упоминавшееся выше решение Совета десяти от 23 мая 1919 г.

- ¹⁰¹ FRUS PPC, vol. VII, p. 457.
- ¹⁰² Ibidem.
- ¹⁰³ FRUS PPC, vol. VII, p. 456; vol. IX, p. 605—606.
- ¹⁰⁴ На Парижской конференции румынская делегация воспротивилась самой постановке подобного вопроса, утверждая, что национальный вопрос в Румынии не существует (см.: *Brătianu Gh. Acțiunea politică și militară a României în 1919*. Buc., 1940, p. 88—89).
- ¹⁰⁵ Румыния должна была заплатить 235 млн. золотых франков (см.: *Bold Em. Aspecte privind poziția marilor puteri față de România la conferența păcii (1919—1920)*. — *Analele științifice ale universității din Iași*. Serie noua, istorie, t. XVI, 1970, p. 221).
- ¹⁰⁶ Сен-Жерменский договор. М., 1925, с. XI, XVII; *Brătianu G. Origins et formation de l'unité Romaine*. Buc., 1943, p. 322.
- ¹⁰⁷ FRUS PPC, vol. IX, p. 271. Ст. № 1 договора о Восточной Галиции отражала польско-румынскую границу, принятую постановлением Совета 1 августа 1919 г. (*Ibid.*, p. 272—274).
- ¹⁰⁸ Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. 2, № 270, с. 433.
- ¹⁰⁹ Из истории гражданской войны в СССР. . . , т. 2, № 521, с. 521.
- ¹¹⁰ *Teichman M. Počátky diplomatických vztahů československo-rumunských*. — *Slovánský přehled*, 1971, N 4, s. 276—277.
- ¹¹¹ *Kurier Pogranny*, 1919, 11 list.
- ¹¹² Документы и материалы по истории советско-польских отношений. . . , т. 2, № 225, с. 364.
- ¹¹³ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. . . , т. 2, с. 272—273.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ FRUS PPC, vol. IX, p. 597.
- ¹¹⁶ *Ibid.*, p. 626; DBFP, First Series, vol. III, N 738, p. 908.
- ¹¹⁷ FRUS PPC, vol. IX, p. 626.

Н. Н. Станков

ОТ КВЕБЕКА ДО ЗГОЖЕЛЬЦА
(США и проблема польско-германской границы.
1943—1950 гг.)

Еще шли военные действия, когда началась дипломатическая борьба за политический облик послевоенной Польши и ее границы. Тема польско-германских границ занимала значительное место в переписке глав правительств СССР, США и Великобритании¹, была предметом переговоров в годы второй мировой войны². Соединенные Штаты, входившие в состав антигитлеровской коалиции, были активным участником этой борьбы. Они уделяли значительное внимание разработке программы мирного урегулирования и послевоенного устройства в Европе, одной из важнейших проблем которой был

вопрос о польско-германской границе. Уже в 1942 г. в США существовало 134 частные организации, 32 правительственные и 40 международных групп, занимавшихся обсуждением послевоенных вопросов³. Соединенные Штаты стремились извлечь максимальную выгоду из расстановки сил в послевоенной Европе. Однако их планам не суждено было осуществиться. Изменение соотношения сил на европейском континенте и в мире в целом после второй мировой войны в пользу социализма, формирование мировой социалистической системы существенно ослабили позиции международного капитализма, значительно сократили сферу влияния Соединенных Штатов. Подписание Згожелецкого договора в 1950 г. между ГДР и Польшей, признавшего границу по Одере—Нейсе Лужицкой как установленную и существующую, окончательно нарушили планы США по использованию этой границы в целях разжигания вражды между польским и немецким народами.

К настоящему времени советские историки достигли весомых результатов в исследовании положительного значения борьбы СССР в годы Великой Отечественной войны за создание наиболее благоприятных условий для восстановления и развития послевоенного Польского государства, за укрепление его безопасности и неприкосновенности границ. Эти вопросы анализируются в ряде работ советских ученых по истории внешней политики СССР и международных отношений в годы Великой Отечественной войны⁴. История дипломатической борьбы за установление западных границ Польши в период второй мировой войны и первые послевоенные годы освещена в монографиях польских исследователей В. Т. Ковальского, Л. Пастусяка, В. Добжицкого⁵.

Международно-правовые аспекты установления польско-германской государственной границы проанализированы в работах польских ученых Б. Вевюры, А. Кляфковского и К. Скубишевского⁶. Историки Советского Союза, ГДР и ПНР всесторонне исследовали также предысторию и сущность Згожелецкого договора, его значение для закрепления процесса мирного урегулирования в Европе⁷. Однако в советской историографии недостаточно полно освещены процесс формирования позиции США в отношении установления польско-германской границы в период второй мировой войны, а также тактика американской дипломатии в этом вопросе в первые послевоенные годы. В данной статье предпринята попытка про-

анализировать процесс формирования и осуществления внешнеполитического курса США в вопросе установления польско-германской границы. Хронологические рамки статьи охватывают период с 1943 г., когда были разработаны государственным департаментом США первые проекты по указанному вопросу, до заключения между ГДР и Польшей 6 июля 1950 г. Згожелецкого договора о демаркации установленной и существующей польско-германской государственной границы.

При разработке проблем мирного урегулирования и послевоенного устройства в Европе правительства СССР, США и Великобритании уделяли значительное внимание определению статуса послевоенного польского государства, и, в частности, вопросу о польско-германской границе. Однако разные цели, которых основные участники антигитлеровской коалиции намеревались достичь в послевоенной Европе, предопределили и различия в их подходах к проблеме польско-германской границы.

Советский Союз, учитывая то обстоятельство, что польские границы в прошлом не раз были источником конфликтов, считал необходимым превратить польские границы в фактор безопасности и прочного мира на европейском континенте⁸. Уже в начальный период Великой Отечественной войны Советское правительство решительно выступило за создание сильного и независимого Польского государства. Так, во время переговоров в Москве в декабре 1941 г. с премьер-министром польского эмигрантского правительства В. Сикорским И. В. Сталин высказался за восстановление сильной, независимой, суверенной и дружественной СССР Польши, которая была бы способна закрыть путь германскому империализму для агрессии против Советского Союза. Советское правительство считало, что этого можно достичь путем укрепления западных и северных границ Польши. И. В. Сталин во время переговоров с В. Сикорским заявил, что «Восточная Пруссия должна принадлежать Польше, а польские западные границы должны опираться на реку Одер»⁹. Эту точку зрения СССР решительно отстаивал на переговорах с западными державами в годы Великой Отечественной войны.

В то же время английские правящие круги разрабатывали планы о включении послевоенной Польши в центрально-европейскую федерацию малых стран, которая должна была явиться антисоветским «санитарным кордоном» и обеспечить Великобритании будущее господство в Европе. Следует заметить, что эти планы получили

активную поддержку польского эмигрантского правительства в Лондоне, рассчитывавшего играть в конфедерации ведущую роль¹⁰.

США при разработке проблем послевоенного устройства в Европе, в том числе и различных аспектов польского вопроса, исходили из планов установления единоличного господства в мире после второй мировой войны. Американская администрация рассчитывала, что в ходе войны США превратятся в сильнейшую державу мира и сохранят свои позиции в послевоенные годы¹¹. Поэтому США не торопились оглашать свои планы и излагать свою точку зрения в польском вопросе. Только в декабре 1942 г. в связи с визитом в Вашингтон премьер-министра польского эмигрантского правительства В. Сикорского европейский отдел госдепартамента США подготовил государственному секретарю К. Хэллу меморандум по польскому вопросу.

В меморандуме отмечалось, что США заинтересованы в восстановлении «сильной и независимой Польши», западные границы которой должны быть определены в соответствии с интересами укрепления ее безопасности. Однако в меморандуме не говорилось, каким образом можно этого достичь. Более того в меморандуме подчеркивалось, что США должны пока избегать принятия на себя каких-либо обязательств в вопросах территориального устройства европейских стран и признать приоритет интересов Великобритании в поисках конкретных решений. Однако в то же время в меморандуме указывалось не целесообразность создания конфедераций и федераций в Центральной и Юго-Восточной Европе¹². Этот пункт свидетельствовал о том, что американская сторона не разделяла английских планов решения польского вопроса путем включения Польши в европейские объединения, имевших своей целью обеспечить гегемонию Великобритании в Европе.

В США первые конкретные проекты о польско-германской границе были разработаны государственным департаментом в августе 1943 г. накануне конференции Ф. Рузвельта и У. Черчилля в Квебеке. К началу открытия конференции было подготовлено три меморандума о послевоенной польско-германской границе. Первый меморандум был составлен помощником директора отдела политических исследований госдепартамента Ф. Мосли. Предлагая передвижение восточной польской границы на запад, автор считал, что в связи с этим «Польша должна получить компенсацию на своей западной границе за счет Герма-

нии»¹³. В меморандуме говорилось о передаче Польше Восточной Пруссии и Гданьска.

Аргументация Ф. Мосли была следующей: это даст Польше более широкий выход к морю, сократит польско-германскую границу, устранил источник постоянной угрозы Польше, которую порождали контроль Германии над Восточной Пруссией. Из семи предложенных им вариантов польско-германской границы один даже предусматривал проведение границы по р. Одер. В меморандуме рассматривался также вопрос о переселении немцев с территории Польши¹⁴.

Второй меморандум о польско-германской границе подготовили сотрудники отдела политических исследований В. Корэн и Дж. Кэмпбелл. Они сосредоточили свое внимание исключительно на проблеме Верхней Силезии. Авторы меморандума, обосновывая необходимость передачи Верхней Силезии Польше, указывали, что таким образом Польша получит большой доступ к запасам угля, цинка и олова, будет укреплена ее безопасность. Тем не менее точка зрения польского эмигрантского правительства, согласно которой вся Верхняя Силезия должна быть передана Польше, была признана слишком далеко идущей¹⁵.

Третий меморандум составили тоже В. Корэн и Дж. Кэмпбелл. В нем определялась проблема верхнесилезского округа в контексте польско-германо-чехословацкой границы. Каждое из этих трех государств должно осуществлять контроль над определенной частью Верхней Силезии. Допускался и другой вариант: передача Польше той части Верхней Силезии, которая до начала второй мировой войны принадлежала Германии. Кроме приведенных вариантов, рассматривалось предложение о создании международной комиссии, которая наблюдала бы за развитием верхнесилезской экономики и вмешивалась бы в верхнесилезские дела в случае возникновения спорной ситуации между Польшей, Германией и Чехословакией. В меморандуме ставился также и вопрос о создании из Верхней Силезии новой политической единицы. При этом указывалось, что в результате такого объединения Верхней Силезии Польша лишится экономически важной территории. К тому же зависимость такой единицы от разных государств может привести к международным конфликтам¹⁶.

Во время встречи Ф. Рузвельта и У. Черчилля в Квебеке дело не дошло до обсуждения будущих восточных границ Германии и представленные меморандумы не рас-

смагивались. Однако обзор подготовленных американским госдепартаментом проектов установления польско-германской границы позволяет сделать вывод, что в США к тому времени еще не была сформирована четкая программа в данном вопросе. Это объясняется тем обстоятельством, что в тот период госдепартамент сосредоточил основное внимание на разработке проектов раскола Германии, поскольку США стремились создать для американского капитала доминирующие позиции в послевоенной Европе путем устранения германского конкурента¹⁷. Множество проектов раскола Германии, подготовленных госдепартаментом, обусловило и обилие вариантов по определению и установлению польско-германской границы.

Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны вызванный победами Красной Армии под Сталинградом и на Курско—Орловской дуге в 1943 г. приблизил момент окончательной победы. В этих условиях СССР, США и Великобритания все большее внимание уделяли разработке программ мирного урегулирования и послевоенного устройства в Европе. В то же время возникла необходимость согласования этих программ между основными участниками антигитлеровской коалиции, выработке совместных позиций по важнейшим вопросам послевоенного устройства в Европе.

С этой целью в конце ноября 1943 г. в Тегеране собрались главы правительств СССР, США и Великобритании. На Тегеранской конференции наряду с важнейшими военными и политическими проблемами был рассмотрен вопрос и о послевоенных границах Польши. 29 ноября он обсуждался главой Советского правительства И. В. Сталиным с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем. Во время беседы У. Черчилль изложил свою идею о передвижении на запад границ СССР и Польши. Эту же позицию британский премьер вновь повторил 1 декабря на официальном заседании¹⁸. Советское правительство считало, что Польша должна получить справедливые и исторически обоснованные границы, которые будут фактором европейской безопасности¹⁹.

Ф. Рузвельт всячески избегал каких-либо разговоров о послевоенных границах Польского государства. 1 декабря в беседе с И. В. Сталиным Ф. Рузвельт сказал, что он не может официально участвовать в решении вопроса о западных границах Польши в связи с предстоящими в 1944 г. в США президентскими выборами, так как не хотел бы потерять голоса американцев польского происхож-

дения. В то же время президент заявил, что он согласен с точкой зрения И. В. Сталина о передвигении границ Польши с востока на запад — вплоть до Одера²⁰.

В ходе переговоров на Тегеранской конференции было принято предложение У. Черчилля о том, что «очаг Польского государства и народа должен быть расположен между так называемой линией Керзона и линией р. Одер, с включением в состав Польши Восточной Пруссии и Опфельнской провинции»²¹.

Отказ Ф. Рузвельта в Тегеране от официального заявления по проблеме послевоенной западной польской границы свидетельствует о том, что США занимали еще выжидательную позицию в этом вопросе.

Значительные изменения во внешнеполитическом курсе США в отношении польского вопроса, в том числе и к проблеме западных границ Польши, произошли осенью 1944 г. Это было связано с развитием революционно-демократического процесса в Польше, началом освобождения ее территории Красной Армией от фашистских захватчиков, провозглашением демократическими силами Польши в июле 1944 г. образования народного государства. Такой ход событий поставил под угрозу срыва гегемонистские планы западных держав в Европе.

В сложившейся ситуации государственный департамент США в сентябре 1944 г. принимает решение об активном вмешательстве американской дипломатии в европейские дела, в том числе и в польский вопрос²².

В этих условиях происходит также сближение позиций США и Великобритании в данной проблеме, о чем свидетельствуют, в частности, материалы англо-американских переговоров на Мальте 1—2 февраля 1945 г., имевших своей целью скоординировать политику двух стран перед Ялтинской конференцией. Стремясь не допустить, чтобы Временное правительство Польши, образованное в декабре 1944 г. в Люблине, стало базой для окончательного решения о характере власти в Польше, западные державы выдвинули концепцию создания «нового временного правительства», рассчитывая навязать польскому народу реакционный «лондонский» кабинет²³.

В качестве рычага давления на Советский Союз на Ялтинской конференции предполагалось использовать вопрос о западных границах. В меморандуме, подготовленном для Ф. Рузвельта государственным секретарем США Э. Стеттиниусом об итогах консультаций с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом, подчеркни-

валось: «Рассматривая германскую территорию, которая должна быть возвращена Польше, нам следует приложить все усилия, чтобы ограничить эту компенсацию Восточной Пруссией (за исключением Кенигсберга), маленькими выступами Поморья, которое включает территорию около 100 миль на запад вдоль балтийского побережья до польского «коридора» и Верхней Силезией. Если мы будем не способны добиться передачи Львовского округа Польше и если будут предприняты попытки большей компенсации для Польши на западе, нам следует приложить все усилия, чтобы свести эти компенсации к минимуму, в частности потому, что большое количество немецкого населения нужно будет переселять. . . Мы должны решительно протестовать против попыток расширения польской границы до линии Одер или линии Одер—Нейсе»²⁴.

На конференции в Ялте (4—11 февраля 1945 г.) обсуждались два аспекта польского вопроса: об образовании Правительства национального единства и о границах Польши. При обсуждении вопроса об образовании Правительства национального единства и его составе советская делегация заявила, что его должны решать сами поляки²⁵. В то же время американская и британская делегации упорно настаивали на немедленном решении вопроса о составе Правительства национального единства, стремясь навязать польскому народу реакционных эмигрантских политиков²⁶. Советская делегация отвергла эти предложения.

При обсуждении проблемы польско-германской границы советская делегация предложила, чтобы западная граница Польши проходила по Одру и Нейсе Лужицкой²⁷.

7 февраля министр иностранных дел СССР В. М. Молотов передал Ф. Рузвельту и У. Черчиллю проект о послевоенных границах Польши: «1. Считать что восточная граница Польши должна идти по линии Керзона с отклонениями от нее в некоторых районах на 5—6 км в пользу Польши. 2. Считать, что западная граница Польши должна идти от г. Щеттина (для поляков) далее на юг по р. Одер, а дальше по р. Нейсе (Западная)»²⁸.

США и Великобритания, не сумев достигнуть реализации своих планов изменить характер власти в Польше, оказали сопротивление в вопросе окончательного установления польско-германской границы.

Ф. Рузвельт вначале воздержался от окончательного ответа американской стороны, сказав, что еще хотел бы посоветоваться со Стеттиниусом²⁹. У. Черчилль возразил

по поводу расширения территории Польши до Одера и Нейсе Лужицкой (Западной): «Польша должна иметь право взять себе такую территорию, которую она пожелает и которой она сможет управлять. Едва ли было бы целесообразно, чтобы польский гусь был в такой степени начинен немецкими яствами, чтобы он скончался от несварения желудка. Кроме того, в Англии имеются круги, которых пугает мысль о выселении большого количества немцев»³⁰. Сталин ответил, что «не следует ожидать, что много немцев останется после войны в районе, переходящем к Польше»³¹.

8 февраля советской и британской делегациям вручили ответ американской делегации на предложения Советского Союза. США согласились с первым пунктом проекта Молотова и внесли поправку по второму пункту. Соединенные Штаты также соглашались, что «Польше должна быть представлена компенсация за счет Германии, включая ту часть Восточной Пруссии, которая находится к югу от линии Кенигсберга, Верхнюю Силезию и вплоть до линии р. Одер. Однако для того, чтобы отодвинуть западную границу Польши вплоть до реки Западная Нейсе, по-видимому, мало оснований»³². В конце концов было принято решение, что «Польша должна получить существенные приращения территории на Севере и на Западе», а по вопросу «о размере этих приращений в надлежащее время будет опрошено мнение нового Польского Временного правительства Национального Единства»³³.

Несмотря на то, что из-за позиции западных держав окончательное определение польско-германской границы было отложено, благодаря настойчивым усилиям делегации СССР, решения Ялтинской конференции заложили основу международно-правового урегулирования данного вопроса в соответствии с национально-государственными интересами послевоенного Польского государства.

Окончательное определение польско-германской границы произошло в ходе Потсдамской конференции глав правительств СССР, США и Великобритании (17 июля—2 августа 1945 г.), которая была призвана разработать программу прочного мира в Европе. Именно в этом контексте и рассматривался вопрос об установлении западной границы Польши.

Советская делегация, руководствуясь ялтинскими решениями, уже в первые дни работы Потсдамской конференции предложила рассмотреть вопрос о польско-германской границе. 20 июля министр иностранных дел

СССР В. М. Молотов вручил делегациям США и Великобритании проект соглашения об установлении западной границы Польши по линии Одер—Нейсе Лужицкая ³⁴.

США и Великобритания всячески уклонялись от обсуждения этого вопроса. Они считали, что в первую очередь нужно решить общегерманские проблемы, а потом уже обсуждать вопрос о западной границе Польши. Так, президент США Г. Трумэн утверждал, что передача Польше земель до линии Одер—Нейсе Лужицкая неблагоприятно отразится на экономическом положении Германии и затруднит ей выплату репараций. Он предлагал отложить вопрос о западной польской границе до мирной конференции ³⁵.

Советская делегация опротестовала такую постановку вопроса, заявила о своем отказе от репараций с этих территорий ³⁶ и предложила пригласить в Потсдам в соответствии с решениями Ялтинской конференции польскую правительственную делегацию для представления своей точки зрения на проблему западной границы Польши ³⁷. 24 июля 1945 г. на заседании министров иностранных дел руководители правительственной делегации Польши дали всестороннее обоснование справедливых польских требований на исконные польские земли. Представленные польской делегацией аргументы были неопровержимы ³⁸. Советский Союз поддержал эти требования ³⁹.

Благодаря твердой позиции СССР и польской делегации, 30 июля США признали польско-германскую границу по Одеру — Нейсе Лужицкой ⁴⁰. 31 июля на заседании глав правительств было принято советское предложение об установлении западной границы Польши. Стороны согласились передать Польше территории, расположенные к востоку от линии, проходящей от Балтийского моря чуть западнее Свиноустья и отсюда вдоль реки Одер до слияния с рекой Нейсе Лужицкая, и вдоль реки Нейсе Лужицкая до чехословацкой границы ⁴¹. Было решено также осуществить перемещение немецкого населения из Польши ⁴². Эти меры свидетельствовали об окончательном характере решений, принятых в Потсдаме по вопросу о польско-германской границе. Потсдамские соглашения, к которым впоследствии присоединилась и Франция, создавали международно-правовую основу для прочного мира в Европе, отвечали коренным национально-государственным интересам Польши.

Однако вскоре после Потсдамской конференции западные державы взяли курс на срыв ее решений. В условиях

победы народно-демократических революций в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы, образования и укрепления в них народных правительств западные державы решили использовать германский вопрос для того, чтобы привлечь на свою сторону националистически настроенные круги Германии в борьбе против СССР и стран народной демократии. В сложившейся ситуации западные державы предложили «новое» решение германского вопроса, направленного на то, чтобы не допустить демократического развития Германии и использовать ее в своих целях. Основные и ближайшие задачи этого решения заключались в отказе от выполнения потсдамских соглашений, в ликвидации четырехстороннего управления, расколе Германии и создании западногерманского сепаратного государства. Этот курс нашел отражение в выступлении государственного секретаря США Дж. Бирнса 6 сентября 1946 г. в Штутгарте перед представителями американской администрации и высшими немецкими чиновниками американской зоны оккупации.⁴³ В этой же речи Бирнс подверг пересмотру решения Потсдамской конференции о западной границе Польши. Он заявил, в частности, что «размер территории, которая должна отойти к Польше, должен быть определен только при окончательном урегулировании»⁴⁴. Правящие круги Великобритании открыто поддержали США.

Выступление Бирнса создавало благоприятные условия для активизации реваншистских элементов в западных зонах оккупации Германии. До осени 1946 г. они осмеливались открыто выступить против решений Потсдамской конференции, теперь же публично выдвинули требование возвращения «немецких восточных земель».

Советское правительство решительно выступило против заявления Бирнса. 16 сентября 1946 г. министр иностранных дел Советского Союза В. М. Молотов в своем ответе корреспонденту польского агентства печати подчеркнул, что «решение Берлинской конференции, подписанное Трумэном, Эттли и Сталиным, уже определило западные границы Польши».⁴⁵

Следующий шаг в направлении ревизии Потсдамских решений в вопросе польско-германской границы США предприняли в начале 1947 г. Так, 9 апреля 1947 г. на Московской сессии Совета министров иностранных дел (СМИД) государственный секретарь США Дж. Маршалл заявил, что необходимо рассмотреть проблему окончательного урегулирования польско-германской границы. Он моти-

вировал такую постановку вопроса «заботой» о том, чтобы Германия избежала экономических трудностей. Американской делегацией было предложено создать специальную комиссию на уровне заместителей министров иностранных дел из представителей СССР, США, Великобритании, Франции, Польши и некоторых других союзных государств по усмотрению СМВД, которая, по мнению Маршалла, должна была изучить вопрос о польско-германской границе и подготовить рекомендации относительно ее «исправления», «урегулирования» экономических проблем, связанных с этим «исправлением», «решения» проблем переселения польского и германского населения в данных районах⁴⁶. Предложение Маршалла шло дальше штургартского выступления Бирнса. Выступление американского государственного секретаря поддержал министр иностранных дел Великобритании Э. Бевин. Министр иностранных дел Франции Ж. Бидо, руководствуясь тактическими соображениями, занял иную позицию. Он сообщил об одобрении французским правительством решения Потсдамской конференции по вопросу о восточной границе Германии.⁴⁷ Советский Союз вновь подтвердил свою точку зрения о неизбежности западной польской границы⁴⁸.

10 апреля 1947 г. было опубликовано заявление правительства народной Польши, в котором предложение Маршалла оценивалось как противоречащее решениям «большой тройки» в Ялте и Потсдаме. В заявлении также указывалось, что всякие попытки нарушения Потсдамских соглашений в вопросе польско-германской границы западными державами на руку только «тем элементам, которые не стремятся к стабилизации отношений в Европе и прежде всего тем кругам в Германии, которые уже сегодня помышляют о новой агрессии».⁴⁹

Соединенные Штаты выступали за раскол Германии. Поощряя западногерманских реваншистов, не признавая западные польские границы, они преследовали одну цель — остановить развитие революционного процесса в Европе и, конкретно, в Польше. Это нашло отражение, в частности, в американской стратегии «сдерживания» коммунизма. Создание сепаратного западногерманского государства тесно увязывалось с экспансией германского империализма на Восток, что открыто признавали и лидеры западногерманских буржуазных партий. Так, в мае 1949 г. председатель ХДС К. Аденауэр заявил, что создание западно-германского государства сделает возможным воз-

вращение Германии территорий, расположенных восточнее границы Одер—Нейсе⁵⁰.

Сепаратистская политика западных держав в германском вопросе привела в конечном итоге к образованию в сентябре 1949 г. Федеративной Республики Германии. Уже в первом выступлении на заседании бундестага 20 сентября 1949 г. канцлер К. Аденауэр заявил, что ФРГ не признает решений Потсдамской конференции в вопросе о западных границах Польши⁵¹. Из всех представленных в бундестаге партий только КПП выступила против правительственного заявления Аденауэра⁵².

Образование ФРГ вызвало отрицательную реакцию социалистических стран и возмущение мировой прогрессивной общественности. 1 октября 1949 г. правительство СССР в нотах правительствам США, Великобритании и Франции заявило, что «образование боннского сепаратного правительства несовместимо с решениями Потсдамской конференции и является грубым нарушением этих решений, в основе которых лежит необходимость сохранения единства Германии на демократических и миролюбивых началах»⁵³. Позиция СССР отражала интересы всех социалистических стран и прежде всего Польши. 5 октября заместитель министра иностранных дел Польской Республики С. Лещицкий вручил послам США и Франции и поверенному в делах Великобритании ноту, в которых также подчеркивалось, что ФРГ создана вопреки Потсдамским решениям⁵⁴.

После создания ФРГ демократические силы немецкого народа в Восточной Германии провозгласили 7 октября 1949 г. образование Германской Демократической Республики. Признание Национальным фронтом демократической Германии решений Потсдамской конференции как основы восстановления Германии и намерение выполнить международные обязательства перед соседними странами было подтверждено в выступлениях президента В. Пика 11 октября и премьер-министра О. Гротевоя 12 октября⁵⁵.

13 октября советское правительство направило В. Пику и О. Гротевоя послание, в котором образование ГДР оценивалось как поворотный пункт в истории Европы и говорилось о признании ГДР⁵⁶. 18 октября руководитель Польской военной миссии при Союзном контрольном совете в Берлине генерал Я. Правин посетил министра иностранных дел Г. Дертингера и вручил ему ноту заместителя министра иностранных дел Польши Ст. Лещиц-

кого, в которой сообщалось о признании ГДР и предлагалось обменяться дипломатическими представительствами⁵⁷. В конце 1949—начале 1950 гг. правительства СССР и стран народной демократии обменялись с Временным правительством ГДР дипломатическими миссиями.

Образование ГДР, признание ее Временным правительством Потсдамских соглашений в качестве основы восстановления Германии, конкретные шаги по установлению добрососедских отношений с Советским Союзом, Польшей и другими социалистическими странами отнюдь не отвечало политическим целям Запада и правящей коалиции ФРГ. Они усиленно искали повод для непризнания ГДР. Уже 10 октября верховные комиссары западных зон заявили, что «так называемое правительство Германской Демократической Республики является искусственным образованием. . . , которое лишено какой-либо правовой основы» и «не имеет права представлять Восточную Германию», и подчеркнули, что они будут и в дальнейшем поддерживать ФРГ как единственного представителя Германии⁵⁸. 12 октября, государственный секретарь Д. Ачесон сделал подобное заявление о непризнании правительства ГДР и повторил, что США будут полностью поддерживать ФРГ⁵⁹.

Твердая позиция Временного правительства ГДР, направленная на осуществление решений Потсдамской конференции в вопросе о границе по Одере—Нейсе, вызвала беспокойство у американских дипломатов и в правящей коалиции ФРГ. Советник американского посольства в СССР В. Барбоур рекомендовал в донесении от 13 октября 1949 г. госдепартаменту «использовать каждую возможность», чтобы подтверждать позицию США по этому вопросу «по крайней мере в тех рамках, которые были предложены Маршаллом в Москве в 1947 г. на сессии СМВД»⁶⁰. Опираясь на поддержку западных держав, и прежде всего США, 21 октября канцлер К. Аденауэр заявил, выступая в бундестаге, что только Федеративная Республика Германия правомочна говорить от имени немецкого народа, и что заявления правительства ГДР, в особенности в отношении границы по Одере—Нейсе, необязательны для «немецкой» политики⁶¹. 19 декабря 1949 г. К. Аденауэр в беседе с известным американским журналистом С. Сульцбергером вновь подтвердил, что правительство ФРГ не признает границы по Одере—Нейсе. Канцлер заверил гостя в том, что ФРГ и в дальнейшем

будут занимать такую позицию, если «США будут помогать нам на том же уровне как сейчас»⁶².

Отрицательную реакцию на Западе вызвало установление дипломатических отношений ГДР с Советским Союзом и народно-демократическими странами. 24 октября 1949 г. британский Форин оффис информировал глав военных миссий, размещенных в английском секторе Берлина, что Великобритания не намерена устанавливать дипломатические отношения с ГДР и надеется, что их правительства займут такую же позицию. Форин оффис считал, что аналогичные заявления Вашингтона и Парижа были бы очень кстати⁶³.

28 октября верховный комиссар США в Германии Дж. Макклой сообщал об этом в госдепартамент и подчеркивал, что «было бы очень хорошо, если бы госдепартамент проводил ту же линию, что и Форин оффис, советуя странам Бенилюкса, Дании, Швеции и Швейцарии не признавать так называемой Германской Демократической Республики»⁶⁴. Макклой с беспокойством обращал внимание госдепартамент на признание ГДР всеми социалистическими странами и предлагал план организации международной дипломатической изоляции ГДР. С этой целью он считал целесообразным оказать нажим на ряд социалистических государств, используя факт нахождения их представительств на территории западных секторов Берлина. Макклой опасался, что Польша и Чехословакия соединят военные миссии, аккредитованные при Союзном контрольном совете, с дипломатическими миссиями в ГДР и этим еще раз подтвердят свое признание правительства ГДР как единственного представителя немецкого народа. Макклой просил также госдепартамент решить немедленно, что следует предпринять ему по отношению к тем странам, которые признали правительство ГДР и отказались признать правительство Западной Германии. В качестве меры давления верховный комиссар США предлагал использовать угрозу ликвидации постоянных представительств социалистических стран (консульств и других агентств), находящихся на территории ФРГ. Тут же Макклой отмечал, что никаких ответных акций со стороны Советского Союза и ГДР ожидать не следует, так как западные державы не имеют никаких агентств на территории ГДР.

Макклой считал, что западные страны должны использовать любую возможность, чтобы препятствовать признанию ГДР. Для обеспечения необходимых Западу тор-

говых контактов с ГДР он рекомендовал использовать не официальные государственные каналы, а частные торговые кампании и таким образом «избежать любого признака признания». Если же это будет невозможно и все-таки придется западным странам заключать соглашение с правительственными учреждениями ГДР, то, советовал Макклой, следует иметь дело лишь на техническом уровне, а не на политическом. При этом следует дать ясно понять, что «переговоры о признании ГДР не входят в их компетенцию»⁶⁵.

Соединенные Штаты, по убеждению Макклоя, должны удержать «нейтралов» (Швецию и Швейцарию) от признания ими ГДР. Этого планировалось достичь посредством втягивания Швеции и Швейцарии в западноевропейские межгосударственные организации.

Последний пункт программы Макклоя предусматривал использование западного большинства в органах ООН и в других межгосударственных организациях для того, чтобы добиться для представителей ФРГ права наблюдателя в них и воспрепятствовать признанию этого права за представителями ГДР⁶⁶.

Программа дипломатической изоляции ГДР, предложенная Макклоем, была одобрена госдепартаментом и рекомендована к осуществлению⁶⁷.

Соединенным Штатам, несмотря на все усилия, не удалось сорвать процесс развития отношений ГДР со странами народной демократии и, в частности, с Польшей. К июню 1950 г. была завершена предварительная подготовка к переговорам между ГДР и Народной Польшей, которые охватывали весь комплекс отношений между двумя странами и определяли их развитие на будущее. Во время встречи правительственной делегации ГДР с руководителями Народной Польши в Варшаве 5—6 июня 1950 г. были обсуждены интересующие обе стороны вопросы более тесного экономического сотрудничества и проблемы, связанные с укреплением мира в Европе. В результате этих переговоров были заключены соглашения о научно-техническом, торговом, культурном сотрудничестве, а также принята совместная декларация, в которой обе стороны подтвердили польско-германскую границу по линии Одер—Нейсе Лужицкая⁶⁸.

Месяц спустя, 6 июля, в Эггольце премьер-министр ГДР О. Гротеволь и премьер-министр Польской Республики Ю. Циранкевич подписали договор о демаркации установленной и существующей польско-германской го-

сударственной границы. В ст. 1 договора подчеркивалось: «Высокие договаривающиеся стороны совместно заявляют, что установленная и существующая граница, проходящая от Балтийского моря чуть западнее Свиноустья и отсюда вдоль реки Одер до слияния с рекой Нейсе Лужицкая, вдоль реки Нейсе Лужицкая до чехословацкой границы, образует государственную границу между Польшей и Германией»⁶⁹.

Для проведения границы на местности создавалась смешанная польско-германская комиссия с местонахождением в Варшаве (ст. 3). Эта комиссия работала до января 1951 г. Итогом ее работы было подписание акта о демаркации польско-германской государственной границы на местности 27 января 1951 г. во Франкфурте-на-Одере⁷⁰. В договоре также устанавливались сроки заключения соглашений о порядке перехода границы, местном пограничном сообщении и судоходстве в пограничных водах. Эти соглашения должны были быть заключены в течение месяца с момента вступления в силу акта о проведении границы на местности (ст. 6)⁷¹.

Оценивая международное значение Згожелецкого договора, который был определяющим этапом в процессе стабилизации польско-германской границы и одновременно чрезвычайно важным фактором укрепления мира и безопасности в Европе, следует обратить внимание на формулировку, содержащуюся в ст. 1 договора, где идет речь о границе по Одере — Нейсе Лужицкой как «государственной границе между Польшей и Германией», а не государственной границе между Польшей и ГДР. Такая формулировка в Згожелецком договоре означала, что в случае объединения обоих германских государств граница по Одере — Нейсе не подлежит изменению; она будет основываться на решениях Потсдамской конференции.

Польский историк Б. Вевюра, давая международную правовую оценку Згожелецкого договора подчеркивал «его исполнительный характер как по отношению к Потсдамскому соглашению, так и по отношению к Варшавской декларации»⁷².

Згожелецкий договор, подписанный в период международной напряженности в мире после второй мировой войны, усиливавшейся в Европе в результате реваншистской политики правительства Аденауэра по отношению к Польше, дал правительству Польши и всем миролюбивым силам веские контраргументы в борьбе с западногерманским ревизионизмом за выполнение решений Потсдам-

ской конференции, которые были основой мирного сосуществования государств на европейском континенте.

Переговоры в Варшаве между правительственной делегацией ГДР и руководством Польской Республики, а затем подписание Згожелецкого договора вызвали отрицательную реакцию со стороны западных держав и правящей коалиции ФРГ. Верховный комиссар США в Германии Дж. Макклой подготовил и 7 июня отправил в госдепартамент проект заявления, где подчеркивалось, что американская позиция основывается на выступлениях Дж. Бирнса в Штутгарте в 1946 г. и Дж. Маршалла в 1947 г. По мнению Макклоя, вопрос о польско-германских границах не может быть урегулирован ни односторонне, ни двусторонне, тем более, что одной из сторон, выступает якобы незаконное правительство ГДР⁷³. Государственный департамент полностью одобрил проект заявления и 9 июня Дж. Макклой сделал его от имени правительства США⁷⁴. В тот же день канцлер К. Аденауэр в правительственном заявлении указывал, что ФРГ не признает границу по Одере и Нейсе, что правительство ГДР не имеет права говорить от имени немецкого народа, так как это право принадлежит якобы только Западной Германии, поэтому все договоренности правительства ГДР недействительны⁷⁵. Заявления Макклоя и Аденауэра находились в полном противоречии с решениями Потсдамской конференции.

После заключения Згожелецкого договора Соединенные Штаты ужесточили политику по отношению к Народной Польше. Осенью 1950 г. Макклой приступил к реализации своей программы. 25 октября он направил ноту руководителю Польской военной миссии в Берлине, в которой сообщал, что с 10 ноября все польские консульства в американской зоне станут недействительными и служащие консульств лишатся права иммунитета⁷⁶. Соединенные Штаты перешли от угроз к делу.

Анализ процесса формирования и осуществления внешней политики США в отношении проблемы польско-германской границы позволяет сделать вывод о том, что уже на начальном этапе разработки госдепартаментом программы послевоенного устройства в Европе, в том числе и указанного вопроса, Соединенные Штаты исходили из планов установления единоличного господства в мире после второй мировой войны, рассчитывая на ослабление в ходе военных действий европейских держав. Поэтому США не торопились оглашать свои планы и избегали при-

нятия на себя каких-либо обязательств в вопросах послевоенного территориального устройства европейских стран, в том числе и в отношении границ Польши, выжидая момент, когда проявится американское преобладание над другими участниками антигитлеровской коалиции.

Значительные изменения во внешнеполитическом курсе Вашингтона в польском вопросе и, в частности, в отношении западных польских границ произошли на заключительном этапе войны, когда развитие революционно-демократического процесса в Польше и освобождение ее территории Красной Армией от фашистских захватчиков, поставили под угрозу срыва гегемонистские планы Соединенных Штатов в Европе. В этих условиях дипломатия США проявляет большую активность в обсуждении польского вопроса, стремясь навязать польскому народу буржуазных эмигрантских политиков и тем самым добиться реставрации в Польше довоенных общественно-политических порядков, используя при этом в качестве рычага давления на Советский Союз, противостоявшему осуществлению американских планов, проблему установления западной польской границы. Только благодаря твердой позиции СССР, последовательно отстаивавшего интересы польского народного государства, США признали на Потсдамской конференции польско-германскую границу по Одеру — Нейсе Лужицкая, которая должна была стать одним из важнейших факторов обеспечения европейской безопасности.

Однако вскоре после Потсдамской конференции США взяли курс на срыв ее решений, на использование германской проблемы для политики срыва народно-демократических преобразований в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и, конкретно, в Польше. Провозглашение немецкими демократическими силами образования ГДР, признавшей решения Потсдамской конференции как основу восстановления Германии, а затем подписание Згожелецкого договора нарушили эти планы США. В сложившейся ситуации Соединенные Штаты ужесточили свой внешнеполитический курс в отношении ГДР и Польши.

Именно отход США от выполнения решений Потсдамской конференции положил начало тем негативным процессам, которые в настоящее время осложняют развитие международной обстановки в Европе, особенно обострившейся после прихода к власти в ФРГ в 1982 г. правительства ХДС/ХСС и СвДП. В настоящее время в ФРГ наблюдается заметный рост реваншистских сил, активиза-

ция деятельности различных реваншистских землячеств, открыто поощряемых официальными представителями Бонна. На заседаниях бундестага и на страницах западно-германской буржуазной прессы все чаще выдвигается требование пересмотра вопроса о западной границе ПНР⁷⁷. Положение дел осложняется в связи с политикой гонки вооружений и конфронтации, проводимой США и их союзниками по НАТО, размещением на территории ФРГ американского ядерного оружия первого удара, в результате чего с немецкой земли вновь возникает угроза миру в Европе.

- ¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Изд. 2-е. М., 1976, т. 1—2.
- ² Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг.: Сб. док. М., 1978—1980, т. 1—6.
- ³ *Аппатов С. И.* Американская буржуазная историография германской проблемы. М., 1966, с. 20.
- ⁴ История внешней политики СССР. 1917—1980. Т. 1. 1917—1945. Под ред. А. А. Громыко и Б. Н. Пономарева. Изд. 4-е, доп. М., 1981; История дипломатии. Т. 4. М., 1975; Израэлян В. Л. Антигитлеровская коалиция. (Дипломатическое сотрудничество СССР, США и Англии в годы второй мировой войны). М., 1964 и др.
- ⁵ *Kowalski W.* Walka dyplomatyczna o miejsce Polski w Europie (1939—1945). Wyd. 5. W-wa, 1979; *Kowalski W.* Wielka koalicja, 1941—1945. W-wa, 1980. Т. 1—3; *Kowalski W. T.* ZSRR a granica na Odrze i Nysie Łyżyckiej 1941—1945. W-wa, 1965; *Kowalski W. T.* Polityka zagraniczna RP 1944—1947. W-wa, 1971; *Pastusiak L.* Roosevelt a sprawa polska: 1939—1945. W-wa, 1980; *Dobrzycki W.* Granica zachodnia w polityce polskiej 1944—1947. W-wa, 1974.
- ⁶ *Вевюра Б.* Польско-германская граница и международное право. М., 1959; *Klaffkowski A.* Granica polsko-niemiecka po II wojnie światowej. Poznań, 1976; *Skubiszewski K.* Zachodnia granica Polski w świetle traktatów. Poznań, 1975.
- ⁷ *Носкова А. Ф., Григорьянц Т. Ю.* Згожелецкий договор 1950 г. — Сов. славяноведение, 1975, № 5, с. 3—12; *Гогюэль Р., Поль Г.* Одер—Нейсе — граница мира. М., 1960; *Basiński E.* Od Lublina do Zgorzelca: Współdziałanie Polski i ZSRR w rozwiązywaniu problemu niemieckiego, 1944—1950. W-wa, 1980; *Kalisch J.* Zgorzelec 1950—ein Meilenstein im Kampf um ein neues Verhältnis zwischen den Völkern Polens und der DDR. — Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostok. Gesellschaft- und Sprachwissenschaft. Rostok, 1981, Jg. 30, H. 1, S. 55—60.
- ⁸ История дипломатии, т. 4, с. 424.
- ⁹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VII, 1939—1943. М., 1973, с. 258.
- ¹⁰ *Волков В. К.* У истоков советской программы послевоенного устройства мира в Европе (1941—1943 гг.). — Новая и новейшая история, 1984, № 6, с. 46—47, 53.
- ¹¹ Там же, с. 55—56.

- ¹² Foreign Relations of the United States. (Diplomatic Papers). 1942, vol. 3. Europe. Wash., 1961, p. 204—208.
- ¹³ Foreign Relations of the United States: The Conferences at Washington and Quebec, 1943. Wash., 1970, p. 731.
- ¹⁴ Ibid., p. 731—736.
- ¹⁵ Ibid., p. 736—743.
- ¹⁶ Ibid., p. 743—748.
- ¹⁷ Ежов В. Д. Как и кем была расколота Германия. — Новая и новейшая история, 1981, № 5, с. 41—59.
- ¹⁸ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны: 1941—1945 гг. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. 28 ноября—1 декабря 1943 г.: Сб. док. М., 1978, с. 164.
- ¹⁹ История дипломатии, с. 424.
- ²⁰ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны: 1941—1945 гг. Т. 2, с. 168.
- ²¹ Там же, с. 167.
- ²² Березжков В. М. Страницы дипломатической истории. Изд. 2-е, доп. М., 1984, с. 472—473.
- ²³ Foreign Relations of the United States: The Conferences at Malta and Yalta. 1945. Wash., 1955, p. 214.
- ²⁴ Ibid., p. 510.
- ²⁵ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.). Сб. док. М., 1979, с. 47.
- ²⁶ Там же, с. 97.
- ²⁷ Там же, с. 101.
- ²⁸ Там же, с. 126.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же, с. 127.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же, с. 158—159.
- ³³ Там же, с. 280.
- ³⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля—2 августа 1945 г.). Сб. док. М., 1980, с. 331—332.
- ³⁵ Там же, с. 118—119.
- ³⁶ Там же, с. 118.
- ³⁷ Там же, с. 138—139.
- ³⁸ Там же, с. 172—173.
- ³⁹ Там же, с. 173—174.
- ⁴⁰ Там же, с. 243, 417.
- ⁴¹ Там же, с. 473.
- ⁴² Там же, с. 476.
- ⁴³ A Decade of American Foreign Policy: Basic documents, 1941—1949. N. Y., 1968, p. 522—527.
- ⁴⁴ Ibid., p. 526.
- ⁴⁵ Внешняя политика Советского Союза: 1946 год. М., 1952, с. 190.
- ⁴⁶ A Decade of American Foreign Policy: Basic documents, 1941—1949, p. 546—548.
- ⁴⁷ Krasuski J. Stosunek Francji do problemu jedności Niemiec po II wojnie światowej. — Przegląd Zachodni, 1979, N 1, s. 75.

- ⁴⁸ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. IX. М., 1976, с. 179—182.
- ⁴⁹ Polen, Deutschland und die Oder-Neisse-Grenze: Dokumentation zur Zeitgeschichte. Hrsg. Goguel R. B., 1959, S. 469.
- ⁵⁰ *Krasuski J.* Polityka czterech mocarstw wobec Niemiec, 1945—1949. Poznań, 1967, s. 197.
- ⁵¹ Die auswärtige Politik der Bundesrepublik Deutschland: Herausgegeben von Auswärtige Amt unter Mitwirkung eines wissenschaftlichen Beirats. Köln, 1972, S. 151.
- ⁵² Deutschland- und Ostpolitik im deutschen Bundestag. Hrgb. von Schmitt F. J. Bonn, 1973, Bd. 1, S. 10—11.
- ⁵³ Внешняя политика Советского Союза. Документы и материалы. 1949 год. М., 1953, с. 167.
- ⁵⁴ Trybuna Ludu, 1949, 7 paźd.
- ⁵⁵ Отношения СССР с ГДР: Документы и материалы. 1949—1955 гг. М., 1974, с. 18, 30.
- ⁵⁶ Там же, с. 38—39.
- ⁵⁷ Tribüne, 1949, 19 okt.
- ⁵⁸ Foreign Relations of the United States (Diplomatic papers). 1949. Washington, 1974, vol. 3, p. 532.
- ⁵⁹ Ibid.
- ⁶⁰ Ibid., p. 535.
- ⁶¹ Die auswärtige Politik der Bundesrepublik Deutschland, S. 157.
- ⁶² *Sulzberger C. L.* A Long Row of Candles memoirs and Diaries (1934—1954). N. Y., 1969, т. 486—487.
- ⁶³ Foreign Relations of the United States, 1949, vol. 3, p. 537.
- ⁶⁴ Ibid., p. 537—538.
- ⁶⁵ Ibid., p. 540.
- ⁶⁶ Ibid., p. 537—541.
- ⁶⁷ Ibid., p. 542.
- ⁶⁸ Dokumente zur Aussenpolitik der Regierung der Deutschen Demokratischen Republik. B., 1954, Bd. 1, S. 330—336.
- ⁶⁹ Ibid., S. 342.
- ⁷⁰ Ibid., S. 355.
- ⁷¹ Ibid., S. 343.
- ⁷² *Вевюра Б.* Польско-германская граница и международное право, с. 196.
- ⁷³ Foreign Relations of the United States. 1950. Vol. 4. Central and Eastern Europe; the Soviet Union. Wash., 1980, p. 959.
- ⁷⁴ Polen, Deutschland und die Oder-Neisse-Grenze, S. 485—486.
- ⁷⁵ Ibid., S. 658.
- ⁷⁶ Ibid., S. 488—489.
- ⁷⁷ Das Parlament, 3/10.III 1984; Frankfurter Allgemeine Zeitung, 11.I 1984.

В. Э. Орел

ОБ ОДНОЙ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ИЗОГЛОССЕ, ОБЪЕДИНЯЮЩЕЙ АЛБАНСКИЙ ЯЗЫК С БАЛТО-СЛАВЯНСКИМ И ИНДОИРАНСКИМ*

Как известно, славянский, балтийский и индоиранский диалекты объединяются одной важной фонетической изоглоссой, история которой остается, однако, достаточно спорной в деталях. В указанных языках имеет место позиционно обусловленное изменение и.-е. *s, которое в славянском развивается в *x ~ *š перед гласными после *ī, *ǐ (также после неслоговых *i, *u в составе дифтонгов), *r, *k (причем вопрос о первичности рефлекса *x или *š, в общем, остается спорным), в балтийском (собственно, прежде всего в литовском, также проводящем это явление не вполне последовательно) — в *š после *r, *k, в индоиранском — в *š (далее в др.-инд. s, иран. *š) после *i (в том числе, после i из *ə), *u, *r (также и после r из и.-е. *l), *k¹. Реликты сходного развития, возможно, обнаруживаются и в армянском².

Не пытаясь ответить здесь на многие вопросы, возникающие при попытках детально истолковать указанную изоглоссу, мы ставим перед собой иную задачу: показать, что явление того же рода наблюдалось и в истории албанского языка³.

В то время как в анлауте и.-е. *s развилось в праалб. *š > алб. gj (ср. gjmë 'сон' — греч. ύπνος то же, слав. *съ — нь то же), а в середине слова, между гласными — в праалб. *x > алб. h, ø (ср. kohë 'время' — слав. *časъ то же), в некоторых особых позициях (характер которых будет уточнен ниже) рефлексы и.-е. *s представляют собой праалб. *š > алб. sh. Как можно убедиться, рассмотрев приводимый материал, эти особые позиции весьма близки к тем, которые обусловили изменение *s в славянском, балтийском и индоиранском.

* Данная статья — продолжение серии «Вопросы сравнительно-исторической грамматики албанского языка» (статья четвертая).

Прежде всего, этимология ряда албанских лексем указывает на переход и.-е. *s > алб. sh после кратких и долгих гласных *ī, ū (в том числе, после этих гласных в составе дифтонгов и после i вторичного происхождения): push 'начес, ворс' (< праалб. *puša) — слав. *рихъ, продолжающее и.-е. *p(o)usus (дальнейшие связи специально рассмотрены В. Н. Топоровым ⁴); иначе и сложнее объясняет фонетический аспект этого албано-славянского соответствия Э. Чабей ⁵;

kush 'кто' (< праалб. *kúša) — по-видимому, древнее сложение двух местоименных основ, *k^wu- (вариант основы *k^wo-, наличествующий также в алб. kug 'когда' = лит. kug где) и *so- ⁶; ср. сложение того же типа в слав. *къто 'кто';

gjysh 'дед' (< праалб. *sūša) — др.-инд. sūṣa- (гапак в AV I.11.33), расширение и.-е. *sū- 'рождать' ⁷;

тоск; breshër 'град', гег. breshën то же (< праалб. *braušina) — форма сингуляризованного мн. числа, на основе которой реконструируется форма ед. числа, праалб. *brauša, к и.-е. *bhreus- ⁸;

dash 'баран' (< праалб. *dauša) — слав. *duxъ, продолжают и.-е. *dhousos (в плане семантики ср. близкое, хотя и с иным вокализмом герм. *brēuza 'зверь, животное'); иное объяснение предполагает в качестве прототипа dash форму *dh^uosios ⁹;

vesh 'ухо' (праалб. *auši или *ōuša) продолжает один из апофонических вариантов индоевропейского названия уха ¹⁰;

desha, аор. '(я) любил, хотел, продолжает и.-е. *ĝeusom или *ĝeusm и соответствует греч. γεύομαι, аор. ἐγεύσαμην 'пробовать' ¹¹; относительно анлаута (см. предшествующую статью данной серии) ¹²;

plish 'Phragmites communis' (< праалб. *plūši) — лит. plūšis 'тростник, камыш' ¹³;

Приведенные примеры показывают, что переход и.-е. *s в алб. sh осуществлялся после *u и *ū. Мы располагаем значительно меньшим числом примеров, где тот же переход наблюдается после долгого *ī:

prish 'разрушать, портить, расходовать' (праалб. *prīša) — греч. πρίω 'пилить' (от основы *πρίσ- ¹⁴); ряд деталей обсуждается в этимологической литературе ¹⁵;

mish 'мясо' (< праалб. *mīša), где *ī возникло вторично, как рефлекс сочетания *ǵ с носовым ¹⁶, ср. др.-инд. māmsām то же, гот. mīnz то же, слав. męso то же ¹⁷.

Несомненно, впрочем, что развитие и.-е. *s в sh имело место и после краткого *i, что следует из анализа показателя отложительного падежа мн. числа -sh, который еще Ф. Бопп возводил к и.-е. *-su¹⁸. Эволюция *-su в -sh была первоначально обусловлена позиционно только в о-основах, где в подобных случаях фонема *s следовала за неслоговым *i дифтонга, ср. хотя бы отл. падеж мн. числа от mal 'гора' — madesh < *moloisu. Затем окончание -sh распространилось за пределы о-основ по аналогии, подобно тому, как это имело место в славянском, где показатель локатива *-хъ, восходящий к тому же и.-е. *-su, также по аналогии приобрел эту форму в тех случаях, когда ему не предшествовало *ě из *oi¹⁹.

Сходные явления можно наблюдать и в албанском сигматическом аористе, показатель которого -sh-, очевидно, продолжает и.-е. *-s-, хотя во многих случаях это и невозможно объяснить ближайшим фонетическим окружением, ср. pashë '(я) видел', dhashë '(я) дал', thashë '(я) сказал' и т. п. Примеры этого рода (подобно тому, как это имело место при развитии форманта отложительного падежа, и в соответствии с историей сигматического показателя в славянском аористе) также свидетельствуют о широком действии грамматической аналогии, источником которой были менее многочисленные формы, подобные rashë '(я) упал' (< праалб. *rauša), ср. лат. ruō 'валить(ся)'.²⁰

Описанное выше правило действует и в области словообразования. На месте более раннего *s мы находим алб. sh в суффиксе -ush, ср. rrush 'виноград' < праалб. *raguša при далм. МН Ragusa, связываемом с греч. ῥάξ 'виноградная ягода'²⁰. То же наблюдается в суффиксе одушевленных имен жен. рода -ushë (ср. agi 'медведь' — arushë 'медведица' и т. п.), который рассматривается иногда как заимствование из славянского. Это решение, однако, представляется необязательным уже потому, что в албанском -ushë имеет указанный выше аналог муж. рода -ush (бесспорно, исконного происхождения). Таким образом, суффикс -ushe можно рассматривать как отражение и.-е. *-usā и как соответствие слав. *-уха (наряду с *-иха и такими вариантами, где *-х- может быть и аналогичного происхождения).

Изменение *s > sh не имело места в албанском в положении после *r: сочетание *rs, как известно, имело иную судьбу и развилось в «раскатистое» rr. Иначе, по-видимому, обстояло дело с сочетанием *ks, которое в ряде слу-

чаев изменилось в sh²¹, ср. pishë 'сосна', teshë 'вещь, предмет'²². Однако тут возможно и другое объяснение, поскольку допустимо говорить об отражении *s > sh после *k с дальнейшим выпадением последнего, что представляется более перспективным ввиду общего контекста настоящей работы.

Таким образом, в албанском языке *s перед гласным и после *i, *y (а возможно, и *k) развилось в sh. Случаи, когда это правило нарушается, нам неизвестны. Гипотезу, пронципально высказанную Х. Педерсеном²³, следует считать подтвержденной.

- ¹ Из основных работ по этому вопросу см.: *Mejē A.* Общеславянский язык. М., 1951, с. 29; *Бернштейн С. В.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, с. 160—165; *Отрембский Я. С.* Славяно-балтийское языковое единство. — Вопросы языкознания, 1954, № 5, с. 32—34; *Karaliūnas S.* Kai kuris baltų ir slavų kalbų seniausiuju santykių klausimai. — In: *Baltų ir slavų kalbų ryšiai.* Vilnius, 1968, l. 84; *Wackernagel J.* Altindische Grammatik. I. Lautlehre. Göttingen, 1896, S. 229.
- ² *Meillet A.* Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique. Vienne, 1936, p. 40.
- ³ *Orel V. E.* Albanian nominal inflexion: Problems of origin. — *Zeitschrift für Balkanologie*, 1983, Bd. XIX, N 2, p. 123; *Орел В. Э.* Происхождение албанской именной флексии в свете славянских и других индоевропейских данных. — *Сов. славяноведение*, 1982, № 3, с. 94.
- ⁴ *Топоров В. Н.* Об индоевропейских соответствиях одному балтийскому мифологическому имени (балт. Puš(k)ait-: др.-инд. Pūśán, др.-греч. Πάϋ). — В кн.: *Балто-славянские исследования.* М., 1974, с. 3—36.
- ⁵ *Çabej E.* Studime gjuhësore. Prishtinë, 1976, t. I—II, f. 53 (далее: Çabej I, II).
- ⁶ Çabej I, f. 303.
- ⁷ *Meyer G.* Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Strassburg, 1891, s. v.
- ⁸ Çabej I, f. 47; *Meyer G.* Op. cit., S. 77.
- ⁹ *Jokl N.* Linguistisch-kulturhistorische Untersuchungen aus dem Bereiche des Albanischen. Berlin; Leipzig, 1923, S. 240, 329.
- ¹⁰ *Spitzer L.* Albanisches. — *Indogermanische Forschungen*, 1921, Bd. 39, S. 110; *Орел В. Э.* К реконструкции древнеалбанских акцентных отношений (в сопоставлении со славянскими и другими индоевропейскими языками). — *Сов. славяноведение*, 1982, № 5, с. 86.
- ¹¹ *Meyer G.* Op. cit., s. v.; относительно анлаута см.: *Орел В. Э.* Вопросы сравнительно-исторической грамматики албанского языка. — В кн.: *Славянское и балканское языкознание: Проблемы языковых контактов.* М., 1982, с. 22 и сл.
- ¹² См. также: *Русаков А. Ю.* Из албанской исторической фонетики: Судьба индоевропейских палатальных. — В кн.: *Лингвистические исследования 1982: Языковые единицы в синхронии и диахронии.* М., 1982, с. 194—204.

- ¹³ Çabej II, f. 43.
- ¹⁴ *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots. P., 1974, t. III, p. 939.
- ¹⁵ Çabej II, f. 49—50; *Meyer G.* Op. cit., S. 353; *Jokl N.* Studien zur albanischen Etymologie und Wortbildung. B., 1911, S. 72.
- ¹⁶ *Barić H.* Istorija arbanaskog jezika. Sarajevo, 1959, s. 25.
- ¹⁷ *Xylander J., von.* Die Sprache der Albanesen oder Schkipetaren. Frankfurt a. M., 1835, S. 292.
- ¹⁸ *Bopp F.* Über das Albanesische in seinem verwandtschaftlichen Beziehungen. B., 1855.
- ¹⁹ *Орел В. Э.* Происхождение албанской именной флексии в свете славянских и других индоевропейских данных. — Сов. славяноведение, 1982, № 3, с. 94.
- ²⁰ *Калужская И. А.* Алб. grush. — В кн.: Античная балканистика: Карпато-балканский регион в диахронии. М., 1984; см. также: Çabej II, f. 102—103.
- ²¹ *Mann S. E.* The Indo-European Consonants in Albanian. — Language, 1952, v. 28, N 1, p. 40.
- ²² *Barić H.* Hymje në historinë e gjuhës shqipe. Prishtinë, 1955, f. 26.
- ²³ *Pedersen H.* Das indogermanische s im Slavischen. — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, 1895, Bd. 5, S. 82.

Т. Ф. Семенова

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЮРКИЗМОВ, ОБЩИХ ДЛЯ ЯЗЫКОВ КАРПАТСКОГО АРЕАЛА

Среди общих лексических элементов языков карпатского ареала значительное место занимают заимствования из тюркских языков, являющиеся результатом длительных контактов населения Карпат с тюркоязычными народами. Изучение этого слоя лексики представляет большой интерес для различных специалистов: лингвистов, этнографов, историков. Так, древние тюркские заимствования, которые нашли отражение во всех языках карпатского ареала, подобно древним субстратным элементам автохтонного населения Карпат, могут дать дополнительные сведения для решения вопросов о прародине славян, этническом составе древнейшего населения Карпат в целом. В то же время более поздние тюркские элементы в языках карпатского ареала, в частности, турцизмы, позволяют судить о глубине проникновения в карпатскую зону так называемых балканизмов — элементов, получивших широкое распространение в языках карпатского ареала в результате интенсивного перемещения населения из Болгарии, Сербии и других районов Балканского полуострова

в Большую и Малую Валахию, Банат и соседние районы после завоевания Балканского полуострова турками.

Изучение древних и некоторых более поздних общих тюркских элементов в языках карпатского ареала небезынтересно и для тюркологов, поскольку карпатская зона была пограничным районом соприкосновения народов Восточной Европы с тюркскими племенами. Очень часто материал этих языков может оказаться единственно доступным для изучения несохранившихся, исчезнувших тюркских языков и диалектов. В языки карпатского ареала в течение многовековых контактов с тюркскими языками вошло большое количество лексических элементов, которые отражают не только различные ступени эволюции тюркских языков, но также различные диалекты и языки, во многих случаях исчезнувшие и не оставившие иных следов. Таким образом, изучение тюркизмов, проникших в языки карпатского ареала из языков, которые находились на крайнем западе тюркской языковой области, может дать сведения и по истории тюркских языков.

Единственной до сих пор попыткой постановки вопроса изучения взаимодействия языков и диалектов карпатского ареала с тюркскими языками является статья А. М. Рота «Питання східнославянсько-тюркських та західнославянсько-тюркських мовних контактів та особливості взаємодії мов та діалектів карпатського ареалу»¹. В этой работе прежде всего подчеркивается необходимость привлечения теории языковых контактов к изучению взаимодействия восточно-, западнославянских и тюркских языков. Придавая особое значение экстралингвистическим факторам, которые рассматриваются как внешние или межъязыковые взаимодействия, автор намечает задачи изучения тюрко-славянских контактов: изучение путей проникновения или заимствования явлений в языках и диалектах восточных и западных славян, берущих свое начало в тюркских языках и диалектах, а также особенностей тех взаимоотношений, в результате лингвистической интерференции которых происходило заимствование. При этом, по мнению автора, следует четко отличать тюркские лексические элементы от тюркизмов или слов тюркского происхождения. Необходимо также показать, какой тюркский язык или диалект, или, возможно, группы этих языков и диалектов были источниками того или иного языкового явления, берущего свое начало в тюркских языках.

Поскольку вопрос сравнительного изучения общих тюркских элементов в языках карпатского ареала конкретно никогда не ставился, на первый план выступает проблема первоначального выявления общего фонда заимствований. Источниками интересующих нас сведений должны служить материалы Общекарпатского диалектологического атласа, основные словари языков карпатского ареала, как литературные, так и диалектные, а также различные тюркологические исследования по данным языкам. Материалы по источникам распределяются неравномерно. Наиболее полезными для данной работы, помимо материалов ОЖДА, являются словари литературных языков конца XIX—начала XX в., поскольку, будучи менее дифференцированными по сравнению с современными словарями, они содержат довольно значительный диалектный материал. К тому же следует помнить, что многие тюркизмы в языках карпатского ареала устарели, являются архаизмами, а в некоторых случаях вышли из употребления в конце XIX—начале XX в. Что касается различных диалектологических исследований, то интересующие нас данные в них отрывочны и малочисленны, поскольку диалектологов, как правило, интересует лексика исконного происхождения.

Частично сведения по истории, этимологии, фонетике тюркизмов в отдельных языках карпатского ареала содержатся в ряде специальных тюркологических исследований².

Важным вопросом изучения карпато-тюркских контактов является проблема их периодизации. Для этого необходимо кратко рассмотреть историю взаимосвязей народов, населяющих Карпаты, с тюркскими народами³.

Начало карпато-тюркских контактов, по всей вероятности, относится к периоду вторжения гуннов в Европу (IV в. н. э.), поскольку в состав гуннских орд входили племенные группы алтайского типа, среди которых особенно многочисленными были тюркские племена.

Контакты народов карпатского ареала с тюрками продолжались в период существования Аварского каганата. Авары в отрогах Карпат появились во второй половине VI в. Аварский каганат занимал некоторые области Чехии, Моравии, Австрии и просуществовал до 791 г. Археологи отмечают сложившийся аваро-славянский тип в материальной культуре (погребения)⁴.

На смену так называемому «аварско-славянскому симбиозу» пришло владычество булгар, занявших области,

которые входили ранее в состав Аварского каганата. В 803 г. болгары расширили свое государство за счет территории Трансильвании и Восточной Словакии, а в 824 г. захватили земли между Дунаем и Тиссой, частично области в нижнем течении Дуная. Все эти земли входили в состав Булгарии вплоть до прихода венгров в 892—896 гг. В это время здесь, помимо славянского населения, находились различные остаточные группы аваров, болгарских тюрок и других более мелких тюркских этнических единиц.

Непосредственные контакты с тюрками имели в то время (V—IX вв.) и венгры, кочевавшие в степях Юго-Восточной Европы, т. е. на западе тюркской языковой территории.

С приходом венгров в Карпаты начинается новый этап в истории карпато-тюркских контактов. В племенной состав венгров, помимо финно-угорского большинства, входило также несколько хазарско-тюркских групп. Три хазарских племени влились также в племенное венгерское объединение, располагавшееся на территории современной Украины. В X в. большая часть этих племен осела в Южной Словакии, в долинах рек Нитра, Житава, Грон и довольно быстро ассимилировалась с местным славянским населением. Кроме того, в районе современной Мунтении располагались многочисленные поселения печенегов.

С 1077 по 1095 г. в Карпатах с последними группами мигрантов-печенегов появились куманы (половцы), расселившиеся на территории современных Венгрии, Словакии, Украины (в долинах рек Ваг, Житава, Нитра), Молдавии, в некоторых районах Мунтении и Трансильвании.

Следующая тюркская волна пришла в Карпаты в результате татаро-монгольского нашествия в 1242 г., после которого в Карпатском регионе становятся особенно многочисленными поселения куманов и татар.

В XVI в. в Карпаты пришла новая тюркская волна — турки-османы, подчинившие себе Болгарию, Сербию и значительную часть Венгерского королевства. Молдавия и Валахия на протяжении нескольких столетий часто вынуждены были признавать себя вассалами Порты. На территории центральноевропейских государств, не вошедших в состав Османской империи, не было постоянных поселений турок и ассимиляции, кроме исключительных случаев (например, турецкая колония в Филяково, основанная в 1593 г. и просуществовавшая 50 лет). Со временем, вследствие ассимиляции тюркских группировок, расселившихся на территориях, занятых венграми и словаками

еще до османского завоевания, непосредственные контакты венгров и словаков с тюрко-кыпчакскими племенами постепенно прекращаются. К концу XVII в., например, в Венгрии не оставалось уже больше этнических элементов, говорящих на тюркских языках.

В Валахии и Молдавии османское культурное влияние было более длительным и глубоким. В непосредственных контактах с турками-османами находилось польское и украинское население районов, прилегающих к границам Османской империи.

В период после османского завоевания не прекращались непосредственные контакты восточно-романского и украинского населения с крымскими татарами, караимами и гагаузами.

Итак, в карпато-тюркских контактах можно выделить следующие периоды.

Первый период — IV—IX вв. — время гуннского нашествия, существования Аварского каганата и Волжской Булгарии до прихода венгров в Восточную Европу, когда население Карпат находилось в непосредственных контактах с различными тюркскими племенами: аварами, булгарами, хозарами. Следует отметить, что указанный период отчасти совпадает с эпохами развития тюркских языков: хуннской (до IV в н. э.), которая завершилась разделением тюркских языков на две ветви, восточнохуннскую и западнохуннскую; и древнетюркской эпохой (V—X вв.), когда происходило формирование различных тюркских родоплеменных союзов. Наиболее древними из них были болгарский, огузо-карлукско-кыпчакский, уйгурский, кыргызский. Поэтому вероятными источниками тюркских заимствований в языках карпатского ареала в рассматриваемый период могли быть языки западнохуннской ветви тюркских языков вообще: болгарского, огузского, кыпчакского, карлукского типов. При этом следует иметь в виду слабую диалектную дифференциацию тюркских языков в указанные эпохи, вследствие чего в древнейших тюркизмах, общих для языков карпатского ареала могут быть отражены черты, характеризующие западнохуннскую ветвь тюркских языков.

Второй период — IX—XIV вв. — время прихода венгров в Восточную Европу и татаро-монгольского нашествия. В рассматриваемом периоде можно выделить два этапа: 1) IX—XIII вв., на протяжении которых существовали непосредственные контакты всех народов карпатского ареала с тюрками, и 2) XIV в. — начало постепен-

ного прекращения непосредственных контактов с тюрками-кыпчаками словаков и венгров. Рассматриваемый период захватывает конец древнетюркской эпохи развития тюркских языков (X в.), когда происходил распад огузо-карлукско-кыпчакской общности, и почти полностью охватывает эпоху возникновения и развития основных тюркских народностей и языков (X—XI вв.). Поэтому вероятными источниками тюркизмов, общих для языков карпатского ареала в этот период могли быть тюркские языки следующих типов: болгарского (язык хозар), огузо-карлукско-кыпчакского (языки печенегов, куманов, золотоордынский западный язык).

Третий период — XV—XIX вв. — период контактов народов карпатского ареала с турками-османами. Этот период совпадает с эпохой образования и становления современных тюркоязычных народностей (XVI—XIX вв.). Источниками тюркизмов в языках карпатского ареала в данный период были в основном языки огузского и кыпчакского типов: турецкий, язык крымских татар.

Как видно из изложенного выше, одни из народов карпатского ареала имели продолжительные и непрерывные контакты с тюрками на протяжении всех рассматриваемых периодов (венгры, восточные романцы, восточные славяне), другие лишь в определенные периоды находились в непосредственных контактах с тюркоязычными народами (словаки, поляки).

Итак, район Карпат представляет собой крайнюю западную территорию соприкосновения тюркоязычных народов с народами Восточной и Юго-Восточной Европы. Карпатская (resp. карпато-балканская) зона явилась берегом, куда накатывались одна за другой тюркские волны, которые оставляли следы, наслаивавшиеся один на другой и образующие сложный и пестрый конгломерат, состав которого усложнялся еще более в результате как внутрикарпатского, так и внекарпатского взаимодействия языков.

Таким образом, важной особенностью тюркских элементов в языках карпатского ареала является многосторонность и волнообразность их проникновения на Карпаты.

В связи с изложенным выше представляется необходимым уточнить понятие «тюркизм, общий для языков карпатского ареала». Понятие «тюркизм» может варьироваться. Например, возможно относительно узкое понимание тюркизмов как слов, пришедших непосредственно

из тюркских языков или прошедших через них; в более широком понимании в качестве «тюркизмов» могут рассматриваться слова тюркского происхождения, пришедшие в данный язык через посредство какого-либо другого языка. Учитывая историческую специфику контактов языков карпатского ареала с языками тюркскими, «тюркизмами, общими для языков карпатского ареала» условимся называть тюркизмы, проникшие в указанные языки, как непосредственно из тюркских языков, так и в результате взаимодействия языков карпатского ареала с нетюркскими языками, и являющиеся общими не менее чем для трех языков карпатской зоны, поскольку в число тюркизмов не включаются элементы, имеющиеся только в двух контактирующих языках⁵.

Принимая во внимание сложность и многосторонность карпато-тюркских, внутри- и внешнекарпатских контактов, в целях большей ясности изложения, разделим источники тюркских элементов на две группы с условным названием: источники исторические и источники этимологические. Под этимологическими источниками будут подразумеваться тюркские источники рассматриваемых элементов вне зависимости от языков-посредников. Историческими источниками назовем языки-посредники.

Среди этимологических источников тюркизмов, общих для языков карпатского ареала, можно выделить следующие группы.

I. Древнетюркские элементы. К этой группе отнесем тюркизмы, проникшие в языки карпатского ареала в I период карпато-тюркских контактов. Поскольку рассматриваемый период частично совпадает с хуннской и древнетюркской эпохами развития тюркских языков, явившимися временем относительно слабого диалектного членения и усиленных миграций тюркских народностей, конкретные источники тюркизмов в языках карпатского ареала указать затруднительно. Поэтому возможно лишь самое общее определение тюркских источников, которые для языков карпатского ареала будут иметь лишь общие признаки западнохуннской ветви тюркских языков.

II. Новые тюркские элементы. В эту группу входят тюркизмы, проникшие в языки карпатского ареала во II и III периоды карпато-тюркских контактов, совпадающие с эпохами возникновения и развития основных тюркских языков и народностей и образования и становления языков современных тюркоязычных народов. Для указанных периодов вероятные источники тюркских заимство-

ваний могут быть определены с большей точностью. Это элементы кыпчакские, проникшие в языки карпатского ареала в период контактов с куманами, затем во времена существования Золотой Орды и в более поздние периоды, в основном из языка крымских татар; и элементы огузские, главным образом турецкие, попадавшие в языки карпатского ареала или в результате непосредственных контактов или в результате внутри- и внешнекарпатского взаимодействия языков. Например, венг. *hagang* 1. 'колокол', 2. 'колокольчик (у животного на шее)', 3. 'колоколообразный предмет' (рум. *hăgîng* 'колокол' < венг.) древнетюркского происхождения, самой близкой формой в современных тюркских языках является чув. *хуган* 'котел' ⁶. В то же время венг. *kazan* 1. 'глубокий сосуд для приготовления пищи, котел'; 2. 'пароходный котел'; 3. 'локомотив'; рум. *cazan* 'котел', укр. *казан* 'котел' — являются заимствованиями из тур. *kazan* для венг. ⁷ и тат. для укр. и рум. ⁸

Однако многие тюркские элементы попадали в языки карпатского ареала опосредованно, в процессе карпатского языкового взаимодействия, с одной стороны, и в результате контактирования языков карпатского ареала с языками некарпатской зоны: балканскими (в основном с южнославянскими) и восточнославянскими (главным образом с русским), с другой. Таким образом, среди исторических источников тюркизмов, общих для языков карпатского ареала можно выделить следующие группы: внутрикарпатские языки-посредники и внекарпатские, балканские и восточнославянские.

Внутрикарпатскими источниками явились те из языков карпатского ареала, которые в силу своего географического положения и ряда исторических причин находились в непосредственных контактах с тюрками. Такими внутрикарпатскими языками-посредниками являются, в основном, венгерский и румынский языки. Венгерский язык послужил источником целого ряда древнетюркских элементов, а также турцизмов. Румынский был посредником в передаче турцизмов и некоторой части кыпчакских элементов. Например, венг. *boszorkany* «Мертвая голова» (название бабочки), 'ведьма'; словац. *bosorka* 'ведьма, колдунья'; *bosorak* 'колдун'; укр. *босорка* 'ведьма, колдунья'; 'лягушка, жаба'; *босорканиа* 'то же'; *босоркун* 'упырь'; польск. *bosorka* 'прозвище женщины'; рум. *bosorcaie* 'ведьма, вампир' ⁹. Источником венгерского слова считается др.-чув. *basyrkan*. Венг. *szakáll* 'борода';

словац. *sakal* 'борода'; польск. *szakal* 'борода'¹⁰. Источник венгр. слова др.-чув. *sakal*. Рум. *ardoan* 'сирень'; укр. (бук.) ардиван 'сирень'; источник рум. слова тур. *jorgovan, arduvan* 'сирень'¹¹. Рум. *burnus* 1. 'шерстяной плащ (у арабов)', 2. 'верхняя одежда с капюшоном (в Добрудже)', 3. 'вид крестьянской одежды'; укр. (бук.) бурнос, бурноз, бурмус, бурмуз 'верхняя мужская и женская одежда, вид куртки, иногда на вате'¹². Источник рум. слова тур. *burnus* < ар. с теми же значениями¹³. В польском, словацком, венгерском это слово является книжным заимствованием и имеет значение «плащ араба».

К внекарпатским языкам-посредникам относятся некоторые языки балканского языкового союза и восточнославянские. Из балканских славянских языков, сербохорватского и болгарского, турцизмы проникали в венгерский и румынский языки, послужившие внутрикарпатскими источниками указанных элементов. Например, венг. *bagazia* 1. 'ситец', 2. 'женская юбка' из серб.-хорв. *bogasija, bogosija* < тур. *boğasi* то же послужило источником польск. *bagazija* 'ситец, ратин'; в рум. *bogasiu* 'пестрая, блестящая материя' непосредственно из тур.¹⁴; венг. *csizma* 'сапог', 'вид кувшина для вина или пива' из серб.-хорв. *čizma* 'сапог' < тур. *sizme* 'то же' явилось источником рум., *sizma*, польск., *csizma*, укр. чизма 'сапог'¹⁵.

Из восточнославянских языков, не входящих в карпатский ареал, большое значение имеет русский, явившийся посредником в передаче кыпчакских элементов в ряд языков карпатского ареала. Например, польск. *kalpak* 'шапка' из русск. *калпак* 'род головного убора' — из тур., тат., крым.-тат., каз. *калпак* 'шапка'; в то же время укр. *ковпак* 'войлочная шапка' имеет те же источники, что и русск. слово; венг. *kalpag* 'вид войлочной шапки' считается заимствованием из тур. *alpak* 'шапка', турецким по происхождению является и рум. *calpac* ' меховая шапка цилиндрической формы, очень высокая, которую носили бояре'¹⁶.

Исследование тюркизмов, общих для языков карпатского ареала, предполагает в первую очередь установление источника заимствования, как этимологического, так и исторического. Поэтому из возможных аспектов изучения общих тюркских элементов в языках карпатского ареала (фонетического, семантического, лингвогеографического) необходимо выделить наиболее важный для этимологизации этого слоя лексики. Таковым прежде всего

является фонетический аспект, поскольку в тюркизмах, общих для языков карпатского ареала, мы сталкиваемся с результатами длительного освоения их заимствующими языками, в результате чего тюркские элементы подвергались действию фонетических законов языков карпатской зоны и в ряде случаев значительно изменили свой облик. Например, др.-чув. *bišig* > венг. *bölcsö* 'колыбель' > > словац. *belšov* 'колыбель', из венг. рум. *belseu* 'колыбель' ¹⁷.

С другой стороны, тюркизмы, общие для языков карпатского ареала, распространялись в языках карпатской зоны в результате взаимодействия этих языков, и поэтому в отдельных языках тюркизмы в своем фонетическом облике сохраняют черты уже прошедших исторических процессов языка-посредника. Например, венг. *a* > *á* (*ā*) > > словац. *ia*. тюрк. (каз., ног.) *шатыр* 'шатер, палатка'; ср. венг. *sátor* > словац. *šiator* 'шатер'.

В то же время тюркизмы заимствовались в разное время из различных тюркских языков, принадлежащих к разным языковым группам, и, следовательно, отражают отдельные этапы развития указанных языков. Например, соответствие *м* — *б* в тюркских языках огузского и кыпчакского типов: каз., казан. *мусулман* 1. 'благоверный мусульманин', 2. каз. 'татарин' и кирг., каз. 'басурман' (то же). Ср.: укр. *басурман*, *бусурман*, *бісурман* 'мусульманин'; рум. *busurman*, *musilman*; венг. *böszörmény*, *muzulmán*, *muzurmán*; польск. *bisurman*, *musulman* ¹⁸.

Соответствие *о* — *у* в языках огузского, болгарского и кыпчакского типов: каз. *борсук*; каз., тур. *борсук*, *барсук*, *бурсык*. Ср.: укр. (бук). *бурсук*; пол. *borsuk*; словац. *borsuk*; рум. *bursuk*, (*borz*, *bursuk*) ¹⁹.

Соответствие *з* — *р* в языках огузского, кыпчакского и болгарского типов (болгарский ротаизм): казан. (тур., тат., кирг., каз.) — *хуган* (чув.). Ср. венг. *harang*; рум. *haring*; венг., рум., слов., польск., укр. *kazan*.

Процесс фарингализации *к*: кум. *сукман*, *суџман*, *суман*, *суман* — рум. *sucman*, *sugman*, *suman* ²⁰.

Кроме того, тюркизмы в языки карпатского ареала проникали из внекарпатских источников: южнославянских и восточнославянских. Фонетические особенности последних также нашли свое отражение в фонетике тюркизмов, общих для языков карпатского ареала.

Следовательно, при изучении фонетики тюркизмов, общих для языков карпатского ареала необходимо учитывать следующее: 1) фонетические особенности и законо-

мерности развития наиболее вероятных тюркских источников; 2) фонетические особенности и историю языков карпатской зоны; 3) фонетические особенности внекарпатских исторических источников.

Таким образом, поскольку находящиеся в нашем распоряжении источники материалов по рассматриваемой теме дают лишь самое общее представление о семантике и распространении тюркизмов в Карпатской зоне, фонетический аспект изучения тюркизмов, общих для языков карпатского ареала, является наиболее актуальным.

- ¹ А. Ю. Крымский — украинист — ориенталист. Київ, 1974, с. 136—140.
- ² Перечислим основные из них: *Добродомов И. Г.* Проблемы изучения болгарских лексических элементов в славянских языках. М., 1974; *Макарушка О.* Словарь українських виразів, перейнятих з мов тюркських. — В кн.: Зап. наук. тов-ва ім. Шевченка, V, № 2, Львів, 1895; *Болдырев Р. В.* Некоторые вопросы историко-этимологического изучения тюркских лексических элементов украинского языка. — В кн.: Тюркизмы в восточнославянских языках. М., 1974; *Одран Р. В.* Тюркские заимствования в словацком языке. — Советская тюркология, 1974, № 4; *Blanár V.* Otazki lexikalnych turcizmov v slovenčine. — Jazykovedný časopis, 1962, N 1; *Blaškovič I.* Českoslovykyaada eski türklerin izlerin izleri. — In: Reşid Rachmeti Arat için. Ankara, 1966; *Gombocz Z.* Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. — In: Suomilais-ugrilainen seruum (toutmituksia), 30. Helsinki, 1912; *Kakuk S.* Recherches sur l'histoire de la langue osmanlie de XVI-e et XVII-e siècles. Les éléments osmanlis de la langue hongroise. Bp., 1973; *Saineanu L.* Influența orientala asupra limbii și culturai române. I—II. București, 1900; *Wendt H.* Die türkischen Elemente im Rumänischen. — In: Berliner byzantinistische Arbeiten, Bd. 12, 1960; *Zajaczkowski A.* Studia orientalistyczne z dziejów słownictwa polskiego. Wrocław, 1953.
- ³ Об исторических контактах народов Восточной Европы с тюрками существует обширная литература. См., например: *Артамонов М. А.* История хазар. Л., 1962; *Гумилев Л. Н.* Хунну. М., 1960; История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры. М., 1967; *Косев Д., Христов Х., Ангелов Д.* Кратка история на България. С., 1962; Философия и история монгольских народов. М., 1958; История Венгрии. М., 1971, т. I; История Польши. М., 1956, т. I; История Чехословакии. М., 1958, т. I; *Československá vlastivěda. P.*, 1938, Sv. VI; *Československa vlastivěda. P.*, 1963, Sv. I; *Dějiny Slovenska.* Bratislava, 1961; *Hanisch F.* Geheime Geschichte der Mongolen. Leipzig, 1941; *Istoria popotului română.* Buc., 1970; *Palacký F.* Der Mongolen Einfall im Jahre 1241. Prag, 1842; *Párducz M.* Die ethnischen Probleme der Hunnezeit in Ungarn. Bp., 1963; *Werner J.* Beiträge zur Archeologie des Attila-Reiches. München, 1956.
- ⁴ *Dekan J.* Vel'ká Morava. Doba a umenie. Bratislava, 1979, s. 69; *Přehled dějin Československa, P.*, 1980, I/1, s. 59—60.

- ⁵ *Бернштейн С. В.* Итоги работы над «Общекарпатским диалектологическим атласом» и задачи VI Международной конференции по ОКДА. — В кн.: Справочно-информационные материалы по ОКДА. М., 1978.
- ⁶ A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. I—III. Bp., 1967—1976, II, s. 55; *Tamás L.* Etymologisches Wörterbuch der ungarischen Elemente in Rumänischen. Bp., 1966.
- ⁷ A magyar. . . , II, s. 415.
- ⁸ *Zelechowski E.* Rutenisch-deutsch Wörterbuch. I—II. Lviv—Lemberg, 1886, II, s. 329; *Гринченко Б.* Словарь української мови. I—IV. Київ, 1907—1909, I, с. 743; *Макарушка О.* Словарь українських виразів. . . , с. 9.
- ⁹ A magyar. . . , I, s. 695; *Gombocz Z.* Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. In: *Suomilais-ugrilaisen seruum (toumituksia)*, 30. Helsinki, 1912; *Y. Vichmans* Wörterbuch des ungarischen Moldauer Nordesango und des Heftfauer Csangodialektes. Helsinki, 1936, s. 16; *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. P., 1957, s. 38; *Блашкович И.* Топонимы старотюркского происхождения на территории Словакии. — ВЯ, 1972, № 6; *Blandár V.* Otázky lexikálnych turcizmov v slovenčine. — *Jazykovedný časopis*, 1962, XIII, 1; *Kálal K., Kálal M.* Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. — Banská Bystrica, 1923, s. 35; *Гринченко Б.* Словарь. . . , I, с. 80.
- ¹⁰ *Gombocz Z.* Die bulgarisch. . . , s. 119; *Y. Vichmans. . .*, s. 125; *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927, s. 479; *Блашкович И.* Топонимы. . .
- ¹¹ *Cioranescu Al.* Diccionario etimológico rumano. Fasc. 1—6. Tenerife—Madrid, 1958—1961; *Прокопенко В. А.* Матеріали до словника буковинських говірок, вип. 1—4, Чернівці, 1971—1976, I.
- ¹² *Şaineanu L.* Dictionar universal limbei române. Craiova, 1908, p. 5; *Cioranescu Al.* Diccionario. . . , I, 29; *Прокопенко В. А.* Матеріали. . . I, с. 747; *Макарушка О.* Словарь. . . , с. 8.
- ¹³ *Cioranescu Al.* Diccionario. . .
- ¹⁴ A magyar. . . , I, s. 215; *Brückner A.* Słownik. . . , s. 10; *Karłowicz J.* Słownik. . . , s. 82; *Cioranescu Al.* Diccionario. . .
- ¹⁵ A magyar. . . I, s. 145; *Tamás L.* Etymologisches. . . ; *Brückner A.* Słownik. . . , s. 65; *Machek V.* Etymologický. . . , s. 25; *Zelechowski E.* Rutenisch. . . , II, s. 1670; *Макарушка О.* Словарь. . . , с. 6; *Гринченко Б.* Словарь української мови. Київ, 1927, с. 2076; *Одран Р. В.* Тюркские заимствования в словацком языке. — Советская тюркология, 1974, № 4; *Brückner A.* Słownik. . . , s. 248; *Brückner A.* Słownik. . . , s. 248; *Гринченко Б.* Словарь. . . , с. 2021.
- ¹⁷ *Gombocz Z.* Die bulgarisch. . . , s. 54; A magyar. . . , I, s. 708; *Tamás L.* Etimologisches. . .
- ¹⁸ *Cioranescu Al.* Diccionario. . . ; *Scriban A.* Dictionarul limbii româneşti. Bucureşti, 1940, p. 210; *Tiktin.* Rumänisch-deutsches Wörterbuch. I—II, 1903—1912, I, s. 246; *Kakuk S.* Recherche sur l'histoire de la langue osmanlie des XVI-e et XVII-e siècles. Les éléments osmanlis de la langue hongroise. Bp., 1973.
- ¹⁹ *Brückner A.* Słownik. . . , s. 47; *Machek V.* Etymologický. . . , s. 38; *Şaineanu L.* Dictionar. . . ; *Cioranescu Al.* Diccionario. . .
- ²⁰ *Komanische Wörterbuch.* Türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus. Kopenhagen, 1942.

А. Ю. Журавлева

НРАВСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В РОМАНЕ К. МИСАРЖА «ОКРАИНА»

70-е годы представляют собой сложный, интересный и вместе с тем пока еще мало изученный период в развитии чешской литературы. Глубокая депрессия, обусловленная общественно-политическим кризисом 1968—1969 гг., постепенно сменяется оживлением творческого процесса: в прозе и поэзии получают дальнейшее развитие традиции социалистического реализма, по-новому оценивается наследие писателей межвоенного периода, укрепляются связи с литературами социалистических стран. Критика, осмысляя противоречивый путь развития чешского искусства предшествующих лет, решает важнейшую задачу переориентации культурного фронта.

В 60-е годы определенная часть чешских писателей испытывала сильное влияние ревизионистской философии и пыталась связать свое творчество с буржуазной идеологией. Произведения некоторых авторов, особенно младшего поколения, подчас просто копировали образцы западной литературы. Основное внимание в стихах и прозе концентрировалось на раздвоенной, неудовлетворенной личности, пережившей крушение всех и всяческих идеалов. Воссоздавая на страницах романов и повестей поиски героем своего места в жизни, писатели рисовали картины, в которых жизнь современной им Чехословакии представлялась в искаженном виде. Многие книги вообще были мало связаны с реальностью социалистического государства. Подобные произведения уводили читателей от общественных конфликтов и социальных проблем к конфликтам исключительно этическим, которые к тому же решались весьма отвлеченно. Классовый подход в решении морально-нравственных проблем уступал место абстрактной трактовке. По справедливому замечанию известного чехословацкого критика Г. Грзаловой, из произведений 60-х годов «исчез человек в его отношении к обществу. Психологический натурализм выступал в комбинации с экзистен-

диалистической трактовкой человека, фатально осужденного на одиночество»¹.

70-е годы характеризуются преодолением подобных негативных явлений. Писатели вновь обращаются к изображению человека, поставленного в конкретную историческую ситуацию, реальные общественные связи. Социальный подход к оценке поступков героев и событий жизни помогает по-новому решить многие важные проблемы, в том числе и проблему поисков молодым человеком своего места в жизни. Не упрощая и не приукрашивая персонажей, многие авторы стремятся запечатлеть сложный внутренний мир нашего современника, правдиво воссоздать его порой мучительный путь к себе. При этом для писателя становится важным отразить не конечный результат, а сам процесс духовного роста молодого человека, формирование тех или иных качеств его характера. Поэтому неудивительно, что многие произведения, посвященные данной тематике, приобретают черты хорошо известного в истории литературы жанра романа воспитания.

Характеризуя классический роман воспитания, возникший в прозе XVIII в., известный исследователь литературы социалистических стран И. А. Бернштейн писала: «В классическом романе воспитания действительность изображается с точки зрения героя или в пределах круга его наблюдений и интересов. Героем классического романа воспитания в немецкой литературе обычно был бюргер, и речь шла о воспитании в нем человека, т. е. об освобождении его от той ограниченности, заземленности и скованности, которые характеризовали бюргерство в ту пору»². Конечно, было бы неверно искать в современной литературе произведения с подобным содержанием. За время своего существования роман воспитания претерпел серьезные изменения, неоднократно менялось его место в иерархии литературных жанров. Сегодня он вновь начинает играть все более заметную роль в литературном процессе. Многообразные усложнившиеся социальные и общественные отношения, определенная переоценка событий прошлого с позиций современности, острая идейная конфронтация вызывают необходимость выявления подлинных ценностей, жизненной позиции человека.

Современные писатели социалистических стран исходят из признания активности человеческой личности, ее способности своей деятельностью влиять на ход событий внешнего мира. Но и внешний мир для писателя не выступает как нечто раз и навсегда данное, он также подвер-

жен изменениям. Чем активнее человек проявляет себя как личность, тем быстрее движется история. Именно это имеют в виду современные философы-марксисты, когда говорят о возрастающей роли субъективного фактора в общественном развитии. И для писателей важно создать не две независимые друг от друга системы (общество и человек), а раскрыть их взаимное влияние, проследить, как между героем и обществом устанавливается активная двусторонняя связь.

Ярче всего подобная взаимосвязь проявляется в переломные моменты истории, когда люди оказываются в так называемой пограничной ситуации. Для современной Чехословакии событием важнейшей исторической значимости стала февральская революция 1948 г., когда решался вопрос о новой ориентации страны: Бенеш или Готвальд? Капитализм или социализм? Компромиссы в политической, экономической и социальной областях были невозможны. Люди стояли перед необходимостью выбора: либо стать на сторону прогресса, либо с неизбежностью оказаться в лагере реакции. Размежевание сил в обществе, острая борьба уносили все поверхностное, выявляя в человеке его подлинную сущность.

Уже в первое десятилетие после февральских событий 1948 г. в Чехословакии появились произведения, в которых писатели пытались отразить воздействие изменившихся социально-политических условий на мировоззрение человека.

Особое место среди них занимает роман Я. Отченашека «Гражданин Брих» (1955 г.), ставший этапным в развитии послевоенной чешской прозы. В нем писатель показал духовное перерождение человека, который вырос в буржуазном обществе и для которого его философия стала не только естественной, но и единственно возможной. Главный герой романа юрист Брих провел детство и юность в крайней бедности, познал нужду и на собственном опыте испытал несправедливость существующего строя, но революционером не стал. Более того, в определенный момент он примкнул к лагерю реакции и собрался навсегда покинуть республику. Происходящие в стране преобразования (в романе действие заканчивается в 1948 г.) страшат его. Бриху кажется, что рушится маленький мирок с таким трудом завоеванного спокойного благополучия. Лишь постепенно, путем длительных, мучительных исканий главный герой находит свое место в новой исторической действительности. В центре повествования — взрослый

человек, и все же роман с полным правом можно назвать романом воспитания в широком смысле слова: в нем речь идет о формировании в герое новых качеств под влиянием изменившихся условий жизни. Писатель говорит не столько об экономических или социально-политических преобразованиях, сколько о том, как они влияют на духовный мир людей. В произведении Я. Отченашека мы видим историю, показанную сквозь призму духовного перерождения главного героя.

Тема влияния революционных преобразований на внутренний мир человека вновь оказалась в центре внимания писателей в 70-е годы. Они обратились к событиям прошлых лет в поисках тех нравственных ценностей, которые могли стать ориентиром для их современников. Среди многочисленных произведений того периода, посвященных данной проблематике (Я. Коларова «Мой мальчик и я»; Й. Кадлец «Мир, полный надежд», «Двойной свет»; Л. Фукс «Возвращение с ржаного поля», и др.), обращает на себя внимание роман К. Мисаржа «Окраина» (1977).

Карел Мисарж (р. 1934) вошел в литературу в 60-е годы, когда появился его сборник «У нас царит спокойствие» (1964). Свободно связанные между собой рассказы изображали жизнь маленького провинциального городка с кануна второй мировой войны до начала 60-х годов. Автор с вниманием и любовью описывал жизнь простых людей, искренних в радости и невзгодах, но там, где он говорил о трусости и душевной черствости обывателя, в его голосе слышалась едкая ирония. Обличение мещанского счастья по сути дела и было лейтмотивом всей книги.

Проблема подлинного и мнимого благополучия, жизненного успеха, поставленная К. Мисаржем в сборнике «У нас царит спокойствие», обрела большую глубину в романе «Окраина», который во многом продолжает его направленность. О. Малевич в предисловии к русскому изданию романа, сравнивая две книги, указывает на наличие связи между отдельными сюжетными линиями произведений, что позволяет сделать вывод о существовании единой автобиографической основы. Подобное предположение подтверждается и высказыванием самого писателя: «Литературное произведение должно сохранять определенную долю субъективного видения, но одновременно должно обобщать»³.

В романе рассказывается о судьбе сына батрачки и рабочего Франтишека Шандера: его детстве, учебе в гимназии и в институте в Праге, вступлении в самостоятель-

ную жизнь. Автор стремится раскрыть процесс духовного возмужания мальчика, преодоления им комплекса неполноценности, если так можно сказать — «периферийности». Противоречивый путь становления Франтишека как личности показан писателем очень тонко, во всей его сложности. Не однажды главный герой оказывается перед необходимостью выбора, и далеко не всегда он принимает правильное решение. Правда, нигде в тексте мы не встретим прямого осуждения или порицания. Автор намеренно избегает нравоучительного тона, не дает готовых оценок и советов, более того, разоблачение ошибочных взглядов не выявлено в сюжете. Писатель предоставляет читателю самому делать выводы, расставляя соответствующие акценты. Последнему помогает авторская ирония. В произведении она имеет несколько оттенков. По словам О. Малевича, это «ирония взрослого человека над неисклонностью детства и юности (рассказывая о Франтишеке, автор, вероятно, не раз вспоминает самого себя). Это также ирония над теми поступками, которые окажутся неоправданными в свете исторической перспективы (вся затея Шандеров со строительством семейного домика). Но главное — это ирония над общественными предрассудками, над всякого рода стереотипами в мышлении и поведении, над «модой» в самом широком смысле слова»⁴. Об этом следует помнить, так как иначе может показаться странным, что у совсем юного Франтишека, от лица которого ведется повествование, появляются интонации взрослого человека. Как правило, писатель отбирает слово у главного героя тогда, когда становится необходимым рассказать о событиях, смысл которых еще не понятен Франтишеку. Описание главного героя часто также дается в ироническом ключе.

Роман густо населен различными персонажами. Создавая тот или иной образ, К. Мисарж тщательно проследивает эволюцию его внутреннего мира. Одни, подобно Франтишеку Шандеру, развиваются, растут духовно, другие же окончательно развенчивают себя в глазах читателя. Каждый из героев произведения по-разному оценивает происходящие в Чехословакии события и сообразно своему мировоззрению определяет место и степень участия в них. Поступки одних направлены на достижение мещанского благополучия: для Яна Линдера (дяди из Праги), Яна Моравца в конечном счете смысл жизни состоит в том, чтобы побольше взять от молодой республики, ничего не давая ей взамен, повыгоднее устроиться в новых условиях,

оградить себя от забот и волнений большого мира. Но свои симпатии автор отдает тем, кто не мыслит жизни без созидательного труда. Таковы родители Франтишека, сам главный герой, его жена Квета, тетка из Франции и другие второстепенные персонажи романа. Положительные герои далеки от проповеди аскетизма. Внешне их жизнь также не лишена стремления достичь личного счастья, построить уютный дом, получить хорошую работу. Разница заключается в том, что в их деятельности выдвигается на первый план. Если Ян Моравец, Ян Линдер и им подобные герои отказываются от высоких целей ради сытого спокойствия, то Франтишек Шандер, тетка из Франции, Квета находят свое счастье в служении людям.

Различный подход к пониманию смысла жизни определяет систему персонажей, обуславливает наличие двух противостоящих друг другу группировок. Своеобразие такого построения заключается в том, что разные по своим взглядам герои оказываются тесно связанными родственными и дружескими отношениями, поэтому противопоставление не всегда выявляется во внешних столкновениях: борьба носит характер внутренней нравственной конфронтации. Так, в романе противопоставлены Франтишек Шандер и Ян Моравец, первая любовь Франтишека и его жена Квета, тетка из Франции и дядя, владелец маленькой лавочки на Градчанах.

С главным героем романа читатель впервые встречается, когда Франтишеку всего тринадцать лет. Он часто оказывается не в состоянии постичь суть происходящих в стране перемен, но остро чувствует фальшь и обман людей, которые пытаются приспособиться к ним. Авторская ирония, направленная против подобных «приверженцев» нового строя, помогает читателю понять, почему у Франтишека рождается ощущение того, что окружающие его взрослые постоянно играют в непонятную игру, втянутым в которую оказывается и он. Заведующий начальной школой пан Заградничек, «верный прислужник аграрной элиты времен первой республики, затем лояльный гражданин протектората и, наконец, несколько старомодный патриот, подвизающийся на ниве просвещения», чувствует изменение политического климата в стране и пытается оградить себя от возможных претензий со стороны нового правительства тем, что направляет мальчика из бедной семьи в привилегированную гимназию имени Бенеша в Праге. Франтишек оказывается в одиночестве, окруженный детьми из обеспеченных семей, и вынужден противо-

стоять козням не только учеников, но и учителей. В гимназии господствует дух преклонения перед англо-американскими союзническими войсками. Среди учеников культивируется идеал «правильного» мальчика, к которому стремится большинство гимназистов. Они видят во Франтишке, который, само собой разумеется, попадает в число «неправильных» мальчиков, не просто ученика из бедной семьи: для них он представитель класса, поднявшегося против устоявшегося порядка вещей, в частности против понятного им разделения на «правильных» и «неправильных» мальчиков. Но для самого Франтишка все далеко не так ясно. С одной стороны, ему претят подобный образ мыслей и идеалы, с другой — он постоянно чувствует стыд за своих родителей, за себя, за те условия, в которых живет. В нем постоянно присутствует и развивается комплекс «мальчика с периферии».

Внутреннюю неуверенность Франтишка укрепляет и его дружба с Яном Моравцем, который оказывает на главного героя большое влияние. Обеспеченная, сытая, спокойная жизнь в доме, где каждая комната выдержана в определенном стиле, заставляет Франтишка еще больше стыдиться убогости жилища своих родителей, примитивности их существования. И все же он далек от того, чтобы восхищаться новым другом или подражать ему. Уже в первое посещение дома Моравцев главного героя поражает неискренняя атмосфера, которая там царит. С нескрываемым удивлением он видит среди дорогих безделушек и старинной мебели большой, не слишком художественно исполненный портрет Клементя Готвальда. Квартира кажется Франтишкеку недостойной «портрета человека, ставшего для него символом гибели старого мира, распада фронта ненавистных деревенских богатеев и скоробогачей». Он даже просит Яна Моравца объяснить, зачем здесь этот портрет, но в ответ слышит: «Так надо». Разница в понимании реалий нового мира объясняется отношением молодых людей к жизни, которое формируется у них уже на этом этапе. Если Франтишка характеризуют честность и искренность, то Ян Моравец часто прибегает к помощи полуправды, выступает в роли соглашателя. Это проявляется и в их дальнейшей судьбе. Франтишек вырастает в активного, бескорыстного участника тех событий, которые происходят в стране, Ян Моравец, наоборот, использует новую власть только в личных интересах.

Хотя внешне поступки друзей выглядят почти одинаково (они вместе заканчивают одну и ту же гимназию, а затем

институт, едут работать в пограничье), они обусловлены разными причинами. Напомним следующий эпизод: Яну Моравцу отец дарит машину, которой он пользуется наравне с Франтишекком. Для Яна — это способ уменьшить «размеры собственности» и избежать ненужных вопросов, Франтишеку же роль совладельца помогает «не чувствовать себя приживалкой». Разными причинами обусловлено решение друзей уехать работать в пограничье. Яна Моравца распределяют на химический завод в отдаленный район, но он не собирается там оставаться и принимает назначение как временное. Работа на периферии представляется ему прозябанием, ибо только в Праге, по его мнению, кипит настоящая жизнь. Оправдываясь перед Франтишекком за свое решение вернуться в столицу, где его уже ждет кооперативная квартира, он говорит: «Никто мне здесь ничего не дал. Я никому не должен. Никому не обязан . . . Что же дает мне этот завод? Возможность провести лучшие годы здесь, в доме, где мне ничего не принадлежит?» Стремясь найти свое место в жизни, он выбирает столицу, работа как таковая его вообще не интересует.

Иначе складывается судьба Франтишека Шандера. Он отказался от места ассистента на кафедре института в Праге, чтобы не расставаться с другом. Но, приехав по распределению на тот же завод, уже не может, не имеет права вернуться назад. Он понимает, что судьба страны решается не только в столице, но и здесь, в пограничье. Не пассивное ожидание лучших перемен, а активное участие в строительстве социализма — вот что в конечном счете выбирает герой. Отвечая на вопрос друга, он говорит: «О том, что будет дальше, мы с тобой спрашиваем порозному. Я спрашиваю себя: что я могут сделать для других?». Как высшее доверие людей принимает Франтишек Шандер предложение стать членом городского Национального комитета. Связав свое будущее с судьбой пограничного края республики, он находит то настоящее в жизни, что позволяет ему сознательно выполнить долг гражданина и человека.

К сожалению, последняя часть романа написана несколько слабее, чем предыдущие. Это, в частности, отмечает известный специалист в области чехословацкой литературы С. А. Шерлаимова: «Облегченной в романе выглядит только его концовка, когда Франтишек получает сразу и хорошую работу, и признание коллектива, и идеально подходящую ему жену Квету»⁵. Действительно,

если процесс духовного роста главного героя раскрыт во всей сложности и противоречивости, то его завершение выглядит несколько поспешным. И все же изменения во внутреннем мире героя не являются чем-то неожиданным; они обусловлены его предшествующей жизнью: вначале школа, затем гимназия, встречи с различными людьми помогли главному герою разобраться во многих явлениях жизни.

Ярким примером лицемерия и ханжества для Франтишека стало поведение многих учителей: преподавателя биологии, который каждый урок посылал проклятия в адрес буржуазии, а на деле оказался бывшим агентом гестапо; молоденькой классной руководительницы, начинавшей до 1948 г. уроки с пения американской песенки «Путь далек до Трипперери», а потом потребовавшей, чтобы ее ученики выучили наизусть «Сулико». Не менее странной выглядит и ее просьба принести справку, подтверждающую участие Франтишека в праздновании 1 Мая, хотя раньше участие в демонстрациях, организуемых партией рабочего класса, строго запрещалось. Эти люди не выступали открыто против новой власти, но они не изменили ни своих убеждений, ни политических симпатий и лишь выжидали удобного случая, чтобы вернуть старые порядки. Именно поэтому директору гимназии легче совместить свое «научное» мировоззрение с религиозной демагогией, царящей в архиепископской семинарии, чем встать на сторону рабочего класса. «Перед нами две возможности, — заявил он педагогическому коллективу, — это остаться и сотрудничать, ежедневно, ежечасно предавая себя, или уйти. Коммунизм противоречит моему научному мировоззрению, и поэтому я ухожу».

Не подходит для Франтишека и та жизнь, которую ведет его дядя Ян Линдер, полностью разоблачивший себя в глазах главного героя. Мелкий лавочник времен первой Чехословацкой республики, он в трудные послевоенные годы занялся спекуляцией. Учитывая нехватку продовольствия в столице, он ездил в деревню обменивать мелкие безделушки на мешки слив, абрикосов и яблок. Революционные преобразования в стране после 1948 г., лишив Яна Линдера его лавчонки, не смогли изменить его взгляды на жизнь. Уже в новой социалистической Чехословакии он продолжает свой подпольный «бизнес», даже в более крупном масштабе. Если раньше его интересовало продовольствие, то теперь он использует дефицит отдельных промышленных товаров и скупает у иностранцев партии

плащей и зажигалок. Ян Линдер — типичный ловкий предприниматель, осторожный приспособленец. Хотя в романе он и не попадает в руки правосудия, его моральное осуждение со стороны писателя очевидно. Автор словно спрашивает читателя, что же будет делать Ян Линдер, когда внутренний рынок страны через несколько лет «будет завален болоньей и зажигалками». Да и Франтишек перестает верить дяде.

Явно осуждает главный герой и мужа своей сестры. Выросший в семье рабочего, он тем не менее не смог преодолеть в себе желание жить тихой и спокойной жизнью равнодушного ко всему человека. Так же как Моравец и Линдер, новый родственник Шандеров предпочитает мещанское благополучие пусть не всегда легкому, но зато активному творческому счастью трудящегося человека.

Примером совершенно иного отношения к жизни становится для Франтишека его тетка из Франции. Полемизируя с современным читателем, для которого понятие «родственника из-за границы» связано с шикарными автомобилями и богатыми подарками, К. Мисарж создает образ коммунистки, вынужденной в поисках работы уехать из родной страны еще в 20-е годы. Она вернулась в Чехословакию после войны, не накопив на чужбине ни имущества, ни денег. Тетка из Франции — веселый, неунывающий человек, который, несмотря на все трудности и невзгоды, выпавшие на ее долю, твердо верит в лучшее будущее. Счастливая жизнь для нее, старой коммунистки, неразрывно связана с социализмом. И пусть в ее взглядах на новое общество много наивного, иногда даже утопического, тем не менее ее вера поддерживает людей, укрепляет и в них веру в возможное счастье. В этом образе, по мнению С. А. Шерлаимовой, отразилась интересная черта литературы 70-х годов: В «поисках позитивных качеств, необходимых современному человеку, писатели обращаются нередко к первому послевоенному десятилетию. При всех невероятных трудностях начального периода строительства основ социализма, при всех допущенных тогда ошибках и просчетах это было время энтузиастов, людей смелых и самоотверженных»⁶. Тетка из Франции оказывается самым близким по духу персонажем Франтишеку Шандеру, несмотря на кажущуюся несхожесть их характеров.

Создавая на страницах романа целую галерею разнообразных героев, автор знакомит читателя с разными взглядами на жизнь, на счастье и успех. Только Франтишек Шандер, Квета, тетка из Франции оказываются,

по его мнению, действительно счастливыми людьми, поскольку живут не для себя, не для своих удовольствий и не ради выгоды, а для людей. Ян Моравец, Ян Линдер, хотя и достигают довольно высокого уровня материального благополучия, оказываются глубоко несчастными: они обречены всю жизнь гнаться за призрачным потребительским счастьем, испытывая постоянное разочарование и завистливые мучения.

Своим романом К. Мисарж утверждает ценность активной жизненной позиции человека социалистического общества. Изображая процесс нравственного мужания героев, писатель полемизирует с теми авторами 60-х годов, которые рассматривали время после 1948 г. как «черный период» в истории Чехословакии, показывает, что именно новая историческая ситуация создала необходимые условия для того, чтобы Франтишек стал личностью в полном смысле этого слова. Франтишек, так же как в свое время гражданин Брех, преодолел надломленность, чувство неполноценности, сделав после трудных исканий правильный выбор.

Так в романе К. Мисаржа получили развитие лучшие традиции чешской прозы 50-х годов. Вместе с тем «Окраина» — роман, теснейшим образом связанный с современностью и ее нравственными проблемами, вносящий вклад в их решение с позиций социализма.

- ¹ Грзалова Г. Современный облик чешской литературы. — В кн.: Современная литература Чехословакии в контексте европейских социалистических стран. М., 1981, с. 81.
- ² Бернштейн И. А. Эпос обновления жизни. М., 1982, с. 150.
- ³ Československý voják, 1978, č. 3.
- ⁴ Мисарж К. Окраина. Предисл. О. Малевича. М., 1980, с. 11.
- ⁵ Шерлаимова С. А. Утверждение реального гуманизма (Роман в современных литературах европейских социалистических стран). М., 1980, с. 21.
- ⁶ Там же, с. 20.

ЙОЖЕФ ДАРВАШ
И ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННОЕ ТЕЧЕНИЕ
«НАРОДНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ»

Становление и развитие венгерской социалистической литературы неразрывно связано с именем выдающегося прозаика, драматурга и публициста Йозефа Дарваша (1912—1973), автора многих романов, пьес, создателя крупных литературно-публицистических (социографических) произведений о жизни Венгрии в межвоенный период, несколько публицистических сборников.

Велика заслуга Дарваша в формировании культуры социалистической Венгрии. На протяжении ряда послевоенных лет он исполнял обязанности министра народного образования и министра культуры, был зачинателем движения «За читающий народ». Нельзя недооценивать и большой труд писателя по сплочению литературных сил страны. С 1951 по 1953 г. и с 1959 г. до конца жизни он был председателем Союза венгерских писателей. За свою литературную деятельность Дарваш дважды удостоен высшей награды страны для деятелей культуры — премии им. Кошута.

Творческое наследие Й. Дарваша — это достояние не только венгерской национальной литературы, но и яркое самобытное явление мирового литературного процесса. В его художественных и публицистических произведениях органично сочетаются традиции национальной классики и новой социалистической литературы.

Дарваш был одним из немногих писателей Венгрии межвоенного периода, кто в своем творчестве последовательно пропагандировал идеи социальной справедливости и революционных преобразований. Уже в первых романах он подвергал безжалостному разоблачению фашистскую диктатуру Хорти, следствием которой было «3 миллиона венгерских нищих»¹.

Начало общественной и литературной деятельности Дарваша относится к первой половине 30-х годов. В 1932 г. после окончания педагогического училища, не получив учительского места, будущий писатель приезжает в Будапешт. Вскоре он налаживает контакты с участниками коммунистического студенческого движения и начинает активно с ними сотрудничать. В следующем году Дар-

ваша арестовывают и высылают в Орошхазу под надзор полиции. Проработав некоторое время подсобным рабочим, Й. Дарваш нелегально возвращается в столицу и начинает работу над своим первым романом «Черный хлеб», сотрудничает в прогрессивной периодической печати. Бедность, нищета, постоянная борьба за кусок хлеба сопровождали писателя в детстве и юности, поэтому логичен был приход Дарваша к коммунистам, к социалистическим идеалам. Много позже сам писатель скажет: «Коммунистом меня сделала судьба моей матери, простой крестьянки».

Годы духовного созревания Й. Дарваша совпали со сложным и противоречивым периодом в экономической, политической и духовной жизни Венгрии. Несомненно, что эти противоречия наложили определенный отпечаток на молодое поколение венгерской интеллигенции, к которому относился и Дарваш. Поиски собственного пути привели его в ряды «народных писателей», которые серьезно заявили о себе к середине 30-х годов созданием ряда значительных произведений о крестьянстве. Многие из этих писателей — Д. Ийеш, Л. Немет, П. Вереш, как и Й. Дарваш, стали впоследствии гордостью национальной венгерской литературы.

Термин «народные писатели» прочно утвердился в венгерском литературоведении. На наш взгляд, при всей своей условности он верно определяет, с одной стороны, тематику их произведений — народную, т. е. крестьянскую, поскольку самым многочисленным классом Венгрии того периода было крестьянство, и, во-вторых, их социальную принадлежность — подавляющее большинство членов этого течения были выходцами из деревни.

Предысторию литературного течения «народных писателей», сыгравшего важную роль в духовной жизни Венгрии межвоенного периода, в значительной мере повлиявшего на формирование общественного мнения того времени, следует искать в движении исследователей деревни. Оно оформилось к середине 20-х годов, когда венгерская интеллигенция пополнялась представителями нового поколения, не принимавшего непосредственного участия ни в буржуазно-демократической революции 1918 г., ни в создании Венгерской Советской Республики. Пора их духовного становления совпала с мрачным периодом фашистской диктатуры Хорти.

Хортистский режим возвел национализм в ранг государственной политики. Все средства пропаганды были

направлены на то, чтобы воспитать в молодом поколении венгров убеждение в исключительности своей нации, ее особом положении, лояльности по отношению к существующему строю. Постоянное заигрывание с молодежью, привлечение ее на сторону режима выразилось в терпимости властей к существованию кружков и групп молодых представителей интеллигенции, не имевших какой-либо политической программы, одержимых идеями «защиты» венгерской нации, олицетворением которой стал для них абстрактный образ крестьянина — носителя некоего «особого венгерского духа». Участники этих кружков — студенты, фольклористы, экономисты, журналисты, — отправляясь на поиски «народной» Венгрии, ставили перед собой такие цели, как выяснение экономического и социального положения крестьянства, его проблем, нужд, ознакомление с бытом и культурой венгерского села. Именно из этих кружков и групп выросло движение исследователей деревни. Его участники, в подавляющем большинстве потомственные интеллигенты или выходцы из городской среды, сочувствовали крестьянству, но его проблемы зачастую были им непонятны. Однако эта прогрессивная молодежь внесла большой вклад в пробуждение общественного сознания, заострение его внимания к проблемам крестьянства, к национальным народным традициям.

Можно утверждать, что именно движение исследователей деревни подготовило венгерское общественное мнение к восприятию социографии — совершенно нового литературного жанра, родоначальниками которого стали «народные писатели».

Молодые прогрессивные литераторы, вдохновленные пробудившимся общественным интересом к их родной стихии — венгерской деревне, в свою очередь создают произведения о жизни крестьянства, основываясь, как правило, на автобиографическом материале (Д. Ийеш — «Люли пушты», Й. Дарваш — «История одной крестьянской семьи», Г. Фея — «Вихоршарок»), зачастую используя и социологические данные. Объединенные общим интересом к жизни крестьянства, они образуют течение «народных писателей», поставивших своей целью способствовать демократическому решению аграрного вопроса, экономическому и социальному улучшению положения венгерского крестьянства. В отличие от участников движения исследователей деревни, которые описывали увиденное с научной точностью и последовательностью, стре-

мясь к максимальной объективности, «народные писатели», излагая ту или иную проблему села, в первую очередь отталкивались от личных впечатлений и чувств. Если для многих исследователей деревни «хождение в народ» явилось быстротечной модой, то почти для всех «народных писателей» интерес к крестьянской тематике стал основным, а нередко и единственным в их творчестве (П. Вереш, П. Сабо).

Течение «народных писателей» объединяло многих литераторов, стоявших на различных идейных позициях. Д. Ийеш, Я. Кодолани, а позже Ф. Эрдеи и Й. Дарваш поддерживали контакты с революционным рабочим движением и нелегальной коммунистической партией. Д. Шаркёзи и Л. Сабо примыкали к группировке, сложившейся вокруг журнала «Нюгат», выдвигавшей лозунг «искусство для искусства». Стронниками аграрной политики Байчи—Жилински были П. Сабо и Г. Фея. Однако всех этих писателей объединяло стремление к улучшению жизни венгерского крестьянства, развитию народного образования, сохранению национальной культуры.

В своем развитии течение «народных писателей» пережило несколько этапов. Первый относится к началу 30-х годов. В это время формируется основной состав его участников, определяются цели и задачи, складываются основные эстетические и общественно-политические принципы. Появляется несколько журналов, редакторами и издателями которых стали представители течения. В 1932 г. Л. Немет начал издавать журнал «Тану» («Свидетель»), единственным автором которого являлся он сам. В 1934 г. были основаны два демократических журнала — «Валас» («Ответ») и «Мадярорсаг» («Венгрия»), предоставлявшие свои страницы не только «народным писателям», но и всем прогрессивно настроенным общественным деятелям. Именно в этих журналах появляются общественно-политические и литературные статьи программного значения.

На формирование идеологии многих представителей течения в тот период оказала влияние националистическая концепция писателя и философа Деже Сабо, проповедовавшего идею особого, «срединного» пути венгерского народа, которому якобы «одинаково чужды и либерализм, и капитализм, и социализм»². Главным в этой концепции был безграничный культ венгерского крестьянства как древней и могучей национальной силы. Но действительность, с которой сталкивались «народные писатели»,

убеждала их в том, что крестьянство, как и все венгерское общество, раздирают противоречия. Аграрная политика правящих классов, с одной стороны, укрепила кулачество — основную экономическую опору хортистского режима, а с другой — привела к дальнейшему обеднению венгерского крестьянства. Представления о крестьянстве как единой национальной силе постепенно рассеивались.

Середина 30-х годов — период расцвета творчества «народных писателей». Именно в эти годы они объективно, наиболее близко подошли к тому, чтобы отказаться от мысли о «третьем пути», отбросить идеи национализма и способствовать рабоче-крестьянскому союзу. Временное выдвижение демократических и антифашистских тенденций на передний край борьбы наиболее четко сформулировано в программе так называемого Мартовского фронта (1937), выдвинувшей требования радикальной земельной реформы, свободы слова, печати, собраний и организаций, всеобщего избирательного права при тайном голосовании. В результате участия коммунистов Мартовский фронт стал зачаточной формой антифашистского фронта в Венгрии. Идейный рост «народных писателей» способствовал их творческому расцвету. В этот период создаются лучшие социографические произведения, несшие огромный критический заряд, направленный против хортистского режима.

В годы, непосредственно предшествовавшие второй мировой войне, на поверхность вновь всплывают идеи третьего, «срединного» пути, лозунги «ни марксизма, ни фашизма». Наступает трудный и противоречивый период в развитии «народных писателей». Наиболее последовательно на протяжении всей истории течения его левое крыло представляли Й. Дарваш, Ф. Эрдеи, П. Вереш. В своих социографических и художественных произведениях они и в предвоенные, и в военные годы сохраняли и развивали все лучшее, что было достигнуто представителями течения за предыдущий период: верность реалистическому методу изображения, веру в лучшую народную долю, в социалистическое преобразование венгерского общества. Дарваш и Эрдеи приходят к участию в антифашистском движении Сопротивления. В документе Рабочей группы по вопросам культуры при ЦК ВСРП «О народных писателях» (1957) говорилось: «Малочисленна эта группа, но ее историческое значение велико»³.

Центральное место в этой группе занимал Йозеф Дарваш, единственный среди «народных писателей» не

отрицавший, а настойчиво пропагандировавший союз рабочего класса и крестьянства. «Мое происхождение, мои основные наблюдения и впечатления о жизни и судьбе беднейшего крестьянства легли в основу моих произведений, но я знал, что освобождение крестьянства станет возможным только после победы пролетариата», — писал он в начале своего творческого пути⁴.

Первый роман Й. Дарваша «Черный хлеб» был написан в 1934 г. Момент его выхода в свет писатель считал началом своей литературной деятельности, несмотря на то, что уже в училище он пробовал писать стихи и некоторые из них печатались в местных газетах. Приступив к созданию «Черного хлеба», Дарваш всеми силами стремился освободиться от влияния Д. Сабо, который был его кумиром в студенческие годы, разрушить псевдоромантический культ венгерского крестьянства. Желание отразить подлинное положение дел в венгерской деревне 30-х годов, показать неоднородность крестьянства руководило Дарвашем во время работы над романом. Следует отметить, что способы изображения действительности были выбраны писателем не всегда удачно. Порой страницы романа изобилуют натуралистическими деталями крестьянского быта, описание отдельных событий напоминает протокол судебного заседания, в котором только констатируются факты или передаются высказывания действующих лиц. Позднее в предисловии к одному из переизданий книги Дарваш отмечал, что его горячее желание освободиться от воздействия Д. Сабо привело к тому, что «стиль романа получился весьма пуританским, а весь роман в целом — сухо-жестким»⁵. Но, несмотря на многие недостатки, первое произведение писателя стало, несомненно, заметным явлением в литературе начала 30-х годов благодаря правдивости описываемых событий, острой постановке насущных проблем венгерского беднейшего крестьянства, горячей заинтересованности автора в улучшении и преобразовании деревни. Первый роман Дарваша знаменателен и появлением любимого персонажа писателя — интеллигента, вышедшего из крестьянской среды, вставшего на защиту своего народа. Тема верности крестьянству, народу будет постоянно присутствовать в произведениях Й. Дарваша на протяжении всего творческого пути.

«Черный хлеб» вызвал отклики в венгерских литературных кругах. Выдающийся писатель-реалист Ж. Мориц отмечал, что роман Дарваша, показавший беспро-

светную жизнь беднейшего крестьянства, открыл в венгерской литературе новую страницу⁶. «Народные писатели» приветствовали появление собрата по перу и по духу.

Вторым произведением Дарваша, увидевшем свет в 1934 г., стал роман «От Крещенья до Нового года» о жизни молодого батрака на кулацком хуторе. Назначение своей новой книги писатель видел «не в создании потрясающего документа нищеты, а в изображении подлинной жизни реально существовавших людей»⁷ и постепенного пробуждения у них чувства человеческого достоинства.

Роман «От Крещенья до Нового года» был написан Дарвашем непосредственно после книги «Черный хлеб» и стал в какой-то мере ее продолжением. Если первый рассказывал в основном о жизни и быте целой деревни, то второй посвящался судьбе одного из многих тысяч венгерских крестьян, вынужденных ежегодно наниматься на работу к сельским богатым. Жизнь героя романа Шандора Дарваш хорошо знал с детства: его отец, старшие братья, односельчане батрачили у кулаков, да и самому писателю была уготована подобная судьба.

«Черный хлеб» ошеломил читателей страшными подробностями жизни крестьянской бедноты, а роман «От Крещенья до Нового года» потрясал естественностью из года в год повторяющейся борьбы за существование, которую герой и его односельчане считали данной раз и навсегда. От этого несправедливость и жестокость подобной жизни становилась для читателей еще очевидней и страшней. Тонко чувствуя психологию своего героя, Дарваш показал постепенную эволюцию в сознании Шандора. Поначалу его только коробят слова хозяина, что «слуга молчит, когда говорит хозяин. Он глух и нем». Пройдя через унижения и оскорбления в поисках лучшей доли, Шандор приходит к заключению: «Если нам надоела такая жизнь, мы сами должны ее изменить». Чтобы разобраться во всех мучительных вопросах, Шандору необходим умный и внимательный советчик, друг. Поиски учителя жизни — характерная сюжетная линия во многих произведениях Дарваша.

Первые романы писателя отразили его своеобразный литературный талант, для которого были характерны приверженность прогрессивным социальным идеалам, глубокая вера в свой народ, публицистическая манера изложения. Важную роль в становлении характера течения

«народных писателей» сыграли социографические произведения Й. Дарваша «Самое большое венгерское село» и «История одной крестьянской семьи».

Социография была новым жанром в венгерской литературе, представляющем, по меткому определению Дарваша, «переплетение социологического анализа, «сухой» статистики, бесстрастного, объективистского документализма и импрессионистического репортажа, субъективной лиричности, свободного, философского эссе, политической публицистики — все это в самых разных пропорциях»⁸. Цель социографических произведений была одна — привлечь внимание широких кругов венгерского общества к нищете, отсталости и несправедливости крестьянства. В 1937 г. увидела свет первая социография Дарваша «Самое большое венгерское село». Создавая это произведение, писатель поставил перед собой сложную задачу — показать деревню изнутри, глазами сельского жителя, прожившего большую часть жизни в деревне, с марксистских позиций вскрыть глубинные корни социально-экономических изменений, происходивших в 30-е годы в венгерском селе. Дарваш считал, что его произведение должно отражать объективное положение дел в деревне. Для этого он стремился хотя бы в общих чертах обрисовать исторический путь живущих в Орошхазе людей, сознавая, что понимание современных проблем и перспектив дальнейшего развития венгерского общества возможно только с учетом прошлого. Подробно останавливаясь на истории села Орошхазы с момента его возникновения в первой половине XVII в., Дарваш прослеживает прежде всего процесс расслоения крестьянства, появление бедняков и богатеев-кулаков. Диалектическое отношение к этому сложному явлению отличало Дарваша от многих «народных писателей». И в художественных, и в публицистических произведениях уже в начале своего творческого пути Дарваш постоянно подчеркивал различия в мировоззрении беднейшего крестьянства и кулачества.

Несмотря на намеренный отказ писателя от изложения личных впечатлений, рассказ о жизни родного села пронизан горечью и состраданием к односельчанам-батракам. Дарваш отмечал в этой социографии, что крестьяне больше не верят обещаниям властей разрешить земельный вопрос. Если раньше они с надеждой встречали каждое подобное заявление, то теперь положение изменилось, ибо изменился сам крестьянин: после стольких лет беспросветной нужды он уже ни во что не верит.

Следующее социографическое произведение писателя — «История одной крестьянской семьи» (1939) носит более личный, лирический характер, представляет не только документальную, но и художественную ценность. Описывая историю собственной семьи, Дарваш стремился исследовать и показать законы развития общества, прежде всего на примере судеб своих предков, членов своей семьи. Писатель далек от идеализации крестьянства, характерной для произведений многих «народных писателей», С горечью он пишет о том, что национально-освободительная революция 1948 г. почти не оставила следа в жизни венгерской деревни: крестьяне в подавляющем большинстве не сочувствовали ей.

Жизненная цель любого крестьянина, имеющая глубокие исторические корни, сводилась к тому, чтобы любой ценой приобрести как можно больше земли. Дарваш, родившийся и воспитанный в крестьянской среде, пытался показать и объяснить ошибочность подобных стремлений. Понятие верности своему классу для Дарваша означало борьбу за улучшение его судьбы, просвещение крестьянства, а не слепое разделение его целей и убеждений, как понимали это многие из «народных писателей».

В то время, когда создавалась социография «История одной крестьянской семьи», «мир, — по словам самого Дарваша, — выглядел все более страшно и темно». Гитлеровская Германия открыто готовилась к переделу мира, усиливался террор в самой Венгрии: Коммунистическая партия была загнана в глубокое подполье. Нужна была незаурядная смелость, чтобы создать произведение, в котором были бы обнажены исторические корни современных противоречий хортистской Венгрии.

«История одной крестьянской семьи» представляла собой, с одной стороны, сплав исторического исследования и объективной художественной правды, а с другой — субъективную авторскую оценку событий. История семьи Кабошей по существу — история венгерского трудового народа. Среди членов этой семьи не было ни исключительных личностей, ни героев: это обыкновенные люди со своими горестями и радостями, нуждой и изнурительным трудом на протяжении всей жизни. Дарваш прослеживает почти двухсотлетнюю историю своей семьи, возникновение прослойки сельскохозяйственных рабочих, зарождение и становление аграрного движения. Автор показал, как складывались социальные идеалы крестьянства. Большая часть книги посвящена жизни венгерского крестьян-

ства в 30-е годы XX в. Рассказывая о судьбах матери, братьев, сестер и других близких родственников, Дарваш воссоздал точную, правдивую, прочувствованную картину венгерской деревни этого периода. Тяжелый, изнуряющий труд с единственной целью прокормить своих детей — вот что было главным в жизни членов его семьи — типичных представителей беднейшего крестьянства Венгрии. Вечная нужда коверкала человеческий характер, а порой и «полностью деморализовала крестьян, они теряли веру в труд»⁹. Общая черта венгерской деревни 30-х годов, отмечал Дарваш в «Истории одной венгерской семьи», — бегство от непосильного крестьянского труда. Быть кем угодно: подмастерьем, шахтером, просто безработным, но только в городе. Среди родственников Дарваша были незаурядные личности, пытавшиеся разорвать оковы жалкого существования, но многовековая крестьянская судьба не просто отпускала человека. «Я был единственным из своих родственников, кто смог окончательно разорвать классовые путы и подняться на более высокую ступеньку социальной лестницы», — писал о себе Дарваш¹⁰.

Венгерские буржуазные критики пытались поставить под сомнение общественную значимость книги и трактовали ее как историю всего лишь одной семьи. Они утверждали, что это произведение только тогда стало бы обобщающе-социографическим, если бы Дарваш предварительно исследовал судьбы многих тысяч крестьянских семей, а не одной. Следует отметить, что при написании «Истории одной крестьянской семьи» автор использовал не только собственный опыт и наблюдения, но и научные данные и выводы известных венгерских прогрессивных деятелей М. Танчича, Э. Сабо, Й. Такача. Поэтому книга явилась не только достоянием социологии и истории, но и выдающимся произведением художественной литературы, одним из высших достижений венгерской социологии.

Йожеф Дарваш в межвоенной литературе Венгрии был одним из немногих писателей, чья убежденность в необходимости борьбы за революционно-демократические принципы и гражданственность наиболее ярко проявились как в художественном творчестве, так и в его общественно-политической деятельности.

- ¹ История Венгрии. М., 1974, т. 3, с. 235.
- ² A magyar irodalom története. Budapest, 1966, v. VI, 192. old.
- ³ A népi irókról. Az MSZMP KB-a mellett működő kulturális elméleti munkaközösség állásfoglalása. — Tórsadalmi Szemle, 1958, 6. sz., 36—69. old.
- ⁴ Darvas J. A legnagyobb magyar falu. Budapest, 1969, 9. old.
- ⁵ Darvas J. Fekete kenyér, Vizkeresztől Szilveszterig, Máról holnapra. Budapest, 1966, 378. old.
- ⁶ Darvas J. Egy paraszt család története. Budapest, 1955, 107. old.
- ⁷ Darvas J. Fekete kenyér. . . , 352. old.
- ⁸ Дарваш Й. От старого «Открытия Венгрии» до нового. — В кн.: Литературно-художественная критика в ВНР. М., 1978, с. 360.
- ⁹ Darvas J. A legnagyobb magyar falu. Budapest, 1969, 420. old.
- ¹⁰ Darvas J. Egy paraszt család története. Budapest, 1955, 125. old.

Е. Е. Львова

«ОДНАКО РОМАН ЛИ ЭТО?»

(к проблеме жанра романа Л. Мештархази
«Загадка Прометея»)

Место и роль романа в современной литературе, его типология, специфические особенности — вопросы, которые часто ставятся в литературоведческих работах, особенно 60-х—начала 80-х годов. Роман изучается на материале разных национальных литератур. Многообразно и творчество художников, оказывающихся при этом в поле зрения ученых.

Однако, как нам кажется, в последнее время исследователи все чаще обращаются к анализу жанровых разновидностей романа, к поискам наиболее точных жанровых определений. Эта тенденция проявляется, в частности, в подзаголовках произведений. Н. А. Анастасьев сделал интересное наблюдение: «Дюла Ийеш назвал „В ладье Харона” романом-эссе.

Джон Гарднер вслед за заголовком — „Никелевая гора” — проставил: роман-пастораль.

„Обыкновенное убийство” Трумэна Капоте — „невыведанный роман”.

Автор „Винтерспельта” Альфред Андресш без затей именуется свою книгу романом, но в то же время оговаривает: «не роман о войне — максимум камерная пьеса»¹.

Разумеется, и классическая литература, в том числе русская и советская, знает примеры подобной авторской

фантазии. Можно сослаться на широко известные факты: Гоголь назвал поэмой «Мертвые души», а Горький повестью «Мать». Но сейчас речь идет о другом — сами поиски новых жанровых определений романа свидетельствуют о тех структурных, внутренних изменениях, которые претерпел роман в современной литературе, доказав еще раз свою динамичность, свою безграничную способность к развитию. Словом, то многообразие терминов, с которым встречается каждый, кто обращается к дискуссиям о современном романе, объясняется не чьей-то прихотью, а реальными возможностями романа, его художественным богатством, теми путями, по которому идет его развитие в XX в.

«Лирический роман» — такой термин предлагает В. Д. Днепров для широко представленного в мировой литературе типа романа с ярко выраженным личностным началом. «Центростремительный роман», «субъективная эпопея» — термины, введенные в научный обиход для обозначения романов того же типа соответственно Д. В. Затонским и Н. А. Анастасьевым. Правда, Анастасьев, используя эти слова Гёте для определения одной из «реалистических форм познания» и отражения действительности, оговаривает, что «субъективная эпопея» — «отнюдь не жанровое образование, обладающее рядом устойчивых признаков. Это тип художественного мышления, эстетический принцип творческого освоения действительности, в основе которого лежит исследование мира человеческой души, личностного сознания»².

И. А. Бернштейн внутри «центростремительного романа» выделяет «личностную эпопею»³. А у Днепров в монографии «Идеи времени и формы времени» наряду с названиями глав «Интеллектуальный роман Томаса Манна», «Психологический роман Марселя Пруста», «Метафорический роман Франца Кафки» мы встречаем заголовок «Народно-эпический роман»⁴. О. К. Россиянов использует термины «роман обстоятельств» и «роман характеров»⁵. Этот список можно было бы продолжить.

Существуют определения жанровых разновидностей романа, в основу которых положен не структурообразующий принцип, а тематика произведений: роман «подведения итогов» (И. А. Бернштейн), «роман карьеры» (Д. В. Затонский). Кстати, эти термины сейчас употребляются в литературоведческих работах наряду с классическим — «роман воспитания». Мы не говорим уже о «производственном» и «деревенском» романе,

При всей условности названных терминов (большинство авторов ее сразу оговаривает) налицо попытки наметить классификацию современного романа (критерии здесь могут быть различными), очертить типологию группы произведений и — как результат — создать (предложить) новый жанровый термин. Уточнение существующих определений и поиски новых для характеристики вновь возникающих явлений в литературе вполне закономерны: они свидетельствуют об углублении теоретической мысли, пристальном ее внимании к движению литературного процесса.

Вспомним широко известное высказывание М. М. Бахтина: «...роман — единственный становящийся и еще неготовый жанр... Жанровый костяк романа еще далеко не затвердел, и мы еще не можем предугадать всех его пластических возможностей»⁶. «Неготовость» во многом объясняет и сложность определения романа как жанра: не всегда исследователям удается сразу решить, считать ли то или иное произведение романом.

У Сергея Залыгина, слова которого мы вынесли в заголовок статьи, такое сомнение вызвал известный роман Лайоша Мештерхази «Загадка Прометея» (1973). «Однако роман ли это?» — ставит вопрос С. Залыгин и как бы приглашает нас вместе с ним поразмышлять: «Как странно и как неожиданно мифология переплетается здесь не только с историей, но даже с публицистикой сегодняшнего дня, со злободневностью, с политикой, с укладами современной жизни, с нынешними речами, статьями, заявлениями и опровержениями!

Этому переплетению и смешению философий и времен соответствуют интонация произведения, его стиль, о котором тоже никак нельзя сказать, что в нем главное — ирония, фантазия, философия, памфлет? Чего в нем больше — ассоциаций и обобщений поистине мирового масштаба или подробностей и деталей, на первый взгляд совершенно случайных?

Здесь есть все»⁷.

Эти слова принадлежат не специалисту-литературоведу, а писателю или даже, как назвал себя сам С. Залыгин, «читателю венгерской прозы». Но С. Залыгин — художник, который много думает о литературе, и не только о современной, в его размышлениях всегда можно обнаружить рациональное зерно, пусть и парадоксально выраженное.

Подобное же сомнение мы встречаем и в статье Ана-

стасьева «Открытая книга жизни». Вспоминая беседу с Л. Мештерхази, советский литературовед пишет: «... Лайош Мештерхази не раз и не два возвращался к мысли о том, что сегодняшняя идеология — это прежде всего действие, что понятия: мир, будущее, счастье, свобода — обретают смысл лишь в повседневной человеческой практике. Опять-таки это беседа — не меньше, но и не больше. Но ведь та же мысль осуществлена художественно, даже, повторяю, с известным нажимом — в самом тексте книги. Думаю, „Загадка Прометея“ можно без преувеличения назвать современным политическим романом.

Художественно? Романом? Пока, надо признать, из разговора о произведении этого не вытекает»⁸.

Если Залыгин оставил свой вопрос открытым, то Анастасьев, по сути дела, прямо утверждает, что «Загадка Прометея» — роман, он приходит к этому выводу, анализируя стиль произведения. Отмечая мастерское владение Мештерхази различными стилями — беллетристическим, пародийным, эссеистским, строго исследовательским, — критик полагает: «важно прежде всего понять, что скрепляет эти планы, где центр, не дающий сюжету распасться на стилевые фрагменты». Таким центром он считает «полифоническое слово»: «отсюда уже вырастает романное качество, романное единство произведения, в котором идея — идея глубоко современная — выступает как художественная идея, философское содержание — как эстетическая форма»⁹.

Такой вывод, безусловно, обоснован. Хочется только подчеркнуть, что разностильность, своего рода «эклетицизм» «Загадки Прометея», на наш взгляд, вовсе не противоречит романной природе как таковой. Обратимся к уже цитированной работе Бахтина: «Строясь в зоне контакта с незавершенным событием современности, роман часто переступает границы художественно-литературной специфики, превращаясь то в моральную проповедь, то в философский трактат, то в прямое политическое выступление, то вырождается в сырую, не просветленную формой душевность исповеди, в «крик души» и т. д. Все эти явления чрезвычайно характерны для романа как становящегося жанра»¹⁰.

Лайош Мештерхази свободно использует широкие возможности романа. Все многообразие тем и стилей, которое раскрывается перед нами в результате анализа книги «Загадка Прометея», в известной степени харак-

тёрно для романа вообще, по крайней мере оно не выводит ее за пределы этого жанра. Но вместе с тем книгу Мештерхази не так-то просто отнести к какой-либо уже известной жанровой разновидности романа, — это и создает почву для споров. Попробуем разобраться во всей разноголосице мнений, высказанных в связи с жанром «Загадки Прометея».

«Историческое произведение» и «политический памфлет» — предположения Н. Т. Федоренко¹¹. О. К. Россиянов рассматривает «Загадку Прометея» в разделе, посвященном интеллектуальному роману, и определяет это произведение как «философский или во всяком случае медитативный роман»¹². «Философским» называет роман Мештерхази и С. А. Шерлаимова, отмечая, что «пафос размышления» сближает его с произведениями мемуарного плана, получившими в 70-е годы большое распространение в литературах социалистических стран¹³. «Философский роман-эссе» — определение критика Э. В. Елигулашвили¹⁴. «Загадка Прометея», — утверждает И. А. Бернштейн, — роман-аллегория¹⁵. В упоминавшейся уже книге О. К. Россиянова мы встречаем и еще одно определение: «Это один из распространенных и в других братских литературах «квазиисторических» (в данном случае даже «квазимифологических») романов, где прямое авторское размышление... не исключает присутствия объективированных героев»¹⁶. Вспомним, что в статье Анастасьева мы уже встретили определение «политический роман»¹⁷.

Есть интересные высказывания в связи с жанровой принадлежностью «Загадки Прометея» и в венгерской критике. Для своей книги Мештерхази выбрал форму мифологического романа, считает Бела Помогач, автор труда по современной венгерской литературе¹⁸. «Иронический мифологический роман» — слова Петера Агарди¹⁹.

«Охотнее всего я назвала бы „Загадку Прометея“ **конферанс-роман** (konferansz-regény), — пишет критик Жужа Видор. — Ведь по содержанию это произведение философично, по изложению материала — бытово-фривольно; здесь перед занавесом, на наших глазах разворачивается представление, являющее собой широкую панораму действия, а откровенный, свободно держащийся и остроумный конферансье сообщает обо всем, что имеет какое-либо отношение к событиям, происходящим за занавесом, в глубине сцены»²⁰.

Венгерский исследователь, автор статей и монографии, посвященных творчеству Мештерхази, Жолт Кёхати считает, что при решении вопроса о жанре «Загадки Прометея» нам может помочь роман Т. Манна «Иосиф и его братья» — «фантастическое эссе»²¹.

Как видим, терминов много, и все они имеют рациональное зерно, все соотносятся с тем, что есть в «Загадке Прометея». Выбрать одно из этих определений в качестве единственно верного и исчерпывающего — задача не из легких.

«Интеллектуальный роман» — весьма общее определение. Как же его понимает О. К. Россиянов? «Интеллектуальный роман — жанр больше субъективный в том смысле, что в нем главное — пытливые искания индивидуального художественного чувства, свободная игра и работа строящего гипотезы, фантазирующего ума. Внешние обстоятельства жизни служат для них лишь точкой опоры либо откровенно вторичной, подсобной опытной «моделью».

Интеллектуальный жанр — своеобразный «роман характеров», но с той особенностью, что все эти характеры — моделируемые доказательства авторской философической гипотезы, олицетворенные устои писательского исторического и социального самочувствия. «Первично», однозначно типизируемый характер здесь, в сущности, один: самого художника. Но и тот индивидуализируется лишь в особом, духовно-нравственном измерении, представляет автопортретируемое внутреннее «я», в котором преломляются, обобщаются и воплощаются моральный тонус, идейная атмосфера общества и века, уровень литературы, заботы и потребности народа, мыслящего художественно-интеллигентского круга. . . интеллектуальный роман возникает на грани жизнеподобия и условности. Он способствует восприятию реализмом новых, современных форм и видов научно-творческой фантазии и абстракции»²². Это широкое определение, предложенное Россияновым, может включать и «философский», и «медитативный», и «аллегорический» роман.

Не противоречит данным определениям и то, которое мы уже приводили выше, — «мифологический». Современные авторы привлекают мифологические образы и сюжеты, как подчеркивают многие исследователи, тогда, когда пытаются решить (или хотя бы поставить) наиболее общие, «вечные» проблемы человечества, философские проблемы, а связь условно-метафорических форм, форм

аллегорических с мифологическим материалом тоже давно подмечена исследователями.

Противоречащими друг другу кажутся — да и то только на первый взгляд — определения «философский» и «политический», хотя взаимосвязь и этих характеристик именно для романа как «неготового» жанра весьма показательна.

Что же касается определения, которое дала «Загадка Прометея» Ж. Видор (конферанс-роман), а с ним, заметим, Ж. Кёхати не согласен²³, то оно отражает только активность авторского присутствия в романе и в этом смысле тоже может считаться правомерным. Аналогия провести нетрудно: автор в «Загадке Прометея» — опытный, талантливый «конферансье», не просто объявляющий номера, не просто знающий, что происходит в это время и в той части сцены, которая скрыта от зрителей, это очень мудрый человек, много и упорно размышляющий и о жизни человечества в целом, и о жизни отдельного человека. Другое дело, что «конферанс-роман» не может служить жанровым определением.

«Загадка Прометея» — произведение сложное и неоднозначное. Показательно, что Т. Л. Мотылева, говоря о спорах и сомнениях, которые вызвала публикация этого романа у работников журнала «Иностранная литература» (поймет ли его читатель?), поставила его в один ряд с такими произведениями, как «Старик и море» Хемингуэя, «Особняк» Фолкнера, «Кентавр» Дж. Андайка, «Степной волк» Германа Гессе²⁴.

Действительно, «Загадка Прометея» — произведение необычное. Необычно не само обращение к мифологии — интерес к ней современных писателей неоднократно отмечался исследователями, — а своеобразный подход Мештерхази к мифам (не случайно возникает определение «квазимифологический»).

Чаще всего, используя мифологический материал, писатели берут миф как аллегория, как символ, к которому прибегают, чтобы подчеркнуть вечный, общечеловеческий характер проблем или идей данного произведения (при этом миф обычно сохраняет свой первоначальный смысл); или же авторы переосмысляют миф, подчиняя его своему художественному замыслу (древний смысл мифа может меняться на прямо противоположный). Оговоримся, что мы имеем в виду собственно мифологические, а не исторические романы на мифологический сюжет²⁵. В случае с «Загадкой Прометея» перед нами —

несколько особое отношение писателя к мифологии. Сюжет книги построен не на мифе, а как раз на том, чего в мифе нет. Пытаясь разгадать «загадку» Прометея, найти ответ на вопрос: почему люди «забыли» своего «благодетеля», подарившего им огонь и тем самым спасшего род людской от вымирания, Мештерхази старается с помощью «мифо-гео-историко-архео-этно-социо-психо-филологии» (как шутливо он называет свой метод «исследования») выяснить, что же стало с Прометеем после его освобождения Гераклом, т. е. то, о чем античный миф умалчивает. Поэтому вся рассказанная в романе история Прометея — плод писательской фантазии (вспомним определение «фантастическое эссе»). Древнегреческого мифа о Прометее в романе нет, он как бы в предыстории. Правда, автор постоянно обращается к другим мифологическим сюжетам: подвиги Геракла, поход аргонавтов, Троянская война и т. д. И здесь Мештерхази уже более традиционен. Перед нами своего рода «переосмысление» мифа, правда, идет это «переосмысление» в основном только в одном направлении: автор ищет в мифе «рациональное зерно» и отбрасывает все «лишнее», все более поздние, по его утверждению, напластования. Так появляются акции под кодовым названием «Коровы Герiona», «Яблоки Гесперид», операция «Золотое Яблоко», а Афродита превращается в «Нестора-Тиндарея-Агамемнона». Эти авторские «разоблачения», так же как и обилие научных данных, выполняют в романе, как нам кажется, примерно ту же функцию, что и точность, конкретность деталей в «Иосифе и его братьях»: оставаясь игрой, видимостью, они создают иллюзию достоверности. Заметим только, что игровой элемент в романе венгерского писателя выражен более явно. Что же касается авторского комментария, то он играет большую роль и в «Иосифе и его братьях», но «Загадка Прометея» на нем построена целиком. Роман Мештерхази как бы еще раз подтверждает слова Томаса Манна: «Поясняющая и анализирующая авторская речь, прямое вмешательство писателя отнюдь не всегда противопоказаны искусству, — все это может быть элементом искусства, самостоятельным художественным приемом»²⁶. По сути, на протяжении всего романа мы слышим голос одного писателя, а речь персонажей, как постоянно подчеркивает автор, лишь его реконструкция.

Имитация научного, исследовательского подхода к мифологическому материалу, постоянное авторское присутствие (вспомним определение «конференс-роман»), свобод-

ный переход от мифологии к современности, при котором ирония сочетается с социально заостренной публицистикой, сближает «Загадку Прометея» с эссеистской прозой.

Говоря о «Загадке Прометея», исследователи часто употребляют слово «иронический». Функции иронии у Мештерхази неоднозначны: в данном случае это не только особенность авторского стиля (впрочем, весьма для него характерная), не только следствие критического взгляда на современность: ирония идет и от самого обращения современного писателя к мифологическому материалу (и здесь Мештерхази близок Т. Манну). Ирония, как не раз отмечалось литературоведением, — частая спутница мифологической темы в литературе XX в., так что мы не стали бы употреблять определение «иронический» как жанровое.

Итак, рассмотрев определения, которые исследователи — и советские, и венгерские — дают «Загадке Прометея» Л. Мештерхази, мы с уверенностью можем сказать, что все они, несмотря на кажущуюся противоположность некоторых из них, имеют под собой реальную основу, все они — каждое со своей стороны — применимы к этому произведению, действительно сложному и дающему возможность различного толкования. Со своей стороны мы бы предложили уточняющее определение для жанра «Загадки Прометея» — философский роман-эссе.

«Загадка Прометея» — роман. Роман необычный по форме, по материалу, но самым теснейшим образом связанный с живой современностью, с ее большими и малыми проблемами, прямо обращенный к читателю и помогающий ему разобраться в сложностях и противоречиях нашего времени, заставляющий задуматься над важными философскими проблемами. Именно поэтому он и вызвал живой читательский интерес, широкий резонанс в критике. Один из самых интересных романов 70-х годов, он еще раз доказал неисчерпаемые возможности этого литературного жанра.

¹ Анастасьев Н. Открытая книга жизни (заметки о современном романе). — Вопросы литературы, 1978, № 12, с. 62.

² Анастасьев Н. Традиции и новаторство в литературе критического реализма XX в. (форма «субъективной эпопеи» в романе США и Англии). Автореф. дис. . . . докт. филол. наук. М., 1982, с. 1—2.

³ Бернштейн И. Эпос обновления жизни. М., 1982.

⁴ Днепров В. Идеи времени и формы времени. Л., 1980.

⁵ Россиянов О. К. Реализм в новой венгерской прозе. 60—70-е годы XX века. М., 1979.

- ⁶ *Бахтин М.* Эпос и роман (о методологии исследования романа). — В кн.: *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975, с. 447.
- ⁷ *Залигин С.* От человека к человечеству. Заметки читателя венгерской прозы. — Литературная газета, 1982, 2, 9 июня.
- ⁸ *Анастасьев Н.* Открытая книга жизни. . . , с. 69.
- ⁹ Там же, с. 70.
- ¹⁰ *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики, с. 476.
- ¹¹ *Федоренко Н.* Огонь Прометея. — Иностранная литература, 1975, № 10, с. 225.
- ¹² *Россиянов О. К.* Реализм. . . , с. 112.
- ¹³ *Шерлаимова С.* Возможность, представленная историей. — Иностранная литература, 1977, № 11, с. 208.
- ¹⁴ *Елигулашвили Э.* Возвращение Прометея (заметки о мифе в современной литературе). — В кн.: Единство. М., 1982, с. 349.
- ¹⁵ *Бернштейн И.* Эпос обновления жизни, с. 209.
- ¹⁶ *Россиянов О. К.* Реализм. . . , с. 123.
- ¹⁷ *Анастасьев Н.* Открытая книга жизни. . . , с. 69.
- ¹⁸ *Potogács Béla.* Az újabb magyar irodalom. 1945—1981. Budapest, 1982, 467. old.
- ¹⁹ *Agárdi Péter.* Vita közben: a hetvenes évek irodalma. — In: A hetvenes évek magyar irodalmáról. Budapest, 1979, 424. old.
- ²⁰ *Vidor Zsuzsa.* Mesterházi Lajos: A Prométheusz-rejtély. — Kritika, 1974, N 3, 24. old.
- ²¹ *Köháti Zsolt.* Mesterházi Lajos. Budapest, 1976, 181. old.
- ²² *Россиянов О. К.* Реализм. . . , с. 122—123.
- ²³ *Köháti Zsolt.* Mesterházi Lajos, 172. old.
- ²⁴ *Мотылева Т.* Роман — свободная форма. М., 1982, с. 3—4.
- ²⁵ Об их различии см., например: *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М., 1976, с. 330; *Сучков В.* Роман-миф. — В кн.: *Манн Т.* Иосиф и его братья. М., 1968, т. 1, с. 9.
- ²⁶ *Манн Т.* Иосиф и его братья. Доклад. — В кн.: *Манн Т.* Иосиф и его братья, т. 2, с. 900.

Н. Н. Морозов

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДЖ. КЭЛИНЕСКУ в 20—30-е ГОДЫ XX в.

Творчество Дж. Кэлинеску (1899—1965) занимает особое место в истории румынской литературы. Автор ставших классическими монографий о жизни и творчестве М. Эминеску, И. Крянгэ и других корифеев отечественной литературы, а также исследований, посвященных зарубежным литературам и творчеству отдельных их представителей, он опубликовал одновременно ряд важных теоретических работ, трактующих общэстетические проблемы, и монументальную, не знающую равных в румынской лите-

ратуре «Историю румынской литературы от зарождения до наших дней» (1941). При этом Кэлинеску всю жизнь оставался активным литературным критиком, сотрудничавшим в десятках газет и журналов.

Не менее значительный след оставил Кэлинеску и в самом литературном творчестве. Он по праву занимает ведущее место среди создателей современной румынской прозы (романы «Свадебная книга», «Загадка Отилии», «Бедный Иоаниде», «Черный комод»). Вместе с тем Кэлинеску известен как автор поэтических сборников, новелл, ряда пьес, путевых заметок (два сборника очерков об СССР и Китае), публицист, откликнувшийся в печати на самые разнообразные общественно-политические явления и события.

Новый, еще более плодотворный этап в творческом развитии Кэлинеску начинается после освобождения Румынии от фашистского ига 23 августа 1944 г. Ученый и писатель — антифашист возглавил кафедру румынской литературы на факультете словесности и философии Бухарестского университета, в 1948 г. избран членом Румынской Академии наук, затем назначен директором Института истории литературы и фольклора. Народный избранник, он до конца жизни оставался депутатом Великого национального собрания социалистической Румынии. В эти годы он возглавляет целый ряд начинаний, направленных на создание подлинной истории румынской литературы на основах марксистско-ленинского учения, а публицистическая его деятельность содействует сплочению рядов румынских литераторов во имя созидания новой, социалистической Румынии.

Неудивительно, что подобная многообразная деятельность, оставившая столь глубокий след в истории румынской культуры, находится и поныне в центре внимания современных критиков и литературоведов СРР. Бурные дискуссии вокруг так называемого кэлинесцианизма не затихают. Появляются новые работы, принадлежащие перу известных литературоведов (А. Пиру, Д. Мику, И. Вранча, М. Мартин и др.), в которых делаются попытки определить значение вклада Кэлинеску в развитие историко-культурных и историко-литературных исследований. Для одних он — «божественный критик», для других — талантливейший историк литературы, допустивший вместе с тем немало ошибок в оценке тех или иных явлений истории литературы. Подобные различия в подходе к значению наследия Кэлинеску обусловлены не только тем,

что его комментаторы выступают сегодня с позиций либо «архаизаторских», либо «модернизаторских», но и противоречивым характером самого дарования критика, его изначальных концепций, которые лишь на социалистическом этапе творчества обрели стройную, подлинно научную форму.

Чтобы понять сложность этого пути, живительную роль социалистических идей, оказавших столь благотворное воздействие на эволюцию маститого критика, обстоятельств, приведших его к приятию марксистско-ленинской эстетики, необходимо проникнуть в сущность его ранних концепций, попытаться наметить уже в них те ростки, которые в годы народной власти приведут к коренному обновлению мировоззрения и всего творчества Дж. Кэлинеску.

* * *

Дж. Кэлинеску родился в 1899 г. в Бухаресте. В 1918 г. он поступил на факультет философии и словесности Бухарестского университета по специальности «французский язык и философия». В студенческие годы сильное влияние оказал на него профессор-итальянист Р. Ортис. «Рамиро Ортис, — отмечал Кэлинеску, — стремился практиковать критику, основанную на личном восприятии литературного произведения. „Критика, — писал он где-то, — может быть субъективной, лишь воссозданием произведения искусства в аналогичных условиях души и чувств!..” В критике г. Ортиса поэтическое впечатление соседствовало с критическим суждением, он заставил улыбнуться строгую научную дисциплину»¹⁻². В этих строках мы обнаруживаем описание той критики, которой позже уделит много внимания и сам Дж. Кэлинеску.

Вначале он пробует силы на поэтическом поприще, но затем решает окончательно посвятить себя литературно-критической деятельности. Особую важность для понимания этого узлового этапа в исканиях Дж. Кэлинеску, его теоретических взглядов, а также программных целей в тот период представляет эссе «Вознесение» (май 1928 г.), в котором отражены пройденные им этапы на пути осознания своего призвания и намечены «идеальные атрибуты подлинного критика»³.

Приняв решение заняться литературной критикой, он усиленно размышляет над ее теоретическими основами, но отнюдь не порывает с собственно литературным твор-

чеством. «Ничто в мире не раздражало, кажется, Дж. Кэлинеску больше, чем отрицание возможности для критика заниматься литературой», — отмечает современный литературовед Д. Мику. Дж. Кэлинеску был убежден в том, что «писатель может творить во всех жанрах» и «не существует водоразделов в области духа». Поэтому лейтмотивом формулируемых им в тот период теорий о критике являлась идея о взаимодополняемости литературной и критической работы, борьба с концепцией, согласно которой автор литературных произведений не может быть критиком, а критик не может творить в области литературы, так как художник видит мир обобщенно, компактно, критик же — аналитически, схематично; один выражает себя при помощи образов, другой — при помощи абстрактных идей. Отвергая эту теорию, Дж. Кэлинеску писал: «Художник может заниматься критикой, а критик — искусством при условии, чтобы первый обладал критическим чувством, а второй — талантом»⁴⁻⁵.

Как определяет Дж. Кэлинеску-критическое чувство? «Критическое чувство — это неудавшийся творческий акт, отразившийся в сознании прежде, чем достигнуть периферии и стать художественным чувством. . . Другими словами, критическое чувство — это форма нашей собственной творческой способности, с точки зрения которой мы воспринимаем и оцениваем то, что, как нам кажется, соответствует творческой норме нашего духа. Понимать — значит воссоздавать, воспроизводить в себе исходные моменты произведения»⁶. Уязвимость такой концепции очевидна, но она отражала стремление Дж. Кэлинеску объединить два вида деятельности — литературное творчество и критику.

Эстетический момент критики, по мнению Дж. Кэлинеску, — цитата. «Цитировать — значит отграничивать то, что воссоздал твой дух, признав это в качестве возможного плода собственной фантазии. . . Так как наш дух, однако, с трудом может перенестись из практической и теоретической области в область эстетическую, то возникает необходимость в таких чуждых эстетическому моменту приемах, как помещение цитаты в эстетическую среду, объяснение содержания и описание формы доступными средствами. Здесь действительны все критические системы, в разной степени эффективные, в зависимости от времени и пространства. Чем большим талантом обладает критик, тем в более многочисленные абстрактные отношения он может заключить цитаты. Так что, с одной стороны,

критика — это творчество, а с другой, — культура»⁷. По поводу данной мысли Дж. Кэлинеску известный литературовед О. С. Крохмэлничану писал: «Цитата в этом процессе — это не иллюстрация, не пример, а экспрессивное воссоздание. Практически Дж. Кэлинеску стремится сконструировать модель произведения в том смысле, которым наделяют это слово физики, когда изучают сложные многофункциональные объекты»⁸.

Если первым «китом», на котором Дж. Кэлинеску стремился утвердить свою литературно-критическую концепцию, был тезис о возможности сосуществования писателя и критика в одном лице, то вторым стало положение об исконной «субъективности» литературной критики, понимаемой как постоянное чувство прекрасного и добросовестности. Претендовать на объективное обоснование прекрасного, не чувствуя его, «это все равно, что запутаться в колючей проволоке». Объективность критики, согласно концепции Дж. Кэлинеску, состоит в постоянном присутствии идеи художественной ценности. Рецензия объективна, когда она искренна в соотношении произведения с критерием прекрасного. «Как любое искусство, — пишет далее Дж. Кэлинеску, — критика основывается на душевных реакциях. Здравые мнения стольких благомыслящих людей забыты, зато в истории остались, может быть, и неверные, но творческие суждения. Ибо ценность критики состоит в проникновении. . ., в открытии новых внутренних связей, которые поражают дезориентированного до поры читателя, становящегося другом произведения, даже вопреки выводам критика. Проницательный и разумный критик, воссоздающий произведение, не может быть несправедливым, даже если намеренно этого желает. Ибо либо неверны его реакции, и тогда критик плох, либо они верны, и тогда работают сами по себе, независимо от выводов»⁹⁻¹⁰.

Отвечая на упреки в импрессионизме, Дж. Кэлинеску указывал: «Любая критика по определению является импрессионистской, т. е. основывается на впечатлении. Критик, недовольный одним лишь простым психологическим впечатлением удовольствия или неудовольствия, воссоздает в себе первоначальное состояние автора и вновь уже логическим путем его выражает»¹¹. Все единодушно согласны, что начальный момент критики состоит в реакции приятия или неприятия художественного произведения. Сказать «да» или «нет» — вот сущность критики. И все же субъективность не означает произволь-

ности суждений. И лучшим доказательством этого следует считать факт, что многочисленные, рассеянные по страницам сотен изданий рецензии, статьи, заметки Дж. Кэлинеску использовал затем, по свидетельству современных его исследователей, как важный строительный материал для своей монументальной, насыщенной конкретным литературным материалом «Истории литературы. . .».

В 1937 г. Дж. Кэлинеску становится профессором эстетики и литературной критики ясского университета. «Лекции, которые он читает студентам, отражают, сейчас уже весьма четко, обширный проект, над осуществлением которого он работал. На этой уже сравнительно поздней стадии его выполнения Дж. Кэлинеску чувствует необходимость прояснения концепции, которой он руководствовался. Страницы, озаглавленные «Принципы эстетики», опубликованные в 1939 г., преследуют именно эти цели»¹². В предисловии к «Истории. . .» Дж. Кэлинеску утверждает, что написал «Принципы эстетики», чтобы теоретически подготовить эту книгу.

Книга «Принципы эстетики», состоящая из семи лекций, озаглавленных «Курс поэзии», и двух лекций «Техника критики и литературной истории», содержит в систематизированном виде эстетические идеи, которые автор развивал ранее в своих статьях. В «Курсе поэзии» Дж. Кэлинеску приходит к заключению, что эстетика — «это странная наука, которая не имеет ни своего предмета», ибо изучает «душевное состояние отдельных людей, их личное ощущение ценности художественного произведения», ни своего метода, ибо метод определения шедевров — то же самое, что и метод производства шедевров, и с его применением искусство исчезло бы, превратившись в промышленность. Родилась эстетика из «потребности обширного круга интеллигентов излечить неспособность воспринимать художественное произведение с помощью так называемых объективных суждений, ничего общего не имеющих с эмоциями». Вывод критика: «Как средство объективного изучения шедевра эстетика не будет существовать никогда. . . Любая эстетика занимается одним вопросом: можно или нельзя найти критерий прекрасного; одни отвечают отрицательно, другие ограничиваются смутными предположениями»¹³.

Однако поэзия, а также наше чувство поэзии существуют; тем не менее поэзию нельзя определить, а можно лишь описать. Более того, «путем изучения ее лучших

образцов мы можем установить некоторые псевдонормы . . . которые на самом деле являются лишь историческими и статистическими наблюдениями. Надо не следовать им, а лишь размышлять над ними. Так мы узнаем не что есть поэзия, а как она существует, практически изучая лучшие ее образцы, мы развиваем наше художественное сознание. Так бесплодная эстетика уступает место школе поэзии»¹⁴. Далее Дж. Кэлинеску, анализируя авангардистскую поэзию, формулирует ряд таких «псевдонорм», например: «нет поэзии там, где нет никакой организации, никакой структуры, словом, никакой поэтической идеи» и т. д. «Не утверждая прямо, — отмечает поэтому поводу О. С. Крохмэлничану, — Дж. Кэлинеску дает понять, что эстетика — это поэтика»¹⁵, двигаясь, добавим мы, в одном направлении с самыми современными течениями в этой области, представленными, в частности, теоретиками так называемой формальной школы.

В лекциях, озаглавленных «Техника критики и литературной истории», Дж. Кэлинеску заявляет, что «критика и история — это лишь две стороны критики в самом широком ее понимании», ибо «настоящая критика, выносящая оценки, всегда содержит историческую перспективу», а «литературной историей нельзя заниматься без критического экзамена»¹⁶. Полемизируя с Б. Кроче, указывавшим, что «встать на точку зрения содержания — значит утверждать, что есть хорошие и плохие темы, большие и мелкие жанры», Дж. Кэлинеску пишет: «Мы можем вновь внести в критику понятие содержания и заниматься критикой, совершенно не вступая в противоречие со взглядами таких эстетов, как Кроче . . . Исходная точка литературного критика и историка — произведение как художественная реальность . . . Тот, кто исследует общественные условия, из которых вышла «Мадам Бовари», тот занимается внешней по отношению к литературе историей; литературной же историей занимается только тот, кто изучает мир самого произведения как реальности со всеми вытекающими из него проблемами»¹⁷.

В этом резком противопоставлении, с которым литературовед-марксист не может согласиться, была явная полемическая натяжка, обусловленная прежде всего тем, что в условиях фашизации страны в литературе все более агрессивно насаждался принцип конкретной «привязанности» к задачам фашистов. И потому, хотя проблема отделения подлинных ценностей от тех «вспомогательных

Конструкций», которые были лишь призваны способствовать утверждению этих ценностей, в творчестве Дж. Кэлинеску может стать темой отдельной работы, все же необходимо решительно подчеркнуть, что подобные суждения в творчестве критика занимают третьестепенное место по сравнению с созданными им реальными ценностями, прочно вошедшими в историю румынской культуры. Как подчеркивал О. С. Крохмэлничану, можно ограничиваться утверждением, что «эстетические концепции, которые отражают критические рассуждения Дж. Кэлинеску, обладают редкой гибкостью . . . Им абсолютно чужд любой философский догматизм»¹⁸. «И все же при повторном прочтении, — пишет один из современных исследователей творчества критика М. Мартин, — обнаруживаются положения, звучащие как рефрены, свидетельствующие о неких навязчивых идеях, другими словами, мы имеем дело с сознательно принятой идеологией, сделанным внутренним выбором. . .» Молодой исследователь совершенно прав, говоря о значении нравственного аспекта концепции Кэлинеску, находящегося выше конъюнктурной и так называемой «человеческой» непоследовательности, заключающегося в сознательном чувстве ответственности, в педагогическом (выделено нами. — Н. М.) рвении, в стремлении освободить национальную литературу от комплекса неполноценности в европейском контексте, превратить монументальную «Историю» в «свидетельство творческой силы народа»¹⁹.

Каковы же эти «рефрены» литературной критики Дж. Кэлинеску, в чем истинная суть его созревшей к концу 30-х годов концепции, обладавшей, несмотря на кажущуюся уязвимость, могущественной притягательной силой?

Конечно, сущность его литературно-критической концепции столь же трудно заключить в рамки жесткого определения, как и сущность самой эстетической ценности. Но уже одно это говорит об их родственной природе. «Речь идет о самой структуре его эстетического восприятия, которая была структурой художника», — подчеркивает критик М. Ницеску²⁰. Поэтому «субъективность», «импрессионизм» и «непоследовательность» Дж. Кэлинеску находят логическое объяснение в том, что он всегда ставил во главу угла своей работы определение художественного качества произведения и пользовался для этого «всеми критическими системами, эффективными в разной степени, в зависимости от времени и простран-

ства». Оригинальность самой его «Истории. . .» в решающей степени заключается в том, что это — единственная история румынской литературы, в основу которой положен эстетический критерий.

Итак, момент, когда Дж. Кэлинеску приступил к работе над «Историей. . .», мы можем назвать этапом творческой зрелости критика, когда он накопил нужные знания, достаточно отшлифовал вкус, отточил стиль, словом, ощутил в себе уверенность, необходимую для создания этого монументального труда.

Мы уже подчеркивали, что Дж. Кэлинеску вошел в историю румынской литературы как яркий представитель так называемой эстетической, творческой критики. Но значит ли это, что он был на самом деле сторонником рассмотрения литературы в полном отрыве от социальной и исторической проблематики, эстетом, сторонником концепции «искусства для искусства»? Конечно, в довоенные годы у него можно встретить взгляды об «искусстве как полной свободе»²¹. О том, что «автор как человек, а его герои, как люди, должны иметь тенденцию, т. е. позицию в жизни. . . при условии, чтобы жизнь была подчинена творчеству»²².

И все же многочисленные его высказывания тех лет подтверждают, что он отнюдь не отвергал возможности соотношения художественного произведения с различными явлениями конкретной действительности. Он требовал соблюдения одного лишь условия, главного для него: произведение должно быть обязательно художественным. Только в этом смысле можно считать Дж. Кэлинеску адептом «эстетической критики». Для него критик является «чистым» эстетом лишь постольку, поскольку стремится установить глубинную ценность произведения и в этой работе не поддается воздействию других соображений. Само исследование, анализ включают, однако разнообразные аспекты: исторический, психологический, идеологический, т. е. все, что может обогатить возможности художественного восприятия.

Своеобразие позиции Дж. Кэлинеску, его собственные неоднократные заявления о том, что критика «является для него лишь второстепенным занятием», наводят на мысль о существовании некоей «сверхзадачи» в его литературно-критической деятельности. Прав Д. Мику, подчеркивавший, что из духа заметок Дж. Кэлинеску, как и из непосредственных его заявлений, ясно вытекает, что его публицистика ставила целью не

информировать, а формировать публику, эстетически ее воспитывать и, более того, пробуждать в ней вкус к литературе и культуре вообще, стимулировать интеллекты²³. В этом же признавался и сам критик: «Несмотря на то что не существует связи между структурой произведения и его эстетическим откликом в читателе, крупным критикам всегда удавалось путем объяснения произведений, с помощью тонких наблюдений, внешних по отношению к эстетическому моменту, поднять эпоху до своей восприимчивости. Ибо фактически критик, объясняя, т. е. развертывая то, что обобщено, тем самым не доказывает (как ошибочно понимают из неточного выражения «объяснение», толкуемого в сциентистском духе), но воспитывает, а критика, по сути, — это калигогия» (воспитание прекрасным — греч.)²⁴.

Критика в понимании Дж. Кэлинеску является отраслью педагогики. Но если критика — это педагогика, то ее функция — воспитывать. Во имя каких идеалов? Что сеет критик-педагог в своих учениках? Другими словами, каков все же истинный символ веры Дж. Кэлинеску? Ведь не одно же самолюбие он тешил, щедро разбрасывая искры своего блестящего таланта, не только бесплодной игрой гения была его многолетняя и многотрудная деятельность в литературной критике! Символом веры Дж. Кэлинеску был человеческий дар, и не только его собственный, а человеческий гений вообще. Талант может невозможное — вот в чем пафос «кэлинесчианизма», который современной румынской критикой единодушно определяется как неприятие застывшего, догматического мышления. Глубокая убежденность Дж. Кэлинеску в том, что высшей ценностью является человек-творец (известен постоянный интерес критика к человеческим типам, его «страсть к моральной классификации»)²⁵, — вот ключ к пониманию его творчества.

Каким же образом Дж. Кэлинеску осуществлял свою педагогическую миссию в критике? От него, не раз выражавшего презрение к «критикам-профессорам», «критикам-риторам», «основывающимся на догмах и внешних наблюдениях»²⁶, трудно было бы ожидать готовых эстетических рецептов и формул. Если в «Курсе поэзии» он вместо норм предлагает некие «псевдонормы», которым нужно не следовать, а лишь размышлять над ними, то в статьях на страницах литературной прессы Дж. Кэлинеску всесторонне раскрывает свое дарование, предлагая его ко всеобщему созерцанию и размышлению.

Педагогическое значение литературной критики Дж. Кэлинеску заключается, помимо прочего, и в том, что он стремился собственным примером пробудить дремлющий талант в других.

И все же критика — это только одна сторона деятельности Дж. Кэлинеску. «Не довольствуясь лишь одной областью литературного творчества, он успешно пробовал свои силы во всех, — пишет Д. Мику, — достигнув высшей точки самовыражения в критике и литературной истории. Дж. Кэлинеску был лучшим воплощением того, что сам он называл «тотальным писателем». Поэтому изучая литературно-критическую деятельность Дж. Кэлинеску изолированно от других сфер проявления его таланта, от его личности и от современной ему эпохи, нельзя понять многих суждений критика, ибо причины их лежат вне его литературно-критической концепции, если о таковой вообще в условиях того времени можно говорить в строгом смысле слова.

До второй мировой войны Дж. Кэлинеску не участвовал активно в политической жизни страны: проблемы общественного характера, по которым он высказывался в этот период публично, принадлежали в основном сфере культуры, ее социального статуса. Так, например, в 1935 г., касаясь вопроса о состоянии классических исследований в Румынии, Дж. Кэлинеску обличает «националистическое пустословие», столь плачевно контрастировавшее с пренебрежительным отношением властей к созданию базы для расцвета национальной культуры»²⁷.

Не вдаваясь в подробную аргументацию, уместно уточнить, что при относительной политической пассивности Дж. Кэлинеску его изначальную позицию можно охарактеризовать как буржуазно-демократическую. Хотя прямые заявления критика в этом смысле отсутствуют, такой вывод можно сделать на основе анализа его многочисленных заметок на социально-политические темы, а также труда «История румынской литературы от зарождения до наших дней».

Именно в «Истории. . .» во всей своей глубине нашла отражение концепция Кэлинеску-критика, деятеля подлинно демократических убеждений. Именно в ней конкретно воплотились долгие поиски ученого, стремившегося постичь через литературу душу народа, сущность его исторического развития, все то, о чем так скупно высказывался он в своих теоретических построениях. Вот

почему в монументальном его труде оказались слитыми воедино подходы к истории родной литературы как «архаистов», сосредоточенных на выявлении ценностей древней румынской литературы, так и «синхронистов-модернизаторов», начинавших историю этой литературы лишь с XIX в. Развитие словесности предстало перед читателем как единый, идущий из глубины веков поток, отразивший все лучшее, что отличает румынский национальный характер, его трудолюбие, его духовность. При этом оценки Дж. Кэлинеску были совершенно свободны от того националистического угара, который захлестнул страну в конце 30-х годов. Вот почему вышедшая в первые месяцы войны «История. . .» была оценена как «анти-румынская» книга и подверглась бешеным нападкам со стороны фашистских идеологов. В конечном итоге она была запрещена цензурой.

С обострением международной обстановки, с нарастанием агрессивности германского фашизма сознание Дж. Кэлинеску все более «политизируется». После оккупации немецко-фашистскими захватчиками союзной Чехословакии критик писал: «Мы находимся в башне из слоновой кости чистого искусства до тех пор, пока наша родина в безопасности. Но если тучи сгустятся, мы сойдем вниз и будем создавать тенденциозное искусство. . . Мы глубоко презираем писателей без национального инстинкта. Ни один великий творец (Данте, Гюго, Эминеску) не стыдился быть патриотом. Без независимой Румынии не может быть румынской литературы»²⁸.

В годы второй мировой войны Дж. Кэлинеску все больше сближался с силами, боровшимися за освобождение страны от фашистского ига, сотрудничая в патриотической подпольной газете «Ромыния люберэ» и публикуя статьи, насыщенные антифашистский характер, в журнале «Время» в газете «Экоул». Вместе с выдающимися представителями румынской культуры — М. Садовяну, Г. Аргежи, Г. Галактионом, И. Иорданом, П. Константинеску, И. Савой и др. — Дж. Кэлинеску подписал меморандум, направленный в апреле 1944 г. И. Антонеску, который содержал протест против диктаторского фашистского правительства и требовал выхода Румынии из войны.

Это были вехи не только политического созревания критика. Позже, после 23 августа 1944 г., когда под влиянием идей марксизма-ленинизма, получивших в стране широкое распространение, Дж. Кэлинеску значительно пересмотрел свои взгляды, его литературно-критическая

концепция, вобрав в себя суровые уроки жизни, обогатилась новым прогрессивным содержанием. Демократические, гуманистические элементы его концепций получают прочную научную основу. Дж. Кэлинеску становится одним из тех ярких творцов новой культуры, которые осуществляли в эти годы органическое слияние ценных элементов наследия с передовой культурой строящегося в стране социалистического общества. Чрезвычайно нужными оказались в новых условиях богатый опыт, широкая эрудиция, огромное дарование критика, боровшегося за высокую художественность социалистического искусства.

Разносторонняя деятельность Кэлинеску в годы социалистического строительства в Румынии дала основание органу ЦК РКП газете «Скынтейя» заявить в день его смерти: «Выдающийся гуманист, воинствующий демократ, пламенный патриот, находившийся в непрерывном контакте с гражданскими массами, Дж. Кэлинеску считал свое слияние с великим делом строительства социализма естественным венцом всей его деятельности»²⁹.

¹⁻² *Călinescu G. Gîlceava înțelepciunii cu lumea. București, 1973, v. 1, p. 64.*

³ *Ibid., p. 42—43.*

⁴⁻⁵ *Călinescu G. Ulysse. București, 1967, p. 449—452.*

⁶ *Ibid., p. 452.*

⁷ *Ibid., p. 455.*

⁸ *Crohmălniceanu Ov. S. Literatura română între cele două războaie mondiale. București, 1975, v. 3, p. 284.*

⁹⁻¹⁰ *Călinescu G. Ulysse, p. 461, 469.*

¹¹ *Ibid., p. 483.*

¹² *Crohmălniceanu Ov. S. Literatura română... p. 308.*

¹³ *Călinescu G. Principii de estetică. Craiova, 1974, p. 10.*

¹⁴ *Ibid., p. 7.*

¹⁵ *Crohmălniceanu Ov. S. Literatură română... p. 312.*

¹⁶ *Călinescu G. Principii de estetică, 1974, p. 134.*

¹⁷ *Ibid., p. 137.*

¹⁸ *Crohmălniceanu Ov. S. Literatura română... p. 293.*

¹⁹ *Martin M. G. Călinescu și complexe literaturii române. București, 1981, p. 8—9.*

²⁰ *Nișescu M. Între Scylla și Charibda. București, 1973, p. 69.*

²¹ *Mangu V. De vorbă cu Jorgu Jordan. București, 1982, p. 51.*

²² *Călinescu G. Ulysse, p. 440.*

²³ *Micu D. G. Călinescu între Apollo și Dionysos. București, 1979, p. 167.*

²⁴ *Călinescu G. Principii de estetică, 1968, p. 200—202.*

²⁵ *Micu D. G. Călinescu... p. 506.*

²⁶ *Călinescu G. Ulysse, p. 291.*

²⁷ *Micu D. G. Călinescu... p. 122.*

²⁸ *Călinescu G. Texte social-politice 1944—1965. București, 1971, p. 6.*

²⁹ *Scînteia, 1965, 13.III.*

ОСОБЕННОСТИ САТИРЫ
В РОМАНЕ ИРЖИ МАРЕКА
«МОЙ ДЯДЯ ОДИССЕЙ» (1974)

«Мой дядя Одиссей» Иржи Марека — одно из первых сатирических произведений, появившихся в Чехословакии после преодоления общественно-политического кризиса 1968—1969 гг. и направленных против выявившихся в этот период рецидивов мелкобуржуазной психологии и жизненной философии. Этот роман явился закономерной вехой в творчестве писателя тех лет.

И. Марек начал писать еще до войны, но настоящее вступление в литературу произошло во второй половине 40-х годов, когда появились две его повести о борьбе с фашизмом — «Люди идут в темноте» (1946) и «Деревня под землей» (1949). В 50-е годы писатель обращается к сатире и выпускает несколько сборников рассказов и фельетонов — «Из кирпичей и улыбок» (1953), «Засмейтесь над вчерашним днем» (1953) и др. С тех пор И. Марек создал много сатирических книг, но наибольший успех, несомненно, выпал на долю «Паноптикумов» — сборников своеобразных детективных историй, написанных по материалам судебных дел, которые волновали пражан во времена буржуазной республики, и романа «Мой дядя Одиссей» (1974).

«Паноптикум старых криминальных историй» (1968), «Паноптикум грешников» (1971) и «Паноптикум города пражского» (1979) были задуманы писателем в период кризиса, когда многие литераторы буржуазного толка воспевали жестокость и насилие. В рассказах же И. Марека побеждает добро, а зло наказывается, его герои жизненны, и поступают они по законам обычной человеческой логики, а не подчиняются неким психологическим экспериментам, которые ставит над ними автор. Благодаря этому «Паноптикумы» выделялись на литературном фоне тех лет. И. Марек выступает здесь как прямой продолжатель традиций Карела Чапека: пародия, присущие сборникам ироничность и юмористическая тональность сближают «Паноптикумы» с его «Рассказами из одного. . .» и «Рассказами из другого кармана». Правда, истории И. Марека — это в основном занимательный пересказ судебной хроники 20-х годов, снабженный иногда пикант-

ными, а иногда и откровенно натуралистическими подробностями (рассказы «Клятва», «Человек в черном», «Девушка у воды»). Автор подсмеивается над нравами того времени и над своими героями. Сам он как бы поднялся над ними и лишь наблюдает за описываемыми событиями из своего далека. При этом, однако, мы не чувствуем, что рассказы написаны нашим современником, — настолько подчеркнуто здесь «остранение» автора.

Роман «Мой дядя Одиссей», хронологически расположенный между второй и третьей книгами «детективной трилогии», критик Я. Герштова также определила как паноптикум — «паноптикум мира мещан»¹. И. Марек здесь сатирически изображает мещанское общество монархической Австро-Венгрии и буржуазной Чехословакии, что имело самое актуальное звучание в Чехословакии начала 70-х годов. Ведь именно мещанство с присущими ему, по выражению А. М. Горького, «уродливо развитым чувством собственности и напряженным желанием покоя — внутри себя и вне себя»² являлось питательной средой для тех, кто, вещая о пресловутой «чешской модели социализма», пытался реставрировать здесь капитализм.

Для сатирического изображения мещанского общества И. Марек использовал форму биографического романа авантюрного типа. Широкого показа нравов буржуазного мира позволяет достичь описание богатой всевозможными похождениями жизни центрального персонажа — Йозефа Фрайвальда, или дядюшки Одиссея, как его в романе называет рассказчик. Повествование, в основном с прогрессивной мотивировкой (последующее обычно логически вытекает из предыдущего), базируется на хронологических³ перемещениях героя. Автор берет в качестве точки отсчета юность Йозефа Фрайвальда, и объективный ход времени в изображении происходящего не нарушается.

Йозеф Фрайвальд, сын провинциального торговца лошадами, отправляется искать счастья в Вену, бывшую тогда, в конце XIX в., столицей Австро-Венгерской империи. (Вот оно — первое путешествие Одиссея!) Он и еще несколько молодых людей едут туда, чтобы стать студентами. Но скоро Йозеф понимает, что корпеть над книгами и одновременно хорошо одеваться, бывать в модных кафе, заводить полезные знакомства, флиртовать — невозможно. Предприимчивый юноша женится на вдове владельца пражского похоронного бюро, и некоторое время спустя его предприятие начинает процветать. Йозеф становится заметной фигурой в Вене. С началом

войны он превращается с помощью своих многочисленных приятелей во фронтового гробовщика. Когда обстоятельства все-таки вынуждают Йозефа отправиться на фронт, ему удается устроить так, что от боев его в буквальном смысле защищают Альпы: Фрайвальд переживает войну в Италии. Переворот, в результате которого возникла независимая Чехословакия, он воспринимает как нарушение спокойствия. «Политическая ситуация — это нечто, что человеку не дано изменить», — таково всегда было убеждение Йозефа Фрайвальда. Но наступил 1938 год; после мюнхенского сговора Чехословакия была отдана на произвол фашистской Германии. И герой умирает, услышав сообщение о начавшейся оккупации.

По форме роман И. Марека — своеобразная пародия на гомеровский эпос. Произведение расчленено не на части или главы, а на «песни». Их четыре, и каждая описывает важнейшие периоды жизни героя. Автор иногда намеренно подчеркивает конечный момент того или иного отрезка жизненного пути дядюшки Одиссея, вводя мотив «путешествия». Примером может служить конец второй «песни», где поезд увозит дядюшку от всего того, что он пережил.

И. Марек выдерживает жизнеописание героя в основном в эпическом тоне. Рассказ ведется от лица племянника Фрайвальда, причем не племянника-мальчика, образ которого также присутствует в произведении, а нашего современника, который смотрит на события из своего незавершенного настоящего. Но в повествование постоянно вмешивается и голос самого дядюшки: он делится с племянником своим житейским опытом. Адресатом назидательных монологов дядюшки всегда является племянник, что автор подчеркивает постоянным обращением, с которого они начинаются: «Мальчик!» Не адресуемые непосредственно читателю, эти монологи призваны служить средством дополнительного, внутреннего самораскрытия характера героя. Автор здесь пародирует стиль и язык воспитательных романов, который он применяет как один из приемов сатирической типизации:

«Мальчик, осознай одну очень важную для жизни истину. Перед любым своим начинанием спрашивай, во сколько тебе оно обойдется. Кто без раздумий бросается в излишние траты, совершает тяжкий грех»;

«Помни, мальчик мой: то, что на тебе, — это и есть ты. То, что ты имеешь в себе, никто не отнимет у тебя, но никто и не заплатит тебе за это».

Контраст патетического слога таких монологов-назиданий с откровенно циничным содержанием, которое туда вложено, порождает комический эффект, что хорошо позволяет обнаружить буржуазную мораль.

Сатирической типизации служит также язык героя. Речевая характеристика дядюшки Одиссея обнаруживает его своекорыстный авантюризм. В зависимости от ситуации он прибегает либо к языку пражских кабачков, либо светских салонов. Это переплетение разных речевых стилей обрастает авторскими комментариями, пародирующими стиль гомеровского эпоса, а иногда и цитатами из античной «Одиссеи». Роман открывается величественным вступлением, язык которого стилизован под античный эпос. Читатель, было, настроился на торжественный лад, но в первой же «песне» он сталкивается с множеством сочных народных выражений, на которые не скупится барышник Фрайвальд-отец. Такой «перепад» различных речевых пластов создает истинно комический эффект.

Эти средства и приемы разоблачения жажды наживы как движущей силы кипучей деятельности героя и всего мещанского общества той эпохи дополняют авторские иронические оценки, выдержанные в сугубо деловом стиле. Вот как характеризует автор романа ситуацию в буржуазной Чехословакии: «Тогда были две возможности сделать карьеру: либо через политическую партию, с помощью которой можно было стать членом какого-нибудь административного совета, либо через биржу и торговлю, которые имели такие же возможности. Цель, однако, была всегда одна: деньги».

Представляют интерес создание И. Марекком образа «активного» мещанина и использование писателем для воплощения своего замысла традиций авантюрной прозы. Эти специфические моменты книги хотелось бы осветить более детально.

* * *

Тема мещанства, как правило, переплетающаяся с темой «маленького человека», традиционна для чешской литературы. Чешские сатирики создали своеобразную «энциклопедию» национального мещанства, в которую вошли «Малостранские повести» Я. Неруды, «Путешествия пана Броучека» С. Чеха, романы К. Полачека, проза и драмы К. Чапека и др.

Мещанина, согласно приведенному выше определению А. М. Горького, отличает гипертрофированная и возведенная в культ жажда потребления и накопления, с которой связано стремление к покою, ведущее обычно к пассивности.

Именно таковы герои чешских сатириков — автор классической галереи мещан в чешской литературе. Мещанин, который срывается с места и отправляется странствовать, напротив, совсем не обычен. (Путешествующий пан Броучек, герой С. Чеха, — «скиталец поневоле».) У И. Марека же Йозеф Фрайвальд путешествует постоянно: Прага, Вена, Итальянские Альпы. . . Но свои поездки дядюшка Одиссей всегда совершает «по долгу службы»: он ездит, чтобы умножить свое состояние. Сами по себе странствия совершенно не в его натуре; он, например, равнодушен к красотам природы и прелести пейзажа:

«— Ты видишь, Йозеф? — восхищалась тетя. — Какие леса!

— Какие там леса? Деревья, — сказал дядюшка пренебрежительно. — А деревья я уже видел.

— Но столько деревьев! — вскричала с воодушевлением тетя.

— И столько видел, — отвечал дядюшка, и душа его вернулась вновь к делам коммерческим».

Итак, не «ветром дальних странствий» движим дядюшка Йозеф, а вечной жаждой наживы.

В действительности Фрайвальд, как и положено настоящему мещанину, всеми силами души хочет покоя, ради достижения которого способен развить кипучую деятельность. Лучшим доказательством тому служит его участие в первой мировой войне. Он добровольно идет на фронт, чем, казалось бы, разрушает прежнее представление о себе как о мещанине. Этот его шаг, однако, не продиктован отчаянием обывателя: он сделан Фрайвальдом совершенно намеренно и, конечно, с выгодой. Йозеф понимает, что очередь дойдет и до него, что все равно ему не избежать окопов. Он не хочет со страхом ждать призыва, и сам делает шаг навстречу опасности. Дядюшка Йозеф на фронте становится гробовщиком: лучше заниматься привычным делом даже в условиях фронта, чем быть простым солдатом в маршевой роте. В этом поступке дядюшки Одиссея проявляется умение приспособиться к любой ситуации. Как ни парадоксально, Фрайвальд идет на фронт для сохранения собственного спокойствия; он просто

расширяет границы своего мирка в необходимой для выживания степени.

В образе Йозефа Фрайвальда мы, следовательно, обнаруживаем сплав мещанина с энергичным авантюристом. И. Марек в определенной степени продолжает традиции плутовского романа — традиции, уходящие в XVI—XVIII вв., когда были созданы «Ласарильо из Тормеза» и «Симплициссимус». Сатирические романы, героями которых выступают откровенные авантюристы, рвущиеся вверх по социальной лестнице капиталистического общества, жаждущие денег и власти и ради достижения своих целей меняющие личину, продолжают создаваться и современными писателями. В 1954 г. появился знаменитый роман «Признания авантюриста Феликса Круля» Т. Манна, герой которого добивается успехов на извилистом пути мошенника в той же исторической ситуации, что и Йозеф Фрайвальд у И. Марека.

Авантюризм можно, пожалуй, считать неотъемлемой, органической чертой буржуазного общества. Он проникает во все сферы, в том числе, разумеется, и в политические. Феликс Круль, как и Фрайвальд, впрочем, не думает о политике: он воспринимает строй как раз и навсегда данный и не подлежащий изменению, ибо тот дает ему возможность богатеть. «Общество такое, как оно есть, представляется мне восхитительным», — говорит Круль. И действительно, окружающая обстановка позволяет авантюристам типа Круля полностью выявить свои «таланты». Лицемерить, выступать в чужой роли — что может быть естественнее в непрочной и искусственной империи Габсбургов? Вот как характеризует Фрайвальд у И. Марека Вену своей молодости: «Все казались здесь не совсем тем, чем им бы приличествовало быть, но никто не считал это обманом». Когда в этой странной, фальшивой обстановке оказывается Йозеф, он сразу же принимает правила игры — выдает себя за барона, и многие из его знакомых так никогда и не узнают, какова же цена его «титулу».

Характерно, что приемы, которыми пользуются для достижения своих целей Круль у Т. Манна и Фрайвальд у И. Марека, удивительно схожи: это безупречная одежда, изысканные манеры, совершенное владение модуляционными голосом и, конечно, огромный заряд самоуверенности. При этом они — психологи и великолепно понимают тех, с кем ведут игру. Если время от времени они и терпят поражение, то лишь от себе подобных авантюристов. Фрай-

вальд ошибся лишь однажды, в юности: гордая красавица графиня Виктория, которую он уже видел в мечтах своей женой, оказалась чешской мешаночкой, приехавшей в столицу ловить жениха. Дядюшка Одиссей на всю жизнь запомнил, как его провели, но в то же время он понял, что способен быть отличным актером: «графиня» Вики на прощание призналась, что лишь его одного из всех своих знакомых она считала истинным аристократом. В «Признаниях авантюриста Феликса Круля» мемуарист не перестает искренне восхищаться тем самым «высшим обществом», которое он обманывает. Он завидует тем, кто привык сорить деньгами, и рвется в их круг; труд он считает позором для себя и пытается доказать, что всего можно добиться артистизмом, изящными манерами, изворотливостью.

Т. Манн нигде открыто не высказывает своего взгляда на буржуазное общество и не поручает сделать это кому-нибудь из героев, но тем не менее оно получает уничтожающую характеристику благодаря авторской иронии. Сатира вырастает в произведении Т. Манна из самих фактов, которые попадают в поле зрения мемуариста. Автор пародирует стиль и слог воспитательного романа — и читатель явственно ощущает дистанцию между изысканным слогом и пошлым, зачастую фривольным содержанием откровений авантюриста. К аналогичным приемам прибегает и И. Марек.

Разрабатывая в сатирическом ключе традиции авантюрной прозы, И. Марек, как говорилось выше, обращается к первоисточнику данного литературного жанра — к античной «Одиссее». Это обнаруживается не только в композиции, но и в постоянном соотношении центрального персонажа с гомеровским героем. С какой же целью Йозеф Фрайвальд сопоставляется с Одиссеем, олицетворяющим наряду с хитроумием благородный, мятущийся дух? В начале романа автор, казалось бы, серьезно проводит это сравнение: «Судьба каждого из нас есть в действительности малый эпос, то героический, то трагический. . . Среди нас живут и Ахиллы, и Гекторы, и хитроумные, испытываемые богами Одиссеи». Йозеф Фрайвальд свое хитроумие доказывает каждым поступком, каждым шагом. Он обуреваем жаждой деятельности и, подобно Одиссею, носится по волнам житейского моря. И. Марек на протяжении повествования постоянно проводит параллели между жизненными ситуациями дядюшки Йозефа и эпизодами «Одиссеи»:

«. . . и как Одиссей, который с облегчением почувствовал под ногами отмель, когда ветхий плот рассыпался, так и дядюшка с удовлетворением осознал, что начинает принадлежать галантерейному магазину вдовы Лоты Фукс»; «. . . так как он (дядюшка) считал самой большой несправедливостью тот факт, что город Прага основал свое собственное похоронное бюро, он вступил в бой на этом участке. Он был тогда подобен Прометею, ибо дал людям огонь, но не снискал их любви».

Читателю оставляют возможность самому сделать выводы о сущности характера дядюшки Одиссея. Ни разу в романе автор открыто не осуждает своего героя, но сквозь подчеркнута почтительное отношение к дядюшке, которое и определяет ведущую интонацию книги, проглядывает не скрываема автором ирония. Читатель исподволь подводится к осознанию мизерности устремлений Фрайвальда — этого мнимого Одиссея. Сопоставляя несопоставимое, автор мобилизует ресурсы комического, заложенные в подобных сближениях. В результате роман получает ярко выраженную сатирическую, пародийную окраску.

М. М. Бахтин в исследовании «Эпос и роман» писал о том, какое важное место в современном романе занимают пародийные стилизации «прямых жанров и стилей»⁴. И. Марек в своем романе обращается к пародии как к средству сатирической типизации: главный герой является пародией на гомеровского героя, так же как форма романа — пародия на героический эпос.

Однако строки И. Марека о сопоставимости судеб каждого человека с судьбами героев Эллады, о героическом и трагикомическом, соседствующих в жизни людей, оставляют писателю возможность для многозначного толкования характера центрального персонажа. Пародийность данного образа в книге выдержана лишь до известной степени. (Этим роман И. Марека отличается от других произведений подобного типа, в частности от романа Т. Манна.) В конце книги И. Марека центральный персонаж будто перерождается. Исчезает ирония, начинает звучать подлинная — не пародийная — патетика. Возникает ощущение, что автор романа хочет как-то сместить его основной акцент. Если раньше он подчеркивал мелочность жизненных целей Йозефа Фрайвальда, его политическую аморфность, то теперь герой внезапно начинает замечать подобные качества у других и провозглашать им «анафему». Речь идет в первую очередь о событиях 1938 г.,

когда Йозеф, вдруг ставший пламенным патриотом, открыто заявляет, что не пойдет на сделку с врагами страны. Для И. Марека, очевидно, завершающие страницы романа имеют особое значение. Здесь он вкладывает в уста главному герою антифашистский монолог: «То, что наступит, будет ужасно. Правда, я сам имел дело со смертью, но для тех, кто марширует на наших границах, смерть — это ремесло, и они будут делать свое дело обстоятельно и с охотой. . . Мне кажется, что приближаются грандиозные похороны, потому что они хотят превратить мир в кладбище. Долго это продолжаться не будет, но они успеют принести много зла».

Фрайвальд всегда старался держаться подальше от политики, иронизировал по ее поводу. Почему же он вдруг так хорошо разобрался в сложившейся ситуации? И откуда то мужество, которое требуется для отказа ссудить деньгами партию, симпатизирующую фашизму? До сих пор мы видели лишь торгаша, готового на все для собственной выгоды, — а теперь перед читателем предстает истинный гражданин, который не способен перенести известие о вступлении на территорию Чехословакии немецко-фашистских войск. Приходится предположить, что в душе Йозефа всегда было живо, так сказать, «предрасположение к добру», что в момент величайшей опасности для страны внезапно проявились ранее скрытые положительные качества его характера. Образ главного героя получает на последних страницах произведения неожиданно трагическую окраску, проистекающую из сознания им собственной беспомощности перед надвигающейся опасностью фашизма. Но метаморфоза, происшедшая с Йозефом, слишком внезапна, разительна, его поведение мало согласуется с тем впечатлением о нем, которое уже сложилось у читателя. И. Марек, очевидно, намеревался показать перерождение Фрайвальда, но, так как «промежуточных ступеней» данного процесса читатель не увидел, эпилог книги, как кажется, звучит малоубедительно.

Эта неоднородность, которая явно прослеживается в произведении И. Марека, осталась незамеченной в монографии Р. Р. Кузнецовой «Роман 70-х годов в Чехословакии» (1980), где впервые в нашем литературоведении дается подробный анализ этой книги. В главе «Одиссея мещанина XX в. в сатирическом романе Иржи Марека» справедливо отмечается, что автором избран новый поворот издавна бытующей в литературе антимещанской темы, что он обратился к корням чешского национального ме-

щанства, вскрыв психологию мнимого Одиссея — Йозефа Фрайвальда. Вместе с тем монография Р. Р. Кузнецовой переоценивает разоблачительный пафос романа И. Марека, обходит вниманием то обстоятельство, что автор недостаточно последователен в обрисовке образа главного героя. Р. Р. Кузнецова пишет в своем исследовании: «К концу романа Мареку становится нелегко вести повествование о низости и подлости в обманчивом тоне добродушного юмора, хотя эту тональность он и сохраняет до конца книги, не желая «приподнимать» своего героя над уровнем его серенькой, незначительной жизни. И все же со вступлением дядюшки на политическую арену все чаще врывается в гармонию текста интонация сарказма. . . В одиссее мещанина XX века явно вырисовывается аспект памфлета. . .»⁵ Напротив, интонация произведения по мере его приближения к финалу, к развязке смягчается; создается впечатление, что автор романа в чем-то даже симпатизирует герою.

Итак, писатель, к сожалению, не смог до конца выдержать повествование в сатирическом аспекте, что, хотя и не снимает звучащий в книге общий обличительный пафос, все же, безусловно, несколько снижает впечатление от романа И. Марека «Мой дядя Одиссей».

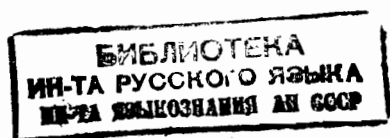
¹ Heřtova J. Panoptikum měšťáckého světa. — Rudé právo, 1975, 20. červenec, s. 5.

² Горький А. М. «Заметки о мещанстве». Собр. соч. в 30-ти томах. М., 1949—1955, т. 23, с. 341.

³ Хронотоп («времяпространство») — термин М. М. Бахтина.

⁴ Бахтин М. М. Эпос и роман. — В кн.: Вопросы литературы и эстетики. М., 1975, с. 450.

⁵ Кузнецова Р. Р. Роман 70-х годов в Чехословакии, М., 1980, с. 262.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

ИСТОРИЯ

<i>В. К. Ронин.</i> Славянская политика Людовика Благочестивого: 814—829 гг.	5
<i>Г. М. Пятигорский.</i> Греческие переселенцы в Одессе в конце XVIII—первой трети XIX в.	33
<i>А. И. Миллер.</i> Социальная доктрина западногалицийских консерваторов 60-х—70-х годов XIX в.	60
<i>О. Ю. Тарасов.</i> Становление польско-румынских отношений и политика Франции в 1919 г.	90
<i>Н. Н. Станков.</i> От Квебека до Згожельца (США и проблема польско-германской границы. 1943—1950 гг.)	118

ЛИНГВИСТИКА

<i>В. Э. Орел.</i> Об одной фонетической изоглоссе, объединяющей албанский язык с балто-славянским и индоиранским	140
<i>Т. Ф. Семенова.</i> Основные вопросы изучения тюркизов, общих для языков карпатского ареала	144

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>А. Ю. Журавлева.</i> Нравственная проблематика в романе К. Мисаржа «Окраина»	156
<i>Н. М. Куренная.</i> Йожеф Дарваш и литературно-общественное течение «народных писателей»	167
<i>Е. Е. Львова.</i> «Однако роман ли это?» (к проблеме жанра романа Л. Мештерхази «Загадка Прометея»)	177
<i>Н. Н. Морозов.</i> Литературно-критическая концепция Дж. Калинеску в 20—30-е годы XX в.	186
<i>И. Г. Безрукова.</i> Особенности сатиры в романе Иржи Марека «Мой дядя Одиссей» (1974)	199

1 р. 30 к.